

17001

П. МИЛЮКОВЪ.

Р. С. С.

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ

ФИНАНСОВОЙ ИСТОРИИ

МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА.

РЕЦЕНЗИЯ НА СОЧИНЕНИЕ А. С. Лаппо-Данилевскаго:

ОРГАНИЗАЦІЯ ПРЯМОГО ОБЛОЖЕНІЯ ВЪ МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лп., № 12.

1892.

17001

П. МИЛЮКОВЪ.

~~1888~~

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ

ФИНАНСОВОЙ ИСТОРИИ

МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА.

РЕЦЕНЗИЯ НА СОЧИНЕНИЕ А. С. Лаппо-Данилевскаго:

ОРГАНИЗАЦІЯ ПРЯМОГО ОБЛОЖЕНІЯ ВЪ МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ.

—o:oco—

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1892.

Библиотека № 39

К

80182

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ. Августъ 1892 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *А. Штраухъ*.

ОТЪ АВТОРА.

Выпуская отдѣльной книгой рецензію на изслѣдованіе А. С. Лаппо-Данилевскаго, составленную по порученію Императорской Академіи Наукъ и напечатанную въ Отчетѣ о тридцать третьемъ присужденіи наградъ графа Уварова, авторъ руководился тѣмъ соображеніемъ, что помимо критической стороны рецензія эта содержитъ нѣкоторые положительные выводы, находящіеся въ тѣсной связи съ тѣми, которые уже опубликованы авторомъ въ его собственномъ изслѣдованіи «Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII столѣтія и реформа Петра Великаго». Порученіе Академіи Наукъ получено было авторомъ, когда первая глава названнаго изслѣдованія была уже отпечатана; кромѣ матеріала, собраннаго во время подготовленія этой главы, авторомъ были разработаны вновь для настоящей работы грамоты Коллегіи Экономіи (Архивъ министерства Юстиціи), давшія весьма цѣнныя свѣдѣнія для времени, предшествующаго XVII вѣку, и значительная часть актовaго матеріала московскаго Румянцевскаго музея, частью принадлежащаго къ той же категоріи (грамоты относящіяся къ монастырскимъ и патриаршимъ землямъ въ собраніи Бѣляева), частью составляющаго единственное въ своемъ родѣ собраніе финансовыхъ документовъ, относящихся къ служилому и посадскому землевладѣнію (отписки Гарелина). Для исторіи текста сошнаго руководства привлечены были списки, хранящіеся въ

С.-Петербургской Публичной библіотекѣ, въ Московскомъ Румянцевскомъ музеѣ и Московскомъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Напечатанный въ приложеніи I списокъ писцовыхъ книгъ до XVII ст., несомнѣнно, въ послѣдствіи будетъ значительно пополненъ, особенно со 2-й половины XVI вѣка; по отношенію къ этому времени мы первоначально даже не дѣлали выборокъ изъ рукописнаго матеріала, такъ какъ не предполагали тогда, что окажется нужнымъ напечатать списокъ—въ оправданіе сдѣланныхъ изъ него выводовъ.

Москва, 6 іюня 1892 г.

Не смотря на недавнее свое появленіе, книга А. С. Лаппо-Данилевскаго уже вызвала рядъ печатныхъ критическихъ отзывовъ, и ея положеніе въ ученой литературѣ можно считать до нѣкоторой степени выясненнымъ ¹⁾. Какъ кажется, всѣ рецензенты были согласны въ томъ, что изслѣдованіе А. С. Лаппо-Данилевскаго представляетъ достоинства, которыя не часто приходится встрѣчать въ нашей ученой литературѣ. Единогласно признана была выдающаяся начитанность автора и его солидное знакомство съ европейской исторической, историко-юридической и историко-экономической литературой. Указано было и связанное съ этимъ широкимъ историческимъ образованіемъ умѣнье автора выбрать тему-отвѣчающую наиболѣе современнымъ интересамъ и потребностямъ исторической науки. Столь-же единодушно было признано, наконецъ, что для осуществленія поставленной задачи авторъ собралъ огромное количество матеріала, какъ печатнаго, въ полнотѣ знакомства съ которымъ автору могъ бы позавидовать любой библиографъ,—такъ и рукописнаго, не только впервые изученнаго, но въ

---

¹⁾ Мнѣ извѣстны: рецензія М. А. Дьяконова въ Журн. Мин. Нар. Пр.; рецензія В. Н. Сторожева въ Юрид. Вѣстникъ 1890, ноябрь, стр. 462—474, статья Н. Н. Чечулина въ Жур. Мин. Нар. Просв. 1891, мартъ, стр. 20. Историч. Вѣстникъ, 1890, августъ, 449—454. Книжный Вѣстникъ 1890, № 5, стр. 199—200. Возраженія на диспутъ официальныхъ оппонентовъ, Н. И. Карѣева и С. О. Платонова изложены, къ сожалѣнію, черезчуръ кратко, въ Историческомъ обзорѣніи. Т. I, стр. 292—294.

значительной степени даже и впервые найденного авторомъ. Что касается возраженій, сдѣланныхъ автору, то само собою разумѣется, что, при такой обширной темѣ, при необъятномъ количествѣ относящагося къ ней сыраго матеріала, при новости разработки многихъ затронутыхъ авторомъ вопросовъ, въ этихъ возраженіяхъ не могло быть недостатка; еще болѣе справедливо это относительно дополненій, которыя будутъ долго еще представляться по мѣрѣ дальнѣйшаго изученія архивныхъ источниковъ. Возможность тѣхъ возраженій и дополненій, которыя отчасти уже сдѣланы раньше, отчасти предлагаются въ послѣдующихъ замѣчаніяхъ, нисколько, конечно, не уменьшаетъ достоинства разбираемаго изслѣдованія, а только доказываетъ необходимость дальнѣйшей коллективной работы въ томъ же направленіи. Предложить свою посильную долю этой коллективной работы имѣетъ главнымъ образомъ въ виду и настоящая рецензія.

Выборъ темы. Распредѣленіе матеріала. Приемы изложенія. Выборъ всякой спеціальной темы есть до нѣкоторой степени случайность, и всякое выдѣленіе темы изъ непрерывнаго контекста историческаго процесса будетъ въ нѣкоторой степени искусственнымъ. Дѣло изслѣдователя, конечно, постараться, чтобы этой случайности и искусственности въ его выборѣ было какъ можно меньше. Тема, выбранная А. С. Лаппо-Данилевскимъ, и по теоретическимъ основаніямъ, какъ въ высшей степени соотвѣтствующая современнымъ вопросамъ нашей науки, и по практическимъ соображеніямъ, какъ опирающаяся на весьма обильный и важный, но почти до сихъ поръ не затронутый матеріалъ, представляется намъ вполне своевременною и наименѣе случайною. Но автору этого, по видимому, недостаточно. Онъ доказываетъ, что его тема есть единственно возможная, что начинающій русскій историкъ долженъ заняться прежде всего XVII вѣкомъ, и въ XVII вѣкѣ — государственнымъ хозяйствомъ. Спеціалистъ по исторіи отдѣльнаго народа долженъ изучать въ его исторіи преимущественно *специфическія* явленія, свойственныя національному типу, а не черты, общія ему съ другими народностями, — такова первая посылка автора, сама по себѣ далеко не безспорная. Вторая посылка не менѣе сомнительна: наиболѣе специфическимъ явленіемъ русской національной исторіи, утверждаетъ авторъ, является Московское государство XVII в. Такимъ образомъ, первый выводъ построенъ; второй мы приведемъ подлинными словами автора. «За этотъ періодъ времени (XVII в.), говоритъ онъ, развитіе великорусской національности было довольно

одностороннимъ. Оно сказывалось, главнымъ образомъ, въ прогрессивномъ ростѣ правительственныхъ органовъ и ихъ функцій, а не въ историческомъ разностороннемъ движеніи всей совокупности народныхъ силъ. Поэтому, изученіе XVII в. сводится, главнымъ образомъ, къ ознакомленію съ его правительственной исторіей. Въ этой исторіи наиболѣе важными вопросами за это время являются: финансы и войско. Причинное соотношеніе, въ которомъ находятся эти явленія, естественно приводитъ къ изученію перваго изъ нихъ». Итакъ, въ финансовой исторіи XVII в. находится разгадка специфическихъ особенностей русской національной исторіи. Изучивъ ее обстоятельнѣе всѣхъ предыдущихъ изслѣдователей, авторъ, слѣдовательно, наиболѣе приблизится къ пониманію этихъ особенностей и объяснитъ намъ ихъ съ помощью финансовой исторіи. Поспѣшимъ же воспользоваться окончательнымъ выводомъ автора; отъ предисловія перейдемъ къ заключенію; вотъ нашъ искомый выводъ: «въ исторіи организациі прямаго обложенія въ Московскомъ государствѣ XVII в. ярко сказываются характерныя черты русской государственной жизни въ это время. Таковы: постепенное поглощеніе частныхъ интересовъ государственными, усиленіе централизаціи и милитаризма». Какъ видимъ, «характерныя черты» русской исторіи даже въ этой формулировкѣ автора не объясняются, а сами употребляются для объясненія особенностей нашей финансовой исторіи. Въ окончательномъ выводѣ авторъ не ушелъ далѣе своего исходнаго пункта. Мы не разбираемъ здѣсь, впрочемъ, философіи исторіи автора и предпочли бы вовсе не упоминать объ его мотивировкѣ выбора темы, еслибы изложенная аргументація имѣла смыслъ простаго литературнаго приема. Но авторъ смотритъ на нее совершенно серьезно и по крайней мѣрѣ въ одномъ отношеніи его воззрѣнія несомнѣнно имѣли значительное вліяніе на содержаніе его историческихъ представленій о выбранномъ періодѣ. Онъ, дѣйствительно, вѣритъ въ XVII-й вѣкъ, какъ въ какой-то предустановленный «типъ» русскаго историческаго развитія; прошлое по отношенію къ этому типу представляется ему подготовленіемъ, послѣдующее время—вырожденіемъ типа. «Въ XIV—XV в. уже видны зародыши будущаго Московскаго государства, въ XVI в. обрисовываются важнѣйшія черты государственнаго строя, но лишь въ XVII в. онѣ достигаютъ болѣе или менѣе устойчиваго взаимоотношенія, которое даетъ возможность довольно ярко представить себѣ извѣстный государственный типъ. Въ XVIII в. національныя черты этого типа сильно блѣднѣютъ подъ вліяніемъ

западно-европейской цивилизації». Это преимущественное сосредоточение внимания на заранее составленной идеѣ «типа» само по себѣ не предвѣщаетъ ничего хорошаго: преувеливая «устойчивость» явленій, изслѣдователь рискуетъ утратить необходимую гибкость мысли и остроту зрѣнія; слѣдя за единствомъ типа, историкъ рискуетъ пропустить главное, что подлежитъ историческому изученію разнообразію, сложности и подвижности историческаго процесса.

Въ вопросѣ о финансовомъ строѣ XVII в. А. С. Лаппо-Данилевскій также выбралъ одинъ отдѣлъ, обозначаемый въ заглавіи: организацію прямаго обложенія. Сопоставляя это заглавіе съ содержаніемъ книги, мы найдемъ, что оно не совсѣмъ соотвѣтствуетъ послѣднему. (Спѣшимъ оговориться, впрочемъ, что мы хотимъ возразить здѣсь не противъ заглавія). Впервыхъ, авторъ далеко не ограничивается организаціей обложенія, но изучаетъ также, въ цѣлой главѣ (первой) социальный составъ общества по отношенію къ податнымъ обязанностямъ разныхъ его слоевъ. Вовторыхъ, врядъ-ли все содержимое книги подойдетъ подъ терминъ «прямаго» обложенія. Этимъ терминомъ авторъ, повидимому, хотѣлъ исключить «косвенное» обложеніе, т. е. налоги на потребленіе, и ограничить задачу изученіемъ такъ-называемыхъ оцѣночныхъ налоговъ. Но, съ другой стороны, рамками послѣднихъ онъ вовсе не стѣсняется и изучаетъ такого рода финансовыя явленія, которыя не могутъ быть отнесены даже вообще къ разряду налоговъ. Напр. *оброкъ* въ нѣкоторыхъ своихъ проявленіяхъ не есть налогъ, а доходъ съ государственныхъ имуществъ. Затѣмъ, рядъ натуральныхъ и личныхъ повинностей, которымъ посвящена опять цѣлая глава (IV), также врядъ-ли можетъ разсматриваться подъ рубрикой «прямаго обложенія». Разъ авторъ, такимъ образомъ, въ $\frac{2}{5}$ своей книги (215 стр. изъ 550) выходитъ вовсе изъ рамокъ «обложенія», мы вправѣ пожалѣть, что самую область обложенія онъ произвольно сѣзнулъ, выкинувъ косвенные налоги. Конечно, организація ихъ взиманія иная, чѣмъ прямаго обложенія; но вѣдь и организація отбыванія повинностей, и организація обложенія (договорнымъ) оброкомъ и нѣкоторыми спеціальными сборами, напр. процентными, — тоже иная, что не помѣшало автору включить все это въ сферу своего изслѣдованія. Между тѣмъ, исключивъ косвенные налоги, авторъ этимъ подвергъ себя весьма серьезнымъ неудобствамъ. Такъ, онъ лишилъ себя возможности представить въ цѣломъ систему центральной финансовой администраціи и отмѣтить нѣкоторые моменты въ ея развитіи, важные вообще для финан-

совой исторіи XVII в.; долженъ былъ обойти молчаніемъ нѣкоторые самые характерные приемы финансовой политики Московскаго государства; но что особенно важно, онъ потерялъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность изучать количественныя отношенія податной системы XVII в., безъ знакомства съ которыми невозможно никакое сужденіе о финансовомъ значеніи отдѣльныхъ налоговъ, о сравнительной ихъ тягости для страны и важности для государственнаго бюджета. Безъ выясненія же этихъ обстоятельствъ и сужденіе о любомъ финансовомъ мѣропріятіи XVII в. должно было сдѣлаться затруднительнымъ. Очевидно, авторъ самъ сознавалъ эти послѣдствія своего самоограниченія, такъ какъ оговорился въ предисловіи, что ставить своей задачей разсмотрѣть входящіе въ его тему вопросы не «съ точки зрѣнія ихъ экономическаго значенія», а «съ точки зрѣнія ихъ юридической опредѣленности»;— т. е. очевидно, не съ точки зрѣнія матеріальной, а съ точки зрѣнія формальной. По нашему крайнему разумѣнію, такая точка зрѣнія въ спеціальному сочиненіи по финансовой исторіи составляетъ существенный недостатокъ.

Зная теперь, что финансовый строй XVII в. авторъ будетъ описывать, какъ особо-типичную систему «устойчивыхъ взаимоотношеній», и что систему эту онъ изучаетъ со стороны ея формальной организаціи, мы уже должны быть готовы къ тому, чтобы встрѣтить въ книгѣ А. С. Лаппо-Данилевскаго не финансовую исторію XVII в., а именно финансовую систему, не процессъ, а устройство. Поэтому, насъ нѣсколько удивитъ послѣ всего этого замѣчаніе автора, что «въ этихъ общихъ рамкахъ онъ стремился изобразить изучаемыя имъ явленія не въ статическомъ положеніи, а въ ихъ историческомъ движеніи, не отвлеченною, однообразною схемою, а въ видѣ живой, развивающейся ткани соотношеній, опредѣляемыхъ мѣстными условіями древне-русской жизни». Чтобы понять смыслъ этого замѣчанія, кажется, надо сопоставить его съ тѣмъ планомъ расположенія матеріала, котораго придерживался авторъ въ своей книгѣ.

Изучая финансовый строй со стороны формальной, авторъ могъ избрать двоякій планъ изложенія: или въ порядкѣ систематическаго описанія различныхъ составныхъ частей функционирующаго механизма, или въ порядкѣ послѣдовательныхъ моментовъ его функционирования. Если уже считать оба порядка несомнѣстными,—болѣе удобнымъ и послѣдовательнымъ намъ казалось бы остановиться на первомъ планѣ, такъ какъ изученіе функционирования механизма предполагаетъ уже предварительное знакомство съ его устрой-

ствомъ. Авторъ выбралъ второй планъ. Чтобы объяснить этотъ выборъ, мы и должны вспомнить только-что приведенную фразу: вѣроятно, ему казалось, что, изучая механизмъ въ его функционированіи, онъ этимъ становится на «динамическую» точку зрѣнія и вводитъ жизнь въ отвлеченную схему. Такъ какъ подъ динамикой историческаго процесса мы привыкли однакоже понимать именно процессъ, а не функционированіе установившейся системы, то мы и не можемъ согласиться здѣсь съ авторомъ. Дробить живыя явленія между моментами такого функционированія, какъ намъ кажется, значить гораздо болѣе насиловать ихъ, чѣмъ нужно для изображенія «отвлеченной схемы» дѣйствующаго механизма. А такъ какъ авторъ не только даетъ цитированное обѣщаніе, но и старается дѣйствительно его исполнить, то можно только пожалѣть, что онъ не былъ послѣдовательнѣе разъ принятой формальной точкѣ зрѣнія и не ограничился изображеніемъ «отвлеченной, однообразной схемы».

Предположенный планъ — сгруппировать матеріалъ въ порядкѣ функционированія финансоваго строя,—однако, тоже не выполненъ авторомъ вполнѣ, прежде всего по невозможности умѣстить въ немъ весь собранный запасъ данныхъ. Такъ, совсѣмъ за порогомъ этого плана осталась глава о податныхъ класахъ, получившая какъ бы вступительный характеръ. Вторая глава выдерживаетъ планъ, за однимъ исключеніемъ. Въ ней изучается первый моментъ функционированія: *раскладка* податей; онъ въ свою очередь распадается на два момента: подготовительный, именно 1) составленіе переписей, 2) опредѣленіе на основаніи ихъ той податной единицы, которой будетъ измѣряться податная способность субъекта; сюда же напрасно отнесено 3) составленіе отчетовъ и смѣтъ по взиманію налоговъ: какъ кажется, этотъ моментъ удобнѣе разсматривать какъ заключительный, которымъ кончается финансовый круговоротъ. Второй моментъ, исполнительный, состоитъ въ мірской раскладкѣ податей внутри установленныхъ правительствомъ окладныхъ единицъ. Слѣдующему моменту функционированія, *взиманію* податей, посвящена третья глава сочиненія: здѣсь излагается конкурирующая дѣятельность выборныхъ и правительственныхъ органовъ по взиманію и затѣмъ «движеніе податныхъ суммъ изъ областныхъ въ центральныя учрежденія». Отсюда—естественный переходъ къ центральнымъ учрежденіямъ, но авторъ вторично нарушаетъ свой планъ, вводя главу четвертую, о личныхъ повинностяхъ и натуральныхъ сборахъ. Въ послѣдней, пятой, главѣ ав-

торъ возвращается къ своей системѣ и изучаетъ заключительный моментъ функціонированія: «распредѣленіе поступленій по центральнымъ учрежденіямъ». Сюда же удобнѣе было бы отнести и отдѣлъ о финансовой отчетности.

Какъ видимъ, этотъ планъ изложенія, которому нельзя отказать въ стройности, не оказываетъ, однако, автору единственной услуги, которая могла бы еще до нѣкоторой степени оправдать его примѣненіе: онъ не сообщаетъ книгѣ единства дѣленія. Между тѣмъ, онъ сопровождается весьма серьезными неудобствами. Различныя части функціонирующаго механизма изображаются лишь попутно, и притомъ какъ бы по поводу своего функціонированія. Отсюда изображеніе областной финансовой администраціи разбивается между отдѣлами о раскладкѣ и о взиманіи; воевода фигурируетъ чуть-ли не во всѣхъ стадіяхъ функціонированія и по всѣмъ отдѣламъ приходится разбрасывать характеристику его дѣятельности. Еще неудобнѣе оказывается—описывать центральную администрацію по поводу распредѣленія поступленій между разными учрежденіями. Но всего важнѣе то неудобство, что цѣлый отдѣлъ о податной системѣ при этомъ порядкѣ изложенія вовсе не находитъ себѣ мѣста, и авторъ размѣщаетъ необходимыя ему свѣдѣнія, гдѣ случится. Разбросавъ эту неосуществившуюся, хотя и необходимую главу по всему сочиненію, авторъ все-таки вынужденъ былъ нарушить планъ для введенія аналогичной главы 4-ой.

Итакъ, въ результатѣ,—архитектоника изслѣдованія представляется намъ не совсѣмъ удавшеюся. Это обстоятельство освобождаетъ насъ отъ обязанности въ своихъ замѣчаніяхъ слѣдовать порядку изложенія автора.

Кончая эти общія замѣчанія, не можемъ не указать теперь же еще на одно обстоятельство, вмѣстѣ съ предыдущимъ значительно затрудняющее изученіе книги А. С. Лаппо-Данилевскаго. Обстоятельство это связано съ указаннымъ выше колебаніемъ автора между изображеніемъ порядка,—«однообразной схемы»,—и изображеніемъ наполняющей схему «живой ткани соотношеній». При изображеніи схемы непригодны индивидуальныя факты и случайныя черты. При изображеніи жизни все это нужно, но по жизни нельзя судить о схемѣ. Авторъ недостаточно оцѣнилъ, какъ намъ кажется, несовмѣстимость этихъ условій; слишкомъ часто онъ клеитъ свою картину порядка изъ единичныхъ исключеній, понятныхъ только на своемъ мѣстѣ; отрывая ихъ отъ этого мѣста, онъ лишаетъ ихъ ихъ индивидуальнаго смысла, но не можетъ часто найти въ нихъ

и смысла общаго; забывая, что ихъ не слѣдовало сопоставлять безъ дальнѣйшихъ объясненій для характеристики общаго порядка, онъ считаетъ ихъ все-таки пригодными для такой характеристики и, въ результатѣ, слишкомъ часто приходитъ къ заключенію, что искомый имъ порядокъ заключался въ полномъ безпорядкѣ, а описываемыя имъ формы сводились къ полной безформенности. Нужно ли говорить, что во многихъ подобныхъ случаяхъ виновата не жизнь, а нѣсколько неосторожное введеніе этой жизни въ рамки «отвлеченной, однообразной схемы».

Одинъ изъ критиковъ сочиненія А. С. Лаппо-Данилевскаго, М. А. Дьяконовъ, не разъ принужденъ былъ отмѣчать «невыгоду положенія автора, которому приходилось оперировать надъ матеріаломъ XVII в., не имѣя подготовленной почвы въ изслѣдованіяхъ о предшествующихъ эпохахъ». (стр. 377). Въ дѣйствительности, эта невыгода станетъ еще яснѣе, если согласимся, что XVII в. вовсе не представляетъ того неизмѣннаго устойчиваго типа, какимъ отчасти склоненъ представлять его авторъ; первая половина этого вѣка, можетъ быть, во многихъ отношеніяхъ окажется въ концѣ концовъ тѣснѣе связанной со второй половиной XVI-го, чѣмъ со второй половиной XVII-го вѣка. Конечно, и самъ авторъ хорошо чувствовалъ эту связь, такъ какъ въ разныхъ мѣстахъ своей книги онъ счелъ нужнымъ сдѣлать экскурсы во время, предшествующее XVII в. На этихъ экскурсахъ мы и позволимъ себѣ прежде всего остановиться съ большей подробностью, чѣмъ это вызывается прямыми задачами рецензіи. Непропорціональность эта отчасти оправдывается тѣми выводами, которые мы получимъ возможность сдѣлать и относительно взглядовъ автора на XVII вѣкъ; до нѣкоторой степени она оправдывается и тѣмъ обстоятельствомъ, что по XVII в. намъ уже пришлось посчитаться съ взглядами автора въ нашей собственной работѣ («Госуд. хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII столѣтія и реформа Петра Великаго»), и для дальнѣйшей критики труда А. С. Лаппо-Данилевскаго мы воспользуемся полученными тамъ выводами.

I. Время предшествующее XVII вѣку. 1. Податная система. Въ самомъ началѣ своего изслѣдованія А. С. Лаппо-Данилевскій вводитъ отдѣлъ, имѣющій содержаніемъ «происхожденіе и развитіе прямаго обложенія въ Московскомъ государствѣ до XVII в.» (1—18). Развитіе русской податной системы представляется здѣсь въ слѣдующей схемѣ. Система прямыхъ налоговъ сложилась изъ трехъ элементовъ: налоги, происшедшіе изъ дворцоваго хозяйства,

изъ военныхъ потребностей и изъ татарскаго завоеванія. Первый и, кажется, по мысли автора, древнѣйшій отдѣлъ податной системы складывается въ то время, когда «личныя потребности сѣверно-русскаго князя и его двора, вѣроятно, удовлетворялись не столько путемъ сборовъ съ крестьянъ, селившихся на черныхъ земляхъ, сколько наличными силами и средствами его частнаго хозяйства». Другими словами, древнѣйшіе прямые налоги—частно-хозяйственнаго происхожденія. Сюда именно авторъ относитъ *оброкъ* и *кормы* администраторамъ-дружинникамъ князя (1—8). Ко второму податному слою, вызванному потребностями внѣшней защиты, относится образованіе *стрѣлецкой подати*, повинностей *городоваго дѣла* и ратной службы («*посоиной*»): «податныя обязанности, вызванныя потребностями государственной защиты, сложились довольно поздно» (именно, послѣ середины XIII в.?). Наконецъ, третье наслоеніе прямыхъ податей авторъ выводитъ изъ отношеній къ татарамъ: сюда относятся *дань*, *ямскія* и *полоянничныя* деньги.

Идея частно-хозяйственнаго происхожденія государственныхъ отношеній Московскаго княжества принесла, безспорно, большую пользу нашей наукѣ. Тѣмъ не менѣе въ наше время, кажется, роль этой идеи слѣдуетъ считать сыгранной. Рамки ея оказались слишкомъ узкими. Старая идея не только оживаетъ однако въ употребленіи автора, но оживаетъ еще въ болѣе узкомъ смыслѣ. Не довольствуясь выводомъ древнѣйшихъ финансовыхъ отношеній изъ дворцоваго хозяйства, онъ старается вывести ихъ изъ предполагаемой имъ основной ячейки этого хозяйства, изъ эксплуатаціи въ дворцовомъ хозяйствѣ рабскаго труда.

Въ рецензіяхъ гг. Дьяконова и Сторожева уже было отмѣчено произвольное употребленіе авторомъ термина XVII в. («задворные» холопы) въ приложеніи къ XII—XIV вѣку (стр. 1, 3, 9, 12) и ошибочное принятіе имъ людей дворцовой службы (находящихся «подъ дворскимъ») — за дворовыхъ холоповъ. Авторъ пытается даже установить фактъ постепеннаго перерожденія «задворныхъ холоповъ» въ тяглое населеніе (крестьянъ), а «дворовыхъ» — въ служилое (9). Изъ 9 цитатъ приведенныхъ (стр. 2, прим. 2) въ доказательство перваго положенія, ни одна не касается, однакоже, предполагаемаго авторомъ перехода «задворныхъ холоповъ» въ крестьяне: это все жалованныя грамоты рыболовамъ, сокольникамъ, бобровникамъ, т. е. дѣйствительно тѣмъ людямъ, которые въ договорныхъ княжескихъ грамотахъ означаются какъ люди «подъ дворскимъ», но которые и въ этихъ грамотахъ вовсе не означаютъ хо-

лоповъ, хотя холопы между ними и попадаются ¹⁾. Переходъ ихъ въ крестьяне, по мысли автора, долженъ былъ совершиться тогда, когда измѣнился характеръ ихъ повинностей; именно, по его предположенію, «людскія деревни и слободы доставляли первоначально во дворецъ всѣ требуемые сборы натурой», а потомъ ростъ княжескаго хозяйства и измѣненіе характера дворцовыхъ слободъ (т. е. изъ земледѣльческихъ въ промышленныя) «повели къ переложенію ненужной части натуральныхъ сборовъ на денежный оброкъ» — въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка. И опять приводимыя авторомъ (тѣ же) мѣста нисколько не оправдываютъ этого схематическаго построения автора; въ одномъ только изъ нихъ есть прямая замѣна натурального дворцоваго сбора не оброкомъ, а тягломъ, и не въ XV — XVI в., а въ 1668 г. ²⁾; изъ всѣхъ же вообще мѣстъ видно, что 1) это не «людскія» (т. е. холопскія) деревни; 2) оброкъ въ нихъ не замѣняетъ натуральныхъ платежей, а существуетъ параллельно; иногда же извѣстное угодье прямо и отдается на оброкъ, а не для натуральныхъ поставокъ ³⁾. Въ отличіе отъ тяглаго волостнаго населенія эта общественная группа носитъ въ древнихъ источникахъ и названіе «оброчниковъ»; положеніе ихъ иное, чѣмъ крестьянъ, но не потому, что они — холопы, а потому, что они «служатъ службу великаго князя»; позднѣе эта группа входитъ въ составъ дворцовыхъ крестьянъ, хотя нѣкоторымъ членамъ ея и удалось пробраться въ «помѣщики».

Врядъ-ли можно считать удавшеюся и попытку автора объяснить происхожденіе служилаго сословія изъ сліянія «высшаго слоя царскихъ дворцовыхъ холоповъ съ низшимъ слоемъ вольныхъ слугъ». (9). Авторъ основывается при этомъ на нерѣдкомъ упоминаніи въ XIII—XV в. «двора» государева въ смыслѣ военнаго отряда. Едва ли можно сомнѣваться, что этотъ «дворъ» и есть вольные слуги, — они же дѣти боярскія. Люди дворцовой службы, конечно, могли примыкать къ этому отряду, хотя вообще ихъ служба была другая, хозяйственная; весьма вѣроятно, далѣе, что и зародыши помѣстной системы сложились въ обстановкѣ дворцовой службы, прежде чѣмъ были примѣнены къ служилой организаціи. Но дворцовая служба не есть непременно служба холопская; врядъ-ли число холоповъ на дворцовой службѣ было настолько значительно,

---

¹⁾ Ср. напр. С. Г. и Д. I, № 40, стр. 74—75.

²⁾ А. Э. IV, № 210.

³⁾ Напр. А. Э. I, 142, 143.

чтобы образовать цѣлый «слой», да еще перешедшій изъ сферы хозяйственной въ сферу военной службы. Не отрицая возможности того, что холопъ великаго князя могъ сдѣлаться «помѣщикомъ» и служилымъ человѣкомъ, мы однако полагаемъ, что такіе случаи были довольно рѣдкими ¹⁾).

Еще затруднительнѣе оказывается положеніе автора, когда изъ этихъ основъ дворцоваго хозяйства съ несвободнымъ контингентомъ дворцовыхъ слугъ онъ начинаетъ выводить древнѣйшіе налоги. Собственно говоря, изъ дворцовыхъ потребностей нельзя, какъ мы думаемъ, вывести никакихъ сборовъ, кромѣ чисто дворцовыхъ. Мы готовы согласиться съ авторомъ, что именно такое частно-хозяйственное происхожденіе имѣютъ нѣкоторые виды оброка. Но *главные* виды оброка происходятъ, во всякомъ случаѣ, не изъ дворцовыхъ потребностей. М. А. Дьяконовъ замѣтилъ уже, что такимъ образомъ не можетъ быть объяснено происхожденіе оброка, замѣняющаго тягло; кажется, что и оброкъ въ смыслѣ аренднаго сбора съ государственныхъ имуществъ не долженъ быть выводимъ изъ отношеній дворцоваго хозяйства; есть основанія думать, что бортный, бобровый, рыбный промыслы уже въ то время считались регаліями и различались отъ непосредственнаго дворцоваго имущества ²⁾).

Во всякомъ случаѣ, къ нѣкоторымъ видамъ оброка и сводятся всѣ подати дворцоваго характера. Уже совсѣмъ неудачно пытается авторъ вывести изъ дворцоваго хозяйства рядъ налоговъ на содержаніе администраціи. Для этого онъ предполагаетъ, что дворцовымъ чиновникамъ (опять: «бывшимъ первоначально дворовыми холопами вел. кн.») приходилось наблюдать за выполненіемъ недворцовымъ населеніемъ нѣкоторыхъ дворцовыхъ повинностей и во время этого наблюденія они получали отъ населенія содержаніе натурой; затѣмъ, несовсѣмъ яснымъ образомъ, это содержаніе было переведено на деньги и, еще менѣе понятнымъ образомъ, превратилось въ этомъ видѣ въ казначеевы, дьячьи и подъячьи пошлыны. Насильствен-

---

¹⁾ Въ Переяславскомъ уѣздѣ среди селъ и деревень великаго князя, числящихся «за помѣщиками», мы нашли въ 1520 году деревню въ 3 двора, записанную въ писцовой книгѣ «за холопомъ великой княгини», — вѣроятно, не служилымъ человѣкомъ. (Рум. Муз. Собр. Бѣляева, № 1620, л. 29 и слѣд.). Другихъ случаевъ пока не знаемъ, если не упоминать о чрезвычайной мѣрѣ, поверстаніи, по извѣстію Бекетовской разрядной, дворовыхъ людей разныхъ частныхъ лицъ въ новгородскіе помѣщики.

²⁾ См. впрочемъ Боярскую Думу В. О. Ключевскаго, изд. 2-е, стр. 112.

ность этого вывода бросается въ глаза. При тогдашней простотѣ центральной администраціи, конечно, дворцовые чиновники являлись и вообще администраторами, не ограничиваясь дѣлами по дворцовому хозяйству. Недворцовое населеніе, рядомъ съ общими податями и повинностями, дѣйствительно, несло и нѣкоторыя спеціально дворцовыя; но большая часть послѣднихъ именно и вызывалась временнымъ присутствіемъ въ его средѣ великаго князя, его бояръ, «ѣздоковъ и посланниковъ»; это было наше *droit de gîte*. Итакъ, никакой надобности наблюдать за отправленіемъ этихъ *дворцовыхъ* повинностей черезъ особыхъ чиновниковъ не было; если же дворцовые чиновники и получали съ недворцоваго населенія содержаніе, постоянное или временное, то они получали его не въ качествѣ руководителей дворцоваго хозяйства, а именно въ качествѣ чиновниковъ.

Намѣстничьи и волостелины *кормы* авторъ ставитъ въ связь съ дворцовымъ хозяйствомъ другимъ способомъ. Звеномъ, связывающимъ одно съ другимъ, является здѣсь идея *кормленія*. Кормленіе авторъ опредѣляетъ, какъ «передачу государственныхъ правъ, принадлежащихъ князю, въ частное временное пользованіе служилому человѣку» (5). Если согласимся съ этимъ опредѣленіемъ, если даже допустимъ *частный* характеръ *кормленій* вообще, то все же этимъ ничего не рѣшается въ частности относительно *корма*. Въ кормленіе можно было пожаловать любую должность, любую отрасль государственнаго дохода. Но одна эта передача, конечно, не могла создать новаго государственнаго дохода, и поэтому врядъ-ли можно говорить о «переходѣ кормленія въ государственный налогъ» (512). Кормленіе не есть налогъ, а только одинъ изъ способовъ употребленія государственнаго налога. *Кормъ* же намѣстника и волостеля и *поборъ* ихъ доводчиковъ и праветчиковъ есть спеціальныи государственный налогъ на содержаніе мѣстной администраціи. При рудиментарности государственныхъ учрежденій, взиманіе его поручается самой администраціи; но одно это измѣненіе *формы взиманія* само по себѣ не дѣлаетъ чиновника—частнымъ лицомъ, а его жалованья—частнымъ доходомъ. Форма взиманія *корма* (натурой и деньгами) представляется безразличной въ самыхъ документахъ; размѣръ его, насколько мы можемъ слѣдить по источникамъ, въ самомъ началѣ является точно опредѣленнымъ; слѣдовательно, говорить о томъ, какъ «прежніе неопредѣленные натуральные кормы превращаются въ болѣе точные денежные доходы», можно только предположительно; но даже и въ томъ случаѣ, если такой хронологическій

переходъ дѣйствительно существовалъ, съ нимъ нельзя связывать никакого «измѣненія самаго характера сборовъ», и, конечно, нельзя выводить, что, именно благодаря этому превращенію — «изъ частнаго дохода, вознаграждавшаго заслуги служилаго человѣка, они (сборы) становятся мало по малу государственнымъ налогомъ»¹⁾. Будучи государственнымъ налогомъ съ самаго начала, кормъ никогда не былъ «частнымъ доходомъ», а составной частью казеннаго жалованья; кормленіе же дѣйствительно могло быть передачей государственнаго налога въ частное пользованіе (если давалось частному лицу, а не чиновнику); но оно не создавало никакого новаго налога. Въ этомъ и послѣдующихъ разсужденіяхъ авторъ постоянно смѣшиваетъ видъ съ родомъ, *кормъ съ кормленіемъ*; но различныя по существу, оба явленія имѣли и различную судьбу: съ уничтоженіемъ кормленій вовсе не уничтожился кормъ; его обращеніе въ казну послѣ введенія губныхъ учреждений было продолженіемъ той-же обычной практики, какая дѣйствовала обыкновенно при всякомъ освобожденіи и упраздненіи мѣста, дотированнаго этимъ содержаніемъ; намѣстничъ кормъ обращался въ казну, «чтобы тѣмъ *нашимъ* доходомъ истери не было», какъ выражается одна грамота²⁾. Но обращеніе намѣстнича корма въ казну не сопровождалось переводомъ администраціи на казенное содержаніе и установленіемъ денежныхъ штатовъ: воевода XVII в. получалъ свои кормы совершенно на томъ же основаніи, какъ и намѣстникъ XVI в. (Гос. Хоз., стр. 90, 122); дальнѣйшее изслѣдованіе должно только разъяснить, была-ли тутъ преемственная связь и въ какихъ случаяхъ воеводскій кормъ явился новымъ налогомъ помимо намѣстнича.

---

1) Необходимо здѣсь напомнить, что, *помимо* намѣстнича корма, существовалъ еще «посошный кормъ», часто упоминаемый грамотами рядомъ съ первымъ и бывший, повидимому, уже прямо сборомъ въ княжескую казну. Авторъ вовсе не упоминаетъ объ этомъ налогѣ.

2) Доп. къ А. И. I, № 86, 109. Ср. Арх. Мин. Юст. Переясл. у. № 8808, грамота 1530 г. авг. 12: «въ Гулятино и Мишутино прикащику нашему:—присылалъ къ намъ бити челомъ Троицкаго монастыря игуменъ Іоасафъ... что деи ихъ деревни монастырскіе есть въ Мишутинѣ, а кормомъ тянутъ изстари къ Переяславлю—къ намѣстникомъ; и ты деи на ихъ хрестьянехъ тѣхъ деревень правишь кормы на меня на вел. князя, и ты бы съ тѣхъ монастырскихъ деревень... кормовъ не правилъ,... кормъ на нихъ емлютъ наши намѣстники переяславскіе». Въ Новгор. писцов. кн. т. IV, 227 (1498) находимъ слѣдующую замѣтку: «а что кладенъ намѣстничъ кормъ и волостелинъ на вел. князя волости и на деревни въ старыхъ кормленьяхъ и въ новомъ кормленьи, и тѣхъ кормовъ на вел. князя не имати, а емлютъ тѣ кормы намѣстники и волостели».

Надо думать, что различаемымъ имъ слоямъ податной системы авторъ не придаетъ строго хронологическаго значенія. Ему, конечно, хорошо извѣстно, что оброкъ и кормъ не суть единственные составныя части древнѣйшей податной системы; черезъ нѣсколько страницъ, напр., мы узнаемъ, хотя и мимоходомъ, что князья съ древнѣйшихъ и до позднѣйшихъ временъ взимали въ свою пользу *дань*. Одного этого упоминанія достаточно, чтобы древней податной системѣ не придавать характера исключительно дворцовой.

Авторъ переходитъ затѣмъ ко второй своей группѣ: къ налогамъ, образовавшимся изъ потребностей государственной защиты (9—13). Эти податныя обязанности, по его мнѣнью, «сложились довольно поздно, да и могли сложиться лишь тогда, когда нѣсколько окрѣпла государственная власть и опредѣленнѣе обрисовались главнѣйшія черты общественнаго строя. Ни того, ни другаго еще не существовало въ 30-хъ и 40-хъ годахъ XIII вѣка». Первый изъ объясняемыхъ имъ военныхъ налоговъ этой группы, *стрѣлецкая подать*, ставится въ связь съ происхожденіемъ стрѣлецкаго войска опять изъ отряда дворцовыхъ холопей. Если мы не могли согласиться съ первою ступенью доказательства автора, съ отождествленіемъ «двора» государева съ дворцовыми холопами, то еще менѣе можемъ согласиться со второю—съ выведеніемъ стрѣльцовъ отъ двора государева. Дворъ государевъ есть московская гвардія дѣтей боярскихъ ¹⁾; называются они «дворомъ» (или «дворовыми дѣтьми боярскими») уже въ XV в.—въ противоположность дѣтямъ боярскимъ «изъ городовъ» или городовымъ ²⁾. Въ томъ же смыслѣ документы говорятъ о «стрѣльцахъ и казакахъ государева двора» (Вивл. XIV, 351, 1578 г.); это мѣсто, цитируемое авторомъ (вслѣдъ за Сергѣевичемъ; Наблюд. 1887, № 1) въ доказательство его теоріи, такъ же мало связываетъ съ дворцовой службой стрѣльцовъ и казаковъ, какъ и предъидущія цитаты—дѣтей боярскихъ; этимъ просто обозначаются стрѣльцы и казаки *московскіе*, въ отличіе отъ *городовыхъ* (Вивл. XIV, стр. 352). Съ тѣхъ поръ, какъ переселена была подъ Москву въ 1550 г. тысяча выборныхъ дѣтей боярскихъ, дѣти боярскія «двора государева» получили окончательно

1) Они же вольные слуги, см. Сергѣевича Юрид. Древн. I, 324—327.

2) Мѣста изъ Воскрес. лѣтописи 1449 г. (ср. также 1446: «дѣти боярскіе дворовые»), 1469; см. у Сергѣевича о. с. 357; вмѣсто «изъ всѣхъ уѣздовъ» Никоновская ставитъ въ послѣднемъ случаѣ «изъ всѣхъ градовъ». Ср. также въ издаваемой мною разрядной кн. (Чт. Общ. Ист. и Др.), стр. 42, подъ 1509 г. «дѣти боярскія изъ двора и изъ городовъ».

названіе «дворянъ», оставивъ терминъ дѣтей боярскихъ (дворовыхъ и городскихъ) провинціальному служилому сословію. Такимъ образомъ, это была лучшая, *выборная* часть русской служилой конницы. Между тѣмъ стрѣльцы, также какъ ихъ предшественники въ первой половинѣ XVI в., «пищальники» ¹⁾, суть представители повсемѣстно вводившагося тогда въ Европѣ наемнаго пѣхотнаго войска, вооруженнаго огнестрѣльнымъ оружіемъ. Дѣйствительно, это было первое наше регулярное войско, получавшее и первое регулярное содержаніе, — но какъ разъ въ противоположность дворянской конницѣ дѣтей боярскихъ, обеспеченныхъ помѣстьями, а не кормомъ и денежнымъ жалованьемъ, которое они получали въ нѣсколько лѣтъ разъ. Что стрѣльцы (московскіе) получали въ началѣ XVII в. хлѣбъ изъ Дворца, это, конечно, объясняется не ихъ дворцовымъ происхожденіемъ, а тѣмъ, что только Дворецъ и собиралъ тогда натуральный сборъ хлѣбомъ (на «житномъ дворѣ»). Хлѣбный кормъ стрѣльцамъ и другимъ лицамъ дается изъ Дворца по той же причинѣ, по какой денежный кормъ выдается изъ Бол. Прихода и изъ четей, а питье и съѣстные припасы изъ того же Дворца (вино еще изъ Новой чети) ²⁾.

Связавъ происхожденіе стрѣльцовъ съ «дворомъ» государевымъ, авторъ не могъ и не пытался опредѣлить время происхожденія регулярной стрѣлецкой подати. То и другое, какъ мы думаемъ, относится ко времени болѣе позднему, чѣмъ какое можно вывести изъ изложенія автора. Одно изъ самыхъ раннихъ упоминаній о «стрѣльцахъ» говоритъ о *новомъ* наборѣ ихъ въ Новгородѣ въ 1555 г.; содержаніе имъ въ этомъ случаѣ идетъ изъ старыхъ сборовъ ³⁾; въ походкомъ походѣ 1563 г. въ кадрахъ арміи упоминаются только «пищальники» и «казаки», при чемъ одинъ разъ послѣдніе прямо названы «черкасскими» ⁴⁾; но на мѣстѣ дѣйствій оказываются и стрѣльцы, хотя, повидимому, въ небольшомъ числѣ ⁵⁾. Только въ ливонскомъ походѣ 1577 г. стрѣльцы «московскіе» и «городовые»

---

¹⁾ Пищальники наряжаются съ городовъ вмѣстѣ съ «посошными» въ 1509 г., см. ту же разрядную, стр. 41. Болѣе раннихъ упоминаній я не знаю. Иллюстрацію къ подобному «наряду» можетъ дать грамота 1545 г. А. Э. I, № 205.

²⁾ Множество примѣровъ см. въ Р. Ист. Библ. IX, записная книга Моск. стола 1616—27 г. Временникъ, IV.

³⁾ Доп. къ А. И. I, 68; они же и «казаки», *ib.* № 80.

⁴⁾ Сапуновъ, Витебск. Старина, IV, 38.

⁵⁾ *ib.* 58, 66, 69.

составляют (независимо отъ 1206 казаковъ) значительную цифру 6.741 ¹⁾. Постоянная же стрѣлечья денежная подать появилась только послѣ Смутнаго времени. Она имѣла, однакоже, свои прецеденты и въ XVI в., но о послѣднихъ авторъ совсѣмъ не упоминаетъ. Новыми военными податями, введенными одновременно съ организаціею отряда, снабженнаго огнестрѣльнымъ оружіемъ, были «пищальныя деньги» и «емчужныя» (на расходъ по варенію селитры для приготовленія пороха). Упомянутія объ обѣихъ, сколько намъ приходилось замѣчать, встрѣчаются только со второй половины XVI вѣка; вмѣстѣ съ ними появляются налоги на «городовое и засѣчное дѣло», т. е., какъ можно догадываться, на инженерныя и фортификаціонныя работы по укрѣпленію границъ, преимущественно южныхъ ²⁾).

Кромѣ стрѣлечкой, авторъ выводитъ изъ потребностей государственной защиты еще двѣ повинности: городовое дѣло и посошную повинность. Трудно сомнѣваться въ томъ, что обѣ повинности возникли раньше, чѣмъ «окрѣпла центральная власть», и принадлежатъ періоду племенной жизни, составляя обще-славянскую, и даже не только славянскую, черту. Въ формѣ «посохи», т. е. поставки опредѣленнаго количества ратныхъ людей съ сохи, послѣдняя изъ

---

¹⁾ При общемъ количествѣ 16,871, а съ посошными 29,595 человекъ. *Вгіх Gesch. d. Heereseinrichtungen, Beilage I.*

²⁾ Изъ документовъ Новгородской приказной избы мы узнаемъ, что съ 1552 г. сряду четыре года взимался со всѣхъ пяти пятинъ цѣлый рядъ новыхъ сборовъ военнаго характера: емчужное дѣло по окладу 1 р. 30 к. съ сохи; за посошныхъ людей и за всякія городовыя дѣла — по 1 р. 20 к. съ сохи. (Доп. А. И. I, № 94 bis); изъ другаго документа еще виднѣе, что это сборы *новые*; именно, еще въ 1555 г., пропустивъ сроки, новгородскія власти отговаривались тѣмъ, что еще не разосланы платежныя книги, по которымъ слѣдуетъ производить взиманіе (№ 94). Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, были ли въ данномъ случаѣ новы самыя подати или только оклады ихъ и способы ихъ взиманія; позднѣе мы увидимъ, что какъ разъ въ это время дѣйствительно должны были вводиться новыя сошныя оклады. *Пищальныя* деньги взимаются въ 1556 г. (Доп. къ А. И. I, № 89); упоминаются въ сотной выписи съ двинскихъ писцовыхъ книгъ 1554 г. (Арх. Мин. Юст. грам. Двин. у. № 4125—въ описи 4126), въ уставной Важской грамотѣ 1552 г. (А. А. Э. I, № 234). Болѣе раннихъ извѣстій мнѣ не случалось встрѣчать. Относя происхожденіе стрѣлечкой подати ко времени образованія стрѣлечкаго войска, авторъ имѣлъ предшественника — Кури (Юрид. Сборн. Мейера, 130—1, 133); въ другомъ мѣстѣ онъ однако замѣтилъ и исправилъ непонятную ошибку послѣдняго, отнесшаго свидѣтельство о «стрѣлечкомъ хлѣбѣ» 7126 года (1618) къ 1540-му и заключившаго отсюда, что «впервые она (стрѣл. подать) встрѣчается въ царствованіе Іоанна IV, которымъ, кажется, и установлена» (см. стр. 402, пр. 1).

нихъ извѣстна, правда, только въ XIV в.; но нова тутъ только форма разложенія повинности на сохи, общая, впрочемъ этой повинности съ другими; врядъ-ли даже терминъ «посоха» можно отнести только къ ратной посохѣ; документы упоминаютъ о «ямской посохѣ» и о посохахъ въ множественномъ числѣ, въ смыслѣ, равносильномъ вообще «повинностямъ»¹⁾.

Что касается перевода этихъ повинностей на деньги, авторъ замѣчаетъ, что городовое дѣло «рѣдко перелагалось на денежные платежи», а о замѣнѣ денежнымъ платежемъ посошной повинности вовсе не говоритъ до XVII в., хотя случаи такой замѣны бывали²⁾. Хронологическаго единства этотъ отдѣлъ совсѣмъ не имѣетъ, такъ какъ стрѣлецкую подать приходится отодвинуть въ болѣе позднее время, а обѣ повинности — въ болѣе раннее.

А между тѣмъ, если сопоставимъ естественно входящія въ этотъ отдѣлъ пищальные, емчужные, за городовое дѣло и засѣчные — деньги, если отмѣтимъ приблизительно время происхожденія этихъ военныхъ податей (половина XVI в.), если припомнимъ кстати и то, что какъ разъ во второй половинѣ XVI в. жалованныя грамоты начинаютъ вводить оговорки, по которымъ тарханщики перестаютъ освобождаться отъ военныхъ повинностей (городоваго дѣла и посошной службы), что вмѣстѣ съ тѣмъ учащаются случаи перевода посошной ратной службы на деньги и что, наконецъ, какъ разъ въ то же время появляется въ значительномъ количествѣ первая регулярная пѣхота, — то сопоставленіемъ всѣхъ этихъ фактовъ самъ собою намѣтится весьма важный моментъ въ исторіи русской податной системы и военнаго дѣла.

Слѣдуетъ третья категорія — податей, вызванныхъ татарскимъ завоеваніемъ. Вслѣдъ за другими изслѣдователями, авторъ ведетъ отсюда прежде всего происхожденіе *дани*. Такъ какъ дань, конечно, существовала и до татаръ, что очень хорошо извѣстно автору, то изслѣдователю предстоитъ здѣсь выяснить, что именно новаго внесено было татарскимъ завоеваніемъ въ исторію этой подати: явилась-ли новая татарская дань простою механическою прибавкой къ прежней, сливалась-ли съ нею или собиралась отдѣльно, оказала-ли какое-либо вліяніе на измѣненіе способа взиманія и т. д.? Время паралелизма старой и новой дани по источникамъ прослѣдить,

1) Арх. М. Юст. Мон. гр. Бѣлозер. у. № 849, жалов. грам. 1577 г.: «наши всякія подати и *посохи*... «посошныхъ людей ни въ которыхъ посохи не даютъ».

2) Напр. А. А. Э. I, № 233.

кажется, довольно трудно; если же авторъ говоритъ, что «въ XIV—XV вв. взымалась, *помимо* татарской дани, *особая* дань, направлявшаяся прямо въ княжескую казну», то согласиться съ этимъ выводомъ можно только въ томъ смыслѣ, что по источникамъ со второй половины XIV в. вся *дань*, безъ различенія ея частей, шла въ княжескую казну; а часть ея (иногда специально взымавшаяся, «ордынское серебро») изъ княжеской казны направлялась въ регулярный ордынский выходъ. Этотъ смыслъ имѣютъ и цитируемые авторомъ мѣста источниковъ (стр. 14, прим. 1; лучше было бы сослаться на Доп. къ А. И. I, № 9). Поглотивъ старую дань, татарская дань ввела важныя новости въ нашемъ финансовомъ строѣ. Первою такою новостью была всеѣмъ извѣстная двукратная перепись, «число», установившее размѣры дани въ обязательномъ для князей окладѣ. Большинство изслѣдователей считаетъ перепись и взымавшуюся по ней дань — поголовною; такого же мнѣнія держится и авторъ. Между тѣмъ Татищевъ сохранилъ намъ важное извѣстие, что въ 1275 г. вел. князь Василій Ярославичъ возилъ въ Орду дань по полугривнѣ съ сохи, состоявшей изъ двухъ работниковъ. Ханъ остался недоволенъ общимъ количествомъ дани, подозрѣвая, что князь «не отъ всѣхъ (людей земли своей) даетъ»; когда же великій князь сослался на «число» первой переписи («баскаковъ прежнихъ»), ханъ велѣлъ произвести вторую перепись¹⁾.

Мы не колеблемся заключить отсюда вмѣстѣ съ Бѣляевымъ, что *соха* въ составѣ двухъ работниковъ и была единицею обложения уже первой татарской переписи²⁾. Напомнимъ, что въ извѣстной грамотѣ о черномъ борѣ въ срединѣ XV в. соха опредѣляется какъ «два коня да третье припряжь»³⁾, а при взятіи Иваномъ III Новгорода, «кто на трехъ лошадяхъ самъ третей ореть—ино то соха»; слѣдовательно, во всѣхъ трехъ случаяхъ 2—3 работника составляютъ соху. И размѣръ дани остается тотъ же до конца XV в.; она равняется полугривнѣ въ 1275 году, гривнѣ *новой* въ срединѣ

---

1) Татищ. IV, 47: «принесе дань урочную со всея земли по полугривнѣ съ сохи, а въ сохѣ числиша два мужи работники,... и ханъ рече: «ясакъ малъ есть, а люди многи въ землѣ твоей, почто не отъ всѣхъ даеши?» Князь же великій отымался числомъ баскаковъ прежнихъ, и ханъ повелѣ послати новы численники во всю землю русскую, съ великими грады (? угрозы?), да не утаятъ люди».

2) Ср. разборъ Бѣляевымъ сочиненія Осокина «О понятіи промысловаго налога» въ XXVI присужденіи Демидовскихъ награды, стр. 219.

3) А. Э. I, № 32.

XV в. (что слѣдуетъ сопоставить съ фактомъ уменьшенія въ вѣсѣ «денегъ» времени Василия Темнаго съ 17 долей до 9)¹⁾ и опять полугривнѣ въ концѣ XV в. (когда вѣсѣ былъ восстановленъ старый)²⁾.

Это обстоятельство, связь «дани», «числа» и «сохи» при татарской переписи, даетъ намъ возможность возводить къ тому же времени явленія, которыя по нашимъ источникамъ становятся доступны наблюденію лишь столѣтіемъ позже, со второй половины XIV в. Данщикъ становится главнымъ финансовымъ чиновникомъ, собирающимъ иногда на ряду съ данью и другіе сборы³⁾; неразлучнымъ его товарищемъ является «писецъ», а вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляется и объектъ дѣятельности обоихъ: люди *данные* и *письменные*, первые наши крѣпостные крестьяне, удерживаемые на своихъ земляхъ не запрещеніемъ уходить, а запрещеніемъ владѣльцамъ другихъ земель—принимать ихъ къ себѣ; князя крѣпко держатся за это населеніе, связывая его данною раскладкой и развивая такимъ образомъ идею *тягла*. Термины людей тяглыхъ, данскихъ, письменныхъ становятся синонимами. Правда, эти явленія, отдѣляются отъ татарскихъ переписей столѣтнимъ промежуткомъ но этотъ промежутокъ восполняютъ намъ ханскіе ярлыки; изъ нихъ мы видимъ, что прежде чѣмъ «писцы» и «данщики» становятся органами княжеской финансовой администраціи, они уже являются въ качествѣ вмѣстѣ и княжескихъ и ханскихъ чиновниковъ: въ ярлыкѣ Менгу-Тимура (1266—7 по Григорьеву) упоминаются «княжіе писцы и *попмужнимы*»; въ ярлыкѣ Узбека (1313): «наши (т. е. ханскіе) данщики и писцы». Отъ 1361—5 мы имѣемъ свѣдѣнія о княжескихъ писцахъ и данникахъ уже изъ нашихъ грамотъ⁴⁾.

1) М. П. Заблоцкій, О цѣнностяхъ въ др. Россіи, 46—7.

2) Ib. 48.

3) Напр. дмитровскій данщикъ удѣльнаго князя Юрія Ивановича собираетъ съ году на годъ на Рождество Христово за дань и за ямъ и за приметь съ села и деревень Троицк. монастыря. Арх. Юст. Дмитр. у. № 3734, грамота 7021 г. апрѣля 15.

4) А. А. Э. I, № 5. Кромѣ извѣстныхъ мѣстъ этого рода (Бѣляевъ въ разборѣ Осокина, стр. 223; Горбуновъ, Льготныя грамоты etc. въ Арх. ист. и практ. свѣдѣній Калачова 1860—61, кн. V, стр. 46; Чечулинъ, Начало въ Россіи переписей etc. въ Библиографѣ 1889, № 2, стр. 44), вотъ нѣсколько другихъ изъ неизданныхъ грамотъ.

1449: «а писцы мои и данщики тѣхъ людей [въ мою д]ань не пишутъ, ни дани на нихъ не емлютъ»... а они «моихъ людей письменныхъ тутошнихъ не приимають» (Арх. Мин. Юст. Сузд. у. № 11.780, жал. гр. в. к. Вас. Вас.).

Если такимъ образомъ татарская дань способствовала закрѣпленію на мѣстѣ крестьянскаго населенія и выработкѣ органовъ и пріемовъ княжеской финансовой администраціи, то установленіе той же дани сопровождалось, повидимому, и новою финансовою организаціей самого населенія.

Авторъ приводитъ въ другомъ мѣстѣ книги (стр. 283, прим. 3) свидѣтельство Никоновской лѣтописи, что при первой переписи татары поставили десятниковъ, сотниковъ, тысячниковъ¹⁾. Конечно, эти должности не чужды и до-татарской Руси, но едва-ли не отъ этой татарской организаціи придется вести «сотскаго» или «сотника», древнѣйшаго представителя тяглой общины сѣверо-восточной Руси. Авторъ полагаетъ, что «первоначально они могли быть начальниками небольшихъ отрядовъ земскаго ополченія и сохранить въ мирное время власть, пріобрѣтенную на войнѣ» (ibid.),

---

1451: «и коли велю своему писцу писать Соль и села, а данцику своему дань брати и тогда писецъ мой монастырскихъ варницъ и села и деревень не пишеть, а данщикъ дани не емлетъ въ ту 5 лѣтъ» (Арх. Юст. Гал. у. № 3331, жал. гр. Вас. Вас.).

1451: «а писцы мои тѣхъ ихъ земель и людей и варницъ не пишутъ» (ib. Костр. у. № 4969, жал. гр. вел. кн. Софьи).

1455: «а тяглыхъ моихъ людей данскихъ въ тѣ села къ себѣ неприимати» (Рум. муз. Собр. Бѣляева, № 1620, л. 104 об.—105, жал. гр. Вас. Яросл. въ Звенигор. у.).

1464: «а письменныхъ ему моихъ людей и данскихъ къ себѣ не приимати» (ib. л. 95 об., жал. гр. кн. Юрія Ив. въ Дмитр. у.).

1464: «людей моихъ письменныхъ изъ моихъ селъ не приимати» (ib. л. 254, жал. гр. Вас. Вас.).

1473: «кто... иметь жити людей, ино тѣмъ его людемъ не надобѣ моя дань до описи, доколѣ мой писецъ проѣдетъ... а людей моихъ тяглыхъ письменныхъ не приимати» (ib. л. 105 об., жал. гр. Андрея Васил. въ Звенигор. у.).

1483 «а письменныхъ людей и тяглыхъ на тѣ земли и къ варницамъ не приимати, а писцы мои ихъ земель и людей и варницъ не пишутъ» (Арх. Юст. Костр. у. № 4972, жал. гр. в. кн. Марьи по грамотѣ матери в. к. Софьи; см. выше).

Н. Д. Чечулинъ (Библиографъ, № 2, 1889, 45) вслѣдъ за Невוליнымъ и Бѣляевымъ видитъ между прочимъ въ «писчей бѣлкѣ»—вознагражденіе писцамъ, производившимъ описи. О такой платѣ дѣйствительно говорится въ извѣстной грамотѣ о черномъ борѣ (А. Э. I, № 32); но черный боръ — подать единовременная и съ чужаго населенія; въ другихъ случаяхъ писчая бѣлка скорѣе должна считаться актовой пошлиной. Ср. А. Э. I, № 175 и Оед. Чех. I, 99, грамота 7041 г.: «и лошади у нихъ пятенщики пятняютъ, а отъ пятна у нихъ не емлютъ ничего, и въ книги пишутъ, а писцие деньги не емлютъ же».

¹⁾ Ср. обращеніе ярлыка Тайдулы митр. Алексѣю (1356): «къ темнымъ и къ тысячнымъ княземъ, и сотникомъ, и десятникомъ».

но мы считаемъ болѣе вѣроятнымъ, что волостная «сотня» имѣла финансовое происхожденіе, именно была группою селеній, *тянувшихъ* въ дань къ одному сотскому¹⁾. Эта платежная связь членовъ волостной сотни сохранилась въ любопытномъ названіи, которое носилъ отрывокъ изъ «данской (позднѣ писцовой) книги»²⁾, обнимававшій описаніе всѣхъ тянувшихъ къ одному сотскому хозяйствъ. Отрывокъ этотъ назывался «сотницей», позднѣ «сотной выписью». Во многихъ актахъ находимъ указаніе на эту связь «сотницы» съ «сотней» и «сотскимъ»; иногда «сотней» называется и самая сотная выпись³⁾. Намъ извѣстенъ одинъ случай, когда и связь «сотни» съ «данью» сохранилась въ наименованіи послѣдней «сотной данью»⁴⁾. Такимъ образомъ, въ раскладкѣ татарской дани мы склонны видѣть зародышъ и волостной тяглой организаціи и репартиціонной системы сѣверо-восточной Руси.

Отъ татарщины, вмѣстѣ съ другими изслѣдователями, выводитъ А. С. Лаппо-Данилевскій и *ямскую повинность*. Едва-ли основательно, однако, онъ отступаетъ отъ прежнихъ мнѣній въ томъ отношеніи, что не просто считаетъ татарскіе порядки—образцомъ

---

1) Авторъ объясняетъ понятіе *тягла* несовсѣмъ понятнымъ для насъ образомъ (42): «физическое или юридическое лицо, подлежащее тяглу, въ силу самаго факта обложенія послѣднимъ, должно было предварительно владѣть извѣстнымъ хозяйствомъ, а это хозяйство естественно распадалось на главный центръ и второстепенныя части, которыя тянули къ этому центру и поэтому въ переносномъ смыслѣ назывались тяглыми». Но тянула не часть хозяйства къ другой части того же хозяйства, а тянулъ плательщикъ къ группѣ, съ которой былъ связанъ общей раскладкой, — или къ административному центру этой группы.

2) Этотъ терминъ см. въ А. о. до Ю. Б. I, стр. 110.

3) А. Ю. № 5: *сотскій* съ товарищами, городскими людьми, свидѣтельствуется, что писцы, писавшіе Бѣлоозеро около 1485 г., «тѣ дворы и люди въ тѣхъ дворахъ придали къ городу, къ намъ въ тягло, да и въ сотницу ихъ городную къ намъ написали». Акты Оед. Чеховскаго I, 117: въ судномъ дѣлѣ 1562 г. отвѣтчикъ ссылается на «монастырскую сотную», что спорное сельцо «въ сотню написано за монастыремъ» и на двѣ «волостныхъ сотныя», Пелшемскую и Замошскую; судъ приказываетъ крестьянамъ этихъ волостей представить свои сотныя. Ibid. стр. 186: «Мининской волости сотникъ передъ судьей Городецкую сотную положилъ». Ibid. 216: «положилъ сотцкой Данилко да Суморокъ Ростовцовъ балахонскую сотную... и въ Балахонской сотне (sic; выше сотной) къ городу Балахиѣ сѣна не написано». Въ А. Ю. № 229, сотная 1566 г. нѣсколько разъ называется «писцовой сотней», стр. 249, 251.

4) Сборн. Муханова, 2 изд. 568—9, жал. гр. 1538 г.: «къ сотцкимъ нашимъ и къ десятцкимъ и съ тяглыми людьми не тянутъ... и государя великаго князя дани сотные не даютъ».

для русскихъ, какъ напр. Бржозовскій¹⁾, а полагаетъ, что первоначально повинность эта и отправлялась въ пользу хана и его посланныхъ. Древнѣйшее упоминаніе о «ямѣ» въ ярлыкѣ Менгу-Темира (1266—7) не говоритъ о немъ, какъ о специально ханской повинности. Трудно было бы представить себѣ, какое отношеніе къ ханскимъ сборщикамъ имѣютъ затѣмъ упоминаемые и авторомъ сборы подводъ и кормовъ съ Двинскихъ погостовъ въ самомъ концѣ XIII в.²⁾: туда уже навѣрное не попадали ханскіе сборщики; и данный документъ говоритъ о кормахъ и подводкахъ великокняжескимъ промышленникамъ. Позднѣе «татарскій ямъ» оговаривается въ группѣ грамотъ 1462—67 г., какъ исключеніе изъ общаго яма³⁾, но кромѣ этихъ, очевидно, вызванныхъ какимъ-нибудь специальнымъ поводомъ распоряженій, мы о татарской ямской повинности ничего и не знаемъ; тѣмъ рискованнѣе ставить различіе княжескаго и татарскаго яма XV в. въ параллель съ большими ямскими и малой ямщиной XVII в. (стр. 15). Къ этой параллели, впрочемъ, вернемся далѣе.

Другой вопросъ, нуждающійся въ разъясненіи, но не поставленный авторомъ, заключается въ томъ, когда именно ямская *повинность* повела къ *денежнымъ сборамъ* на содержаніе казенныхъ ямщиковъ. Устройство казенныхъ ямовъ, т. е. почтовыхъ станцій, становится несомнѣннымъ ко времени Ивана III⁴⁾; но время появленія постоянного налога, долженствовавшего обезпечить содержаніе этихъ станцій, остается невыясненнымъ. «Ямъ» древнѣйшихъ документовъ, большею частью жалованныхъ грамотъ, стоитъ обыкновенно рядомъ съ «подводами» и, вѣроятно, означаетъ повинность, а не налогъ.

Однако, уже въ первой половинѣ XV в. мы встрѣчаемъ случаи, что «ямъ» несомнѣнно означаетъ денежный сборъ⁵⁾. Но появленіе регулярной ямской подати, кажется, слѣдуетъ относить къ тому моменту когда и въ терминологіи грамотъ «ямъ» замѣняется «ям-

---

¹⁾ Юрид. Сбор. Мейера, 345—346.

²⁾ А. А. Э. I, № 1.

³⁾ Акты до Юр. Б. I, стр. 103—108: «не надобѣ ямъ (ни подвода) опричь татарскаго яма». Арх. Мин. Юст. Мон. гр. Костр. у. № 4980: «а яму не даютъ ихъ люди опричь татарскаго яму». А. И. I, № 74: «ни коня моего не ставятъ, опричь татарскаго яму». Рум. муз. Бѣляев. № 1620, л. 139 об.—140: «ни коня моего не кормити, опричь татарскаго коня».

⁴⁾ Бржозовскій, 348, 349.

⁵⁾ Горбуновъ, о. с. 77.

скими деньгами». Древнѣйшее намъ извѣстное упоминаніе ямскихъ денегъ встрѣчается въ грамотѣ 1500 г.¹⁾, въ жалованной грамотѣ кн. Ѡ. Борис. Волоцкаго; всѣ другія упоминанія относятся къ нѣсколько позднѣйшему времени, не ранѣе 1518 г.²⁾. Рядомъ съ этимъ терминомъ продолжаетъ держаться и старій «ямъ», но уже почти всегда въ смыслѣ денежнаго сбора; въ томъ же случаѣ, когда грамоты хотятъ отмѣтить ямъ въ смыслѣ повинности, употребляется иногда рядомъ съ «ямомъ» особое выраженіе «ни подводамъ на яму не стоять»³⁾. Ямская повинность сохранялась во всякомъ случаѣ независимо отъ ямскаго налога⁴⁾; съ другой стороны, послѣдній и во второй половинѣ XVI в. еще не вошелъ въ опредѣленный окладъ и раскладывался ежегодно по особому разсчету⁵⁾.

Третьею въ ряду податей, связанныхъ съ татарщиной, авторъ разсматриваетъ «положняничныя деньги». Здѣсь, какъ и относительно ямскихъ, важно опредѣлить моментъ, когда эта подать стала регулярнымъ налогомъ.

Моментъ этотъ указанъ еще Бѣляевымъ⁶⁾ и напомненъ автору М. А. Дьяконовымъ: именно рѣшеніе Стоглава 1551 г. «сколько годомъ того плѣннаго окупу изъ царевой казны разойдется, и то раскинути на сохи по всей земли». Съ этихъ

---

1) А. Э. I, 136, списокъ XVII в.

2) Вотъ наиболѣе древнія изъ встрѣтившихся намъ указаній: 7026 г. Арх. М. Юст. Мон. гр. Костр. у. № 4999; 7030 г.—Акты Ѡед. Чех. I, 102—103; 7034—Арх. Юст. Переясл. у. № 8772; 7035—ib. № 8799; 7041—Акты Ѡед. Чех. I, 99 и А. А. Э. I, № 175; 7045—Арх. Юст. Верейск. у. № 2334; 7046—Дмитров. у. № 3766.

3) Употребленіе «яма» въ смыслѣ денежнаго сбора (преимущественно въ удѣльныхъ грамотахъ) см. напр. Арх. Ю. Дмитр. у. № 3734 (7021 г.); ibid. № 3736 (7024); Рум. муз. Бѣляев. № 1620, л. 99 (7025. Дмитр. у.); ibid. л. 100 (7030. Дмитр. у.), л. 123 об. (7034, ibid.); Арх. Ю. Кашинск. у. № 6712 (7035); ib. № 6714 (7038). Параллельное упоминаніе «яма» и «подводамъ на яму не стояти» см. Арх. Ю. Звенигор. у. № 4683; Кашин.—6716; срав. Ѡед. Чех. I, 98 (7007 г.).

4) Самое полное ея описаніе см. въ грамотѣ 7085, 11 марта, Арх. М. Юст. Бѣлозер. у. № 849: «ни ямскихъ дворовъ не дѣлаютъ и съ подводами на ямѣхъ не стоять и охотниковъ на ямъ не выбираютъ».

5) Ар. Ю. Бѣлозер. у. №№ 814 и 823 (7072, апр. 10 и 7077, апр.): «платити ямскія деньги и приметъ по разводу съ сохъ, какъ коли гдѣ государь велитъ». Пошех. № 9703 (7094): «а ямскія деньги платитъ имъ въ государеву казну въ приказъ Бол. Дворца по разводу, какъ въ которомъ году государь велитъ». Ср. Временникъ Общ. И. и. Др. Р. VI.

6) Рецензія на Осокина, 227.

поръ, кажется, и является названіе ихъ «полонянничными деньгами». Какъ видно изъ рѣшенія Стоглава, окладъ ихъ долженъ былъ соотвѣтствовать дѣйствительному расходу каждаго года. Дѣйствительно, судя по отписямъ конца вѣка, этотъ окладъ далеко не установился: на 1581 г. съ одного монастырскаго имѣнія они берутся (въ три приема) въ размѣрѣ 18 руб. 39 коп. съ сохи; на 1582 годъ съ того же имѣнія 13 р. 46 к., а съ другаго 13 р. 63 к. съ сохи; на 1588—1589 съ двухъ разныхъ владѣній поровну по 2 р. съ сохи ¹⁾).

Наконецъ, «изъ церковныхъ десятиныхъ или татарскаго ига» авторъ выводитъ происхожденіе процентныхъ (пятинныхъ и т. п.) сборовъ съ имущества. Такъ какъ рядомъ съ этими двумя возможностями авторъ предлагаетъ еще третью, можетъ-быть, наиболѣе вѣроятную, именно, что эти сборы «самостоятельно развились на русской почвѣ» подъ вліяніемъ войнъ XVI в., то мы и не будемъ останавливаться на разборѣ этихъ предположеній.

2. *Волостная финансовая организація.* Отъ податной системы переходимъ къ общественной организаціи, поскольку послѣдняя имѣла отношеніе къ финансамъ. При раскладочномъ характерѣ древней финансовой системы связь эта была особенно тѣсна, и понятно, что изученіе общественныхъ группъ, между которыми совершалась раскладка, должно предшествовать изученію самого раскладочнаго механизма.

На основаніи данныхъ XVII в. авторъ приходитъ къ весьма важному выводу, что на сѣверѣ Россіи такою общественною единицею, служившею основаніемъ податной раскладки, была *волость*, въ срединной Россіи—*вотчина*, а на крайнемъ югѣ—часто даже *отдѣльный хозяинъ*. Авторъ не удовлетворился однако изложеніемъ этого вывода: онъ счелъ нужнымъ прослѣдить происхожденіе указанныхъ общественныхъ группъ и для этой цѣли долженъ былъ опять сдѣлать экскурсъ въ исторію предыдущихъ столѣтій. Въ основѣ всѣхъ разновидностей лежитъ, по его мнѣнію, одна основная историческая форма—крестьянская община. На сѣверѣ она вполне сохранилась въ самой широкой формѣ, въ формѣ волости: «волость была, вѣроятно, древнимъ общиннымъ дѣленіемъ»; ее можно опредѣлить, «какъ крестьянскую общину съ ея управленіемъ» (83). Въ средней полосѣ «волостное дѣленіе превратилось скорѣе въ адми-

---

¹⁾ А Юр. № 211, I и II, № 209, V и VI.

нистративное и уже не совпадало съ общиннымъ, а размѣры тяглой общины стали отождествляться съ сельскимъ округомъ» (89). Но и послѣдній «видоизмѣнялся и дробился подъ вліяніемъ землевладѣльческаго дѣленія», (бывшаго послѣдствіемъ «дробленія крупной поземельной собственности»),—«безъ особеннаго вниманія къ мѣстному, общинному дѣленію» (91); въ концѣ концовъ, размѣры общины сокращались такимъ образомъ до размѣровъ владѣльческой вотчины (92), хотя все-же внутри послѣдней «сохранились общинные распорядки» (95). Наконецъ, — подобно тому, какъ «черная волость» «вымирала въ средней полосѣ», такъ «сельская община» «вымирала въ южной» (96): однодворческое населеніе юга «правительство не разсматривало какъ цѣльную окладную единицу, подобную черной волости или помѣстью и вотчинѣ центральной полосы съ ея налогоспособнымъ населеніемъ, но окладывало каждого изъ такихъ помѣщиковъ порознь» (98). Такова генеалогія трехъ формъ по системѣ А. С. Лаппо-Данилевскаго.

Переходя къ разбору ея, мы остановимся прежде всего на значеніи самого термина «община» въ употребленіи автора. Въ знаменитомъ спорѣ Чичерина и Бѣляева значительная доля обоюдныхъ недоразумѣній имѣла, какъ намъ кажется, именно терминологическое происхожденіе. Понятіе «общины» у обоихъ противниковъ имѣло смыслъ не одинаковый: у послѣдняго—слишкомъ широкій и неопредѣленный, у перваго, можетъ-быть, черезчуръ узкій. Чичеринъ разумѣлъ подъ общиною — общинное *землевладѣніе*, и въ этомъ смыслѣ отрицалъ въ извѣстномъ періодѣ существованіе общины. Бѣляевъ, напротивъ, видѣлъ въ исторической формѣ общины не только хозяйственно-экономическую группу, но также, — и притомъ главнымъ образомъ — областную самоуправляющуюся единицу съ судебно-полицейскими и финансовыми полномочіями. А. С. Лаппо-Данилевскій, какъ видно, очень хорошо понимаетъ необходимость болѣе точнаго словоупотребленія и начинаетъ съ того, что формулируетъ свой взглядъ на всѣ перечисленные элементы общинной организаціи. Онъ полагаетъ, что общность *экономическихъ* интересовъ, т. е. существованіе общинной собственности (происшедшей, по его мнѣнію, изъ разложенія родовой), есть основная связь, создавшая общину. Но онъ признаетъ также, что эта связь сама по себѣ «была слишкомъ слаба для того, чтобы *за предѣлами одного или немногихъ поселеній* образовать болѣе сложные общественные союзы (76—8)», т. е. что связь экономическая, общинное землевладѣніе, могла связать лишь членовъ «одного или немногихъ поселеній». Образованіе

же болѣе широкой группы («волости»?) «осуществилось подѣ влияніемъ судебна-полицейской и финансовой зависимости отъ государства». Повидимому, отсюда слѣдовало бы, что *волость* есть именно судебна-полицейская и финансовая, но не хозяйственная единица. Тутъ встрѣчаемъ, однакоже, у автора нѣкоторую неясность, поддерживаемую и терминологіей: эту болѣе широкую группу онъ тоже называетъ «общиною» (78) и, несомнѣнно, склоненъ надѣлять ее, кромѣ судебна-полицейскихъ и финансовыхъ, также и хозяйственными функціями. Очевидно, здѣсь онъ находится подѣ влияніемъ болѣе поздняго ученія объ общинѣ, бывшаго въ нашей наукѣ отголоскомъ Мауреровской школы и представленнаго у насъ П. А. Соколовскимъ. Уже самая характеристика общиннаго землевладѣнія на стр. 77 отзывается признаками германской *марки*; въ видѣ марки, повидимому, и продолжаетъ представлять свою волость А. С. Лаппо-Данилевскій. Какъ извѣстно, и среди германистовъ Мауреровская схема давно уже вызываетъ серьезную реакцію; въ нашей наукѣ ея примѣненіе оказывается точно также не совсѣмъ удобнымъ. Весьма характерно, что со времени ея господства перестали у насъ пониматься нѣкоторыя явленія, которыя до тѣхъ поръ оцѣнивались совершенно правильно. Въ спорѣ съ Чичеринымъ Бѣляевъ соглашался съ своимъ противникомъ, что въ землевладѣніи русскаго сѣвера, — которое Чичеринъ справедливо считаетъ типичнымъ землевладѣніемъ черныхъ волостей вообще, — наблюдается распространеніе *частнаго*, а не *общиннаго* владѣнія¹⁾. Послѣ того же, какъ сторонники Мауреровской схемы стали искать на дальнемъ сѣверѣ, среди бывшихъ черносозныхъ, паралелей германской марки, — эта область черныхъ волостей почему-то стала считаться класическою страной древней русской общины. Несомнѣнно, что здѣсь дѣйствительно отыскивалась болѣе крупная единица крестьянскаго самоуправления, *волость*; но перенесеніе этой волости въ отдаленное русское прошлое вмѣстѣ съ чертами общиннаго хозяйства — было, несомнѣнно, историческою ошибкой. Замѣчательный по своей убѣдительности протестъ противъ этой ошибки

---

¹⁾ «Акты сіи, возражаетъ онъ Чичерину, какъ и многіе другіе имъ подобныя, всѣ относятся къ Двинской области, гдѣ между крестьянами была распространена частная поземельная собственность, не въ примѣръ другимъ краямъ русской земли, и гдѣ таковой порядокъ сохранился до позднѣйшаго времени». Рус. Бесѣда 1856, I, 118. Ср. отвѣтъ Чичерина въ «Опытахъ по исторіи рус. права», 101—3.

находимъ въ работѣ г-жи А. Ефименко, къ главнѣйшимъ выводамъ которой мы вполне присоединяемся ¹⁾).

Сѣверная русская волость была прежде всего единицею фискальной, потомъ судебно-полицейскою, а хозяйственною лишь постольку, поскольку это вытекало изъ ея финансовыхъ обязанностей и поскольку это мирилось съ правами ея отдѣльныхъ членовъ. Правда, — какъ опять (послѣ Бѣляева) указываетъ А. С. Лаппо-Данилевскій, — «въ Двинскомъ и Холмогорскомъ уѣздахъ нерѣдко встрѣчаются извѣстія о томъ, что пустою землею бывшаго дворовладѣльца владѣютъ міромъ, что ее пашутъ и что она насѣяна міромъ»; въ доказательство имъ приводятся здѣсь факты изъ переписныхъ книгъ XVII столѣтія (77, прим. 1). Но авторъ не отмѣчаетъ здѣсь одного обстоятельства, ему не безъизвѣстнаго (стр. 107—108): волость, дѣйствительно, распоряжалась подобными участками *поневоля*, такъ какъ она была обязана уплачивать лежавшія на нихъ подати и, конечно, должна была заботиться, чтобы земли не пустовали; но она распоряжалась ими только «до вотчинника», т. е. до возвращенія добровольно покинувшаго свою землю хозяина. Существовала цѣлая сложная регламентація, какъ ликвидировать отношенія новаго временнаго хозяина, посаженнаго міромъ, къ старому, если тотъ захочетъ вернуться на брошенный участокъ, и въ какихъ случаяхъ у новыхъ жильцовъ данныхъ имъ земель отнимать не слѣдуетъ ²⁾). Полная свобода распоряженія участками, засвидѣтельствованная актами этихъ областей, уже сама по себѣ предполагаетъ, какъ замѣтилъ еще Чичеринъ, частное владѣніе. При продажѣ участковъ очень часто они выходили изъ крестьянскихъ рукъ, и переходили къ посадскимъ или къ монастырю: но казнѣ до середины XVII в. до этого не было дѣла, да и волости также, лишь бы перешедшія къ другимъ лицамъ земли *тянули* по-прежнему съ волостью, съ волостными черными людьми ³⁾). Такой характеръ вла-

---

¹⁾ «Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ сѣверѣ въ «Исслѣдованіяхъ народной жизни». М. 1884. Ср. нашу статью «Русская аграрная политика прошлаго столѣтія» въ Русск. Мысли 1890, май.

²⁾ Р. Ист. Библ. XII, 207—211; 213—217.

³⁾ Р. И. Б. XII, 198—199, 202 (1637): «Устюжской чети городовъ въ писцовыхъ книгахъ монастырскихъ вотчинъ и церковныхъ земель четвертная пашня съ нашими черными деревнями (написана) вмѣстѣ, и не особно, потому что за монастыри въ вотчинахъ нашихъ черныхъ волостей деревни тяглые, а наши данные и оброчные и за стрѣлецкіе хлѣбные запасы и въ ямскіе отпуски деньги платятъ съ нашими черными деревнями вмѣстѣ, какъ въ поморскихъ городѣхъ изстари повелось». То же видимъ и въ городѣ: ср. Отписки

дѣнія самъ посебѣ предполагаетъ далѣе и отсутствіе передѣловъ. Передѣлы, несомнѣнно, существуютъ насѣверѣ ¹⁾, но во первыхъ, только въ предѣлахъ *одной деревни*, вовторыхъ при такихъ обстоятельствахъ, которыми они и объясняются ближайшимъ образомъ: или какъ родовой раздѣлъ, или какъ выполненіе условія, оговореннаго при компанейской покупкѣ земли «складниками», во всякомъ случаѣ «по крѣпостямъ» ²⁾, т. е. по письменному договору между контрагентами. Волостныхъ передѣловъ мы не знаемъ. Этого заключенія не могутъ измѣнить и существующія свѣдѣнія о «мірской волостной ровности» ³⁾. «Ровность» эта, устанавливаемая «веревкой», вервленіемъ, была не передѣломъ земель, а податною ровностью, т. е. опредѣленіемъ пропорціональной доли платежей каждаго лица ⁴⁾. Въ результатѣ волостнаго уравниенія измѣнялись не размѣры и положеніе участка, а количество «веревокъ», которыми онъ былъ измѣриваемъ для податныхъ цѣлей ⁵⁾. Это значеніе «вервленія» извѣстно, впрочемъ, и А. С. Лаппо-Данилевскому (291—2).

У автора есть еще одно отрицательное доказательство общиннаго характера волости. «Опредѣленные границы» между группами селеній, объединенныхъ судомъ и данью, «не могли, говоритъ авторъ, исходить изъ административнаго дѣленія, такъ какъ правительство было еще слишкомъ слабымъ для такихъ предпріятій не только въ XIII, но и въ XIV в. *Поэтому*, границы эти основаны были не на административномъ дѣленіи, а на внутренней организаціи самого населенія, на общинномъ строѣ его жизни» (82). Авторъ какъ бы не признаетъ, что волостное дѣленіе могло не быть ни дѣломъ центральнаго правительства, ни дѣломъ внутренней

Гарелина въ Рум. муз. 1606 г. іюня 1: «се язъ Глинскаго посаду сотской... взялъ есми Прилуцкаго монастыря у спасскихъ старцевъ... со 6 дворищъ, что они покупали на Глинскомъ посадѣ двory тяглые,... за государеву дань и за оброкъ и за всѣ государевы подати и за всякіе черныя разметы за весь нынѣшній 114 г. 2 рубля денегъ». Ср. Лаппо-Данилевскій, стр. 154—155.

1) Ср. у Ефименко о. с. 218, 221.

2) Ibid. 227—228.

3) Лаппо-Данилевскій, 101.

4) Ефименко, 212—17, 239, 244—49.

5) Ср. Собр. ист. юрид. актовъ Бѣляева, Д. Лебедева, стр. 37 (№ 197 въ Рум. муз.): при продажѣ дворища и огорода на Матигорахъ «царя и в. к. земли, а своего владѣнья» «по купчей и дѣльной отца своего» ставится условіе: «государевы подати и всякіе земскіе разметы платити съ того огорода по веревной книгѣ съ 2-хъ сажень до мірской ровности, а *посль ровности, во что ихъ свервятъ*». Огородъ при этомъ, конечно, остается прежній.

организаціи населенія, а напр. результатомъ столкновения нѣсколькихъ такихъ организацій, извѣстныхъ условій колонизаціи и другихъ «мѣстныхъ условій», какъ осторожнѣе выражается самъ авторъ въ другомъ мѣстѣ (85). Замѣтимъ, однако, что въ числѣ этихъ условій все-же правительственной дѣятельности принадлежитъ болѣе активная роль, чѣмъ думаетъ авторъ: напомнимъ только объ упомянутой выше организаціи податныхъ «сотенъ».

Такимъ образомъ, мы не можемъ вполне согласиться и съ выводомъ А. С. Лаппо-Данилевскаго, что «волостное дѣленіе имѣло первоначально общинное, мѣстное значеніе и стало съ теченіемъ времени превращаться или замѣняться административнымъ» (85)¹). Въ подкрѣпленіе этого вывода авторъ приводитъ нѣсколько наблюдений Бѣляева и своихъ собственныхъ надъ явленіемъ дѣйствительно любопытнымъ: нѣкоторыя области, извѣстныя подъ названіемъ «волостей» въ XIV в., въ XV являются подъ названіемъ «становъ»; послѣднимъ авторъ и усвоиваетъ значеніе административныхъ дѣленій, замѣнившихъ общинныя—волостныя. Считая волостныя дѣленія тоже административными, мы не можемъ видѣть въ такой замѣнѣ терминовъ никакой *коренной* перемѣны, тѣмъ болѣе, что замѣна эта является далеко не повсемѣстною: волости и станы существуютъ паралельно; самъ авторъ приводитъ списокъ 76 уѣздовъ XVII в. (изъ 173; стр. 85, прим. 4), въ составѣ которыхъ встрѣчаются волости, и въ числѣ ихъ, хотя немного, но есть уѣзды, впервые заселенные въ концѣ XVI и въ XVII в. (Бѣлгородскій, Орловскій, Казанскій, Симбирскій). Что касается появленія «становъ» на мѣстѣ «волостей»,—эта перемѣна, несомнѣнно, весьма характерна; очень вѣроятно и то, что смыслъ ея заключается въ усиленіи централизаціи: но изъ усиленія этого элемента нельзя еще заключить о его отсутствіи въ предъидущемъ устройствѣ.

Связавъ волость съ общиннымъ строемъ на сѣверѣ, авторъ уже прямо объясняетъ ея отсутствіе въ срединной Россіи разрушеніемъ общиннаго строя (81, 89). Отсюда и является довольно искусственное объясненіе «землевладѣльческаго дѣленія», какъ результата подчиненія *сельской общины* землевладѣльцу. Исходную точку этого процесса авторъ представляетъ какъ подчиненіе общины въ ея старомъ, цѣльномъ видѣ, въ «древне-волостномъ» составѣ,—одному землевладѣльцу; затѣмъ «размноженіе служилыхъ

¹) Тотъ же выводъ, но въ болѣе осторожной формѣ, встрѣчаемъ также и у Чичерина. Обл. учр. 63: «если волости были остатками древняго общиннаго быта, то станы были, напротивъ, чисто административнымъ дѣленіемъ».

людей при отсутствіи майората повело къ дробленію крупной поземельной собственности, которое производилось безъ особеннаго вниманія къ мѣстному общинному дѣленію» (91). Врядъ-ли нужно говорить, насколько гипотетиченъ такой взглядъ, предполагающій, 1) что въ средней Россіи существовала древне-волостная организація съ общиннымъ характеромъ; 2) что существовала «крупная поземельная собственность» служилыхъ людей, къ которымъ перешли эти древневолостные комплексы; 3) что извѣстное намъ позднѣе служилое землевладѣніе произошло изъ этого крупнаго, путемъ дробленія; 4) что въ результатѣ дробленія разрушилась старая поземельная община. Ни одного изъ этихъ положеній нельзя доказать по источникамъ, а то, что извѣстно изъ источниковъ, приводитъ, какъ мы думаемъ, къ нѣскольکو иному взгляду. Чѣмъ доказываетъ авторъ существованіе предположеннаго имъ процесса? Единственное обстоятельство, приводимое имъ въ пользу своихъ утвержденій, — это «слѣды нѣкотораго единства общины и внѣ предѣловъ вотчины и помѣстья» (92, 110). «Слѣды» эти состоятъ въ томъ, что иногда поручителями за крестьянина одной вотчины являлись крестьяне, жившіе въ другихъ вотчинахъ (той же волости?). Авторъ заключаетъ (молчаливо) изъ этого, что такія вотчины принадлежали къ одной общинѣ, «такъ какъ поручителями были крестьяне той же общины». Конечно, если вообще поручителями были крестьяне одной общины, то доказательство автора годится; но вѣдь именно это и слѣдуетъ еще доказать; а авторъ не только не берется за такое доказательство, но на той же страницѣ указываетъ «тотъ любопытный фактъ, что иногда поручителями являются вольные люди, т. е. лица, вовсе не причастныя общинѣ» (110).

Позволимъ себѣ теперь прибавить нѣсколько соображеній относительно тѣхъ явленій, которыя дѣйствительно можно наблюдать по данному вопросу на основаніи существующихъ документовъ. Въ моментъ, когда такія наблюденія становятся возможными, мы находимъ населеніе размѣстившимся между владѣльческими и черными землями. Искать, какой изъ этихъ типовъ предшествовалъ, мы считаемъ безнадежнымъ и до нѣкоторой степени празднымъ, при полной неизвѣстности для насъ исходныхъ точекъ ихъ образованія и при полной возможности и даже вѣроятности ихъ параллельнаго возникновенія. Во владѣльческихъ вотчинахъ на нашихъ глазахъ населеніе составляется путемъ отдѣльныхъ договоровъ пришлыхъ крестьянъ съ владѣльцемъ земли; поскольку составъ

населенія таковъ, постольку оно юридически не можетъ предшествовать появленію вотчинника. Но этимъ однимъ элементомъ «порядившагося» въ крестьянство населенія составъ его въ дѣйствительности вовсе не исчерпывается. Рядомъ съ этимъ подвижнымъ контингентомъ мы вездѣ видимъ на владѣльческихъ земляхъ «старожильцевъ», живущихъ пол-вѣка или цѣлый вѣкъ на той же землѣ, на ней родившихся, съ ней перешедшихъ отъ владѣльца къ владѣльцу. Въ 1578 г. встрѣчаемъ одну грамоту ¹⁾ о невывозѣ монастырскихъ крестьянъ въ дворцовыя села, *потому что* они, старожильцы, и «тѣ села и деревни за монастырь достались съ тѣми крестьяны». Несравненно чаще и раньше это запрещеніе «принимать» крестьянъ—преимущественно съ княжескихъ, но иногда и съ владѣльческихъ земель—связывается съ фактомъ записки ихъ въ книги и въ тягло (въ выти). Итакъ, фактическое пребываніе въ теченіе долгаго времени на одномъ мѣстѣ, вступленіе въ тяглую организацію, закрѣпленное книгами,—становятся основаніемъ своего рода *крѣпости*, на ряду съ частными договорами. Но въ томъ и другомъ случаѣ—совмѣстнаго жительство по отдѣльнымъ контрактамъ или старинной тяглою связи—становится-ли группа крестьянъ-сосѣдей цѣльной хозяйственной единицей, получаетъ-ли хозяйственную организацію, и когда именно? Отвѣчая на этотъ вопросъ, мы приходимъ къ выводу, діаметрально противоположному тому, который дѣлаетъ А. С. Лаппо-Данилевскій. По мнѣнію нашего автора и нѣкоторыхъ его предшественниковъ исконная русская община сохранилась на сѣверѣ въ черныхъ волостяхъ и разрушилась въ центрѣ Россіи—во владѣльческихъ. По нашему представленію, хозяйственной общины въ черныхъ волостяхъ (за исключеніемъ родственной—долевой и компанейской) въ древней Руси не существовало, а явилась она впервые именно въ центрѣ Россіи на владѣльческихъ земляхъ. На примѣрѣ черныхъ волостей сѣвера мы только можемъ видѣть, что податной связи самой по себѣ было недостаточно, чтобъ превратить тяглую общину въ хозяйственную; на владѣльческихъ земляхъ центра прибавляется новый—рѣшающій элементъ: единство хозяйственнаго управленія.

Любопытно, что во время полемики съ Чичеринымъ Бѣляевъ нашелъ только одно свидѣтельство о настоящемъ передѣлѣ, и этотъ единственный примѣръ, какъ замѣтилъ тогда же Чичеринъ, дока-

---

¹⁾ Арх. Ю. Можайск. у. № 7700.

зываетъ какъ разъ противоположное тому, что нужно было Бѣляеву: доказывалъ именно владѣльческое вліяніе на передѣл¹⁾. Понятая въ этомъ смыслѣ, грамота митр. Симона вовсе не составляетъ единственнаго свидѣтельства; напротивъ, мы имѣемъ цѣлый рядъ подобныхъ же, дѣлающихъ фактъ владѣльческаго распоряженія землей совершенно несомнѣннымъ²⁾. И самые размѣры надѣла, указываемые въ нашей грамотѣ, — 5 десятинъ и 6-я на владѣльца — представляютъ тоже весьма обычный размѣръ частновладѣльческой «выти» — какъ на монастырскихъ, такъ и на дворцовыхъ земляхъ³⁾.

---

¹⁾ Весьма интересная грамота эта была приведена Бѣляевымъ (Рус. Бесѣда 1856, I, 118) безъ указанія источника; въ «Крестьянахъ на Руси» онъ о ней уже вовсе не упоминаетъ. Мы нашли ее въ Сб. Бѣл. № 1620 (л. 250 об.—251); приводимъ здѣсь весь текстъ ея, съ опущеннымъ у Бѣляева началомъ. «Отъ Симона митрополита Юркѣ Масленицкому. Билъ ми челомъ Константино Еленскаго моего монастыря архимандритъ Матвѣй, а сказываетъ, что ихъ монастырскіе крестьяне Сураломцы и Добросельцы пашутъ пашни на себя много, а монастырскіе де пашутъ пашни мало. И ты бѣ въ тѣ села съ архимандритомъ съ Матвѣемъ ѣхалъ, да землю бы есте во всѣхъ трехъ полѣхъ перемѣрили, да далъ бы еси христіаномъ во всѣхъ трехъ поляхъ по пяти десятинъ, а на монастырь бы еси указалъ имъ пахати шестую десятину. А будетъ земли обильно, а кому будетъ земли надобно болѣ того, и онъ бы по тому же пахалъ и монастырскую пашню — шестой жеребей; а кому не будетъ силы пахати пяти десятинъ, и онъ бы по тому пахалъ и монастырскую пашню». Тотъ же игуменъ Матвѣй упоминается въ грамотахъ 7007, 7008 г.; Симонъ былъ митрополитомъ въ 1496—1510 гг.

²⁾ Ср. напр. Арх. Юст. Мон. гр. Волок. у. № 2432, сотная 1544 г., дворцовое хозяйство: «а вытей . . . 134 выти, а на выть хрестьянскіе пашни по шти десятинъ въ полѣ, а пахати имъ на великаго князя . . . 134 десятины, съ выти по десятинѣ; а мѣра десятинѣ въ длину 80 сажень, а поперегъ 30 сажень, а сѣяти имъ на десятину по 2 четверти ржи, а овса вдвое; а навозъ имъ возить на в. к. пашню съ своихъ дворовъ по 30 колышекъ на десятину, а мѣра колышкѣ въ длину и поперегъ четыре пяди, а вверхъ 2 пяди. . . ; да крестьяномъ же деревенщикомъ придано угодые въ Чернищахъ *на раздѣлѣ*, у которыхъ крестьянъ на выти сѣна мало». Калачовъ, Писц. XVI в. I, 2, 293—4 (1580 г.): «и дано на выть крестьяномъ худые земли по 8 десятинъ, и съ тѣми десятинами, что дано крестьяномъ для посопнаго хлѣба; . . . а землями, и луги, и лѣсомъ и всякими угодыи верстатися крестьяномъ межъ себя самимъ полосами или десятинами, на всякую выть поровну». Ср. *ib.* 402. Оед. Чех. I, 144 (1599): «а черная де отхожая пашня . . . нашихъ дворцовыхъ деревень недѣльная изстари, — пахали съ одново — повытно». Ср. также Неволіна, о пятинахъ, прил. V, стр. 131.

³⁾ Размѣръ выти по извѣстнымъ намъ даннымъ равнялся (звѣздочкой обозначены тѣ цифры, при которыхъ въ документахъ не указано качество земли.

Есть, однакоже, одно обстоятельство, которое въ значительной степени осложняетъ наши представленія и затрудняетъ выводъ. Мы говорили выше о владѣльческихъ — монастырскихъ, дворцовыхъ и вотчинныхъ земляхъ. Но изображеніе автора предполагаетъ ихъ происхожденіе изъ свободныхъ черныхъ земель. Что мы знаемъ о роли этихъ черныхъ земель въ центральной Россіи? Правъ-ли былъ Бѣляевъ, усвоивая имъ характеръ первоначально свободныхъ неприкосновенныхъ государственныхъ земель; или правъ былъ Чичеринъ, считая ихъ принадлежащими князю, какъ частному собственнику, наравнѣ съ другими землями удѣла? Съ нѣкоторыми поправками авторъ въ сущности возвращается къ Бѣляевскому взгляду¹⁾. Не имѣя намѣренія защищать Чичеринскій въ его цѣломъ, — особенно въ его теоретическомъ обоснованіи, — мы однако считаемъ возможнымъ защищать два тезиса. Во-первыхъ, черная

Послѣдняя изъ числа указанныхъ десятинъ постоянно дается для посопнаго хлѣба, т. е. для хозяйской запашки):

	Доброй земли.	Средней.	Худой.
около 1500 Моск. у. монаст. (Бѣл. Сб. № 1620, л. 250 об. — 251).....	6*	»	»
» 1503 Вологод. у. дворц. (ibid. л. 208).....	6*	»	»
» 1544 Волок. у. дворц. (Ар. Ю. № 2432).....	6*	»	»
» 1555 Владим. у. дворц. (Ѳед. Чех. I, 233).....	6*	»	»
» 1561 Колом. у. дворц. (Бѣляев. Акты въ Рум. муз. № 117).....	»	7—7 ¹ / ₂	8—9
» 1561 Бѣлозер. у. дворц. (Арх. Ю. № 814, 817, 819, 823).....	»	7	8
» 1571 Веневск. у. дворц. (Калач. I, 2, 1541).....	6 ¹ / ₂	»	»
» 1580 Твер. у. дворц. (Калач. I, 2, 301, 312 etc.)...	»	7	8
» » ibid. въ Шезскомъ стану и въ Кушалинск. волости дворц. (ibid. 360—402).....	»	9	10
до 1585 Бѣлозер. у. дворц. (А. Ю. № 230).....	»	»	9—10
» 1585 ibid. (ibid.).....	»	»	7
» 1586 Пошех. у. монаст. (Арх. Ю. № 9703).....	»	»	8

Въ 1571 г. изъ указанныхъ 6¹/₂ десятинъ — 1¹/₂ десятины дано пахать на вел. князя. Общій характеръ перечисленныхъ здѣсь и въ предъидущемъ примѣчаніи частныхъ случаевъ подчеркивается слѣдующимъ замѣчаніемъ книги сошнаго письма (Имп. Публ. Библиот. Q, II, № 42): «а въ государевыхъ дворцовыхъ селѣхъ и въ помѣстныхъ земляхъ въ выть доброй земли по 5 десятинъ, а середніе земли по 6 десятинъ, а худые земли по 7 десятинъ, а на посопной хлѣбъ надавати на выть по десятинѣ».

¹⁾ Временникъ XI.

волостная община въ древнѣйшихъ нашихъ свѣдѣніяхъ о ней является «тяглою» общиной «численныхъ людей», «данныхъ» и «писменныхъ»: соединяющая ее основная связь есть фискальная; изъ этой связи вытекаютъ ея судебно-полицейскія и хозяйственныя функціи; послѣднія не дѣлаютъ ее однако цѣльнымъ хозяйственнымъ организмомъ. Во-вторыхъ, раньше, чѣмъ считалъ возможнымъ утверждать Чичеринъ, происходитъ «окняженіе» центральныхъ черныхъ волостей и уже послѣ этого «окняженія» начинается «обояреніе» нѣкоторой доли послѣднихъ. Мы не знаемъ, что было раньше, но навѣрное знаемъ, что въ XV и XVI в. черная волость центра становится дворцовой волостью князя, — раньше чѣмъ является самый терминъ «дворцовый». Въ это время, по крайней мѣрѣ, князь свободно даритъ, продаетъ, мѣняетъ черныя волости ¹⁾; скоро мы узнаемъ, что онъ въ нихъ и хозяйничаетъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ становятся замѣтны въ черной волости центра и нѣкоторые признаки хозяйственной связи, подобные указаннымъ выше на владѣльческихъ земляхъ ²⁾. Эти признаки, какъ мы думаемъ, — вторичнаго происхожденія: являясь *послѣдствіемъ* «окняженія» черныхъ волостей центра, они только подтверждаютъ нашъ выводъ о частновладѣльческомъ происхожденіи хозяйственной организаціи крестьянской общины.

¹⁾ Арх. М. Ю. Мон. гр. 1470 г. Звениг. у. № 4676: «промѣнилъ» кн. Андрей Васильевичъ «свои деревни черныя тяглыя» на монастырскія. Ок. 1481 г. Можайск. у. № 7606, жалов. гр. на «черныя деревни и съ судомъ и съ данью и съ оброкомъ и съ хлѣбомъ, что въ землѣ». 1517 г. Вологод. у. № 2574: упоминается о взятіи на оброкъ «закосовъ черныхъ, что былъ ихъ обоярилъ Мих. Бирилевъ». 1525 г. Рузск. у. № 10. 247: кн. Юрій Ивановичъ далъ въ монастырь черныя волости. 1530 г. Вологод. у. № 2578, грамота городовому прикащику: «что еси писалъ и мѣрилъ мои вел. государя деревни черныя, и ты бы... тѣ мои деревни... отдалъ Кирилловскому игумену, а въ тѣхъ деревень мѣсто взялъ бы еси на меня... деревни монастырскія на Тошнѣ». 1550 г. Костром. у. № 5017: 4 деревни черныя... Кулишскіе волости чашнича пути... жалуются въ Корнильеву пустынь. 1563 г. Переясл. у. № 8927: «Благовѣщенскаго монастыря деревни, что были черныя деревни Ортемьевскаго стану, а пожаловалъ царь и в. к. etc. 1566 г. Бѣлозер. у. № 818: государь разрѣшаетъ мѣну черныхъ деревень на монастырскія. Другія мѣста см. у Чичерина, Опыты, 22—3; А. до Ю. Б. I, стр. 80. Ср. также Чичерина Обл. Учр. 569.

²⁾ Такъ напр. въ актахъ Бѣляева (Рум. муз. № 117) находимъ сотную «черныхъ деревень» Коломенск. у. 1561 г., по которой земля этихъ деревень распределена на *выти*. по 14—15 четвертей средней земли, по 16—18 четв. худой въ выти; съ вытей идетъ оброкъ по 1 р.; въ одной отхожей пожнѣ лѣсъ «сѣкутъ всею волостью». Ср. также «черныя деревни Высокой волости» въ 1554 г. *ib.* № 102.

3. Техника податнаго обложенія. а) Окладная единица (соха).

По вопросу о податной системѣ и о податныхъ общественныхъ группахъ до XVII в. А. С. Лаппо-Данилевскій все-таки имѣлъ нѣкоторыя предшествующія работы въ ученой литературѣ. Напротивъ, вопросъ о древнѣйшей системѣ податнаго обложенія до сихъ поръ остается едва затронутымъ. Между тѣмъ нельзя не признать, что при изученіи «организациі прямаго обложенія» вопросъ этотъ имѣетъ центральное значеніе. Самъ авторъ заключаетъ въ результатѣ своей работы, что сущность этой организациі сводится къ репартиціонной системѣ. А такъ какъ соха была древнѣйшей окладной единицей этой системы, то исторія сошнаго письма является въ значительной степени и исторіей самой системы. Оба эти обстоятельства, т. е. неизученность вопроса и важность его для темы автора, заставляютъ насъ сосредоточить на немъ особенное вниманіе.

Въ исторіи сошнаго письма до XVII в. авторъ мало прибавилъ къ тому немногому, что мы имѣли до него. На стр. 219—221 онъ даетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о сохѣ до XVII в. и въ приложеніи V-мъ (о «податныхъ единицахъ», 520—524) нѣкоторыя данныя относятся къ этому времени; но во всемъ этомъ не встрѣчаемъ ничего цѣльнаго. Авторъ замѣчаетъ, что «соха, какъ извѣстно, начинаетъ служить податной единицей уже съ половины XV в.», но въ примѣчаніи находимъ болѣе точное указаніе, что «извѣстія о сохѣ, какъ податной единицѣ, встрѣчаются уже въ XIII в.». Далѣе, онъ говоритъ объ измѣненіи значенія сохи: въ XV в. размѣры сохи опредѣлялись количествомъ *труда*, нужнаго для обработки, затѣмъ они стали выражаться количествомъ *посѣва*, а съ XVI—XVII в. «она пріобрѣтаетъ значеніе простой *геометрической плоскости*». Въ этомъ опредѣленіи возбуждаетъ сомнѣнія прежде всего второй изъ указанныхъ моментовъ: опредѣленіе сохи количествомъ посѣва, какъ *независимое* отъ опредѣленія ея количествомъ труда или геометрическимъ измѣреніемъ, — какъ особый хронологическій періодъ въ ея исторіи. Всѣ существовавшія опредѣленія сохи сводятся или къ количеству труда, или къ размѣру земельной площади; размѣры же посѣва принимаются въ расчетъ какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ. Что касается, въ частности, опредѣленія сохи количествомъ труда, мы уже знаемъ, что такое опредѣленіе современно татарскимъ переписямъ, и самый размѣръ сохи мало измѣняется съ послѣдней четверти XIII до послѣдней четверти XV в. Выражае-

мая въ единицахъ рабочей силы, эта соха можетъ быть переводима и на единицы засѣянной площади пашни, съ тѣми колебаніями, которыя соотвѣтствуютъ колебаніямъ рабочей силы. Всего отчетливѣе мы можемъ прослѣдить этотъ параллелизмъ въ Новгородѣ. Послѣ того, какъ новгородцы опредѣлили Ивану III свою «обжу», какъ единицу труда одного коннаго рабочаго («обжа — одинъ человекъ на одной лошади ореть»), въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ 1490-хъ—1500-хъ гг. мы встрѣчаемъ ту же обжу выраженной въ единицахъ посѣва, *коробьяхъ* (коробья = 2 чети = десятина); но одно нисколько не мѣшаетъ другому: коробка всегда представляетъ опредѣленную площадь посѣва; а обжа, окладная единица продолжая означать единицу рабочей силы, приравнивается постоянно колеблющемуся количеству этихъ единицъ посѣва: въ Деревской пятинѣ на обжу кладется $2\frac{1}{5}$ до $2\frac{3}{4}$, рѣдко 3-хъ коробей; въ Шелонской 3—5 коробьи, но иногда и 2, а иногда 6, въ многосемейныхъ дворахъ даже 7 коробей¹⁾; въ Водьской пятинѣ²⁾ та же обжа состоитъ обыкновенно изъ 3—4 коробей, но иногда изъ $2\frac{1}{2}$, а иногда даже изъ 5—6 коробей. Такимъ образомъ, если бы мы пожелали приравнять обжу опредѣленной площади посѣва, то получили бы постоянно различныя величины этой площади, въ предѣлахъ отъ 2 до 7 десятинъ, т. е. отъ 6 до 21 десятины на сошку (= 3 обжи). Авторъ, очевидно, не обратилъ достаточнаго вниманія на такой характеръ древней новгородской обжи и сошки; въ приложеніи онъ приравниваетъ ихъ постоянной площади посѣва — 10 и 30 четвертямъ въ полѣ; но постоянный размѣръ въ 10 четвертей обжа получила вслѣдствіе распоряженій московскаго правительства, значительно позднѣе; еще въ срединѣ XVI в. ея размѣръ продолжаетъ колебаться³⁾; только въ писцовыхъ 1581 и слѣд. гг. обжа является фиксированной — въ 10 четвертей⁴⁾. Это нововведеніе отражаетъ въ себѣ, какъ увидимъ, переломъ въ судьбѣ самой московской сохи.

Изложенныя наблюденія надъ новгородской обжей и сошкой показываютъ, что и къ опредѣленію площади посѣва древнѣйшей московской сохи надо относиться осторожно. Переходя теперь къ ея исторіи, мы должны прежде всего устранить то препятствіе, которое продолжаетъ ставить новѣйшимъ изслѣдователямъ старая

---

¹⁾ Напр. Новг. писц. кн., т. IV, 79.

²⁾ Временникъ, XI.

³⁾ Новг. писц. кн., т. IV; Доп. къ А. И. I, стр. 90.

⁴⁾ Временникъ, VI и Неволинъ о пятинахъ, приложенія.

постановка вопроса у Бѣляева. Задавшись опредѣленіемъ размѣровъ сохи въ количествѣ четвертей пашни, Бѣляевъ этимъ самымъ переносилъ на древнюю соху черты позднѣйшей и предрѣшалъ главный вопросъ, подлежащій разрѣшенію: имѣла-ли вообще соха въ древнѣйшее время значеніе извѣстной земельной площади? Не получивъ опредѣленнаго отвѣта на невѣрно поставленный вопросъ, онъ заключилъ отсюда, что соха вообще не имѣла опредѣленной величины. Дѣло еще усложнилось тѣмъ, что самые факты, собранные имъ для отвѣта, были или совсѣмъ невѣрны, или невѣрно истолкованы. Это обстоятельство мы прежде всего и постараемся констатировать.

Рядъ этихъ фактовъ, сопоставленныхъ Бѣляевымъ ¹⁾, начинается съ данныхъ о новгородскихъ обжахъ и сошкахъ. Невѣрно во всѣхъ этихъ данныхъ утвержденіе, что на обжу клалось опредѣленное количество коробей; какъ мы видѣли, это количество постоянно колебалось въ одной и той же книгѣ. Затѣмъ невѣрно также показаніе Бѣляева, что въ новгородской писцовой книгѣ 1500 г. ²⁾ «въ соху помѣстной земли было положено 21 обжа». Во всѣхъ намъ извѣстныхъ случаяхъ составъ новгородской сохи очень постояненъ—3 обжи; составъ обжи становится постояннымъ съ 1581 г.—10 четвертей. Затѣмъ и показаніе о тверской дворцовой сохѣ первой половины XVI в. небывалаго размѣра — въ 1300 четв. доброй земли — оказывается чистымъ недоразумѣніемъ. Во-первыхъ, источникъ, изъ котораго взято это показаніе, совсѣмъ не относится къ первой половинѣ XVI в., а къ XVII-му (см. далѣе); во-вторыхъ, Бѣляевъ прочелъ «добрый» земли вмѣсто «добре-худой» (въ одномъ мѣстѣ рукописи: «добрый худой»). Далѣе слѣдуютъ двѣ столь же неудачныя ссылки на тверскія писцовыя 1540 и 1588 гг.; въ первыхъ приходится будто бы по 416, а во вторыхъ по 400 четв. на соху: тоже размѣры исключительные. Эти писцовыя книги теперь напечатаны ³⁾. Вторая изъ нихъ отнесена Бѣляевымъ къ 1588 г. (а Калачовымъ къ концу XVI в.), очевидно, на томъ основаніи, что въ нихъ трижды упоминаются грамоты 7094 и 7096 гг. ⁴⁾. Но всѣ

¹⁾ Временникъ, XI, 52—54.

²⁾ Арх. М. Ин. Д. № 4? Мы видѣли эту книгу въ археографической комиссіи и можемъ удостовѣрить, что *и въ ней соха состоитъ тоже изъ трехъ обжей*, см. л. 34 об. — 35, л. 55 об., л. 74, л. 88. (Съ л. 91 идетъ книга 7059 года, см. на л. 202 об. 203: «старыя обжи писаны и положено въ нихъ пашни въ обжу по 3 коробы и по 2¹/₂ коробы и по 2 — по старому жъ»).

³⁾ Калачовъ, I, 2 стр. 40—140, 141—290.

⁴⁾ Стр. 162, 202, 239.

три раза эти даты оказываются простыми ошибками писца вмѣсто 6994 и 6996, какъ видно изъ того, что грамоты принадлежатъ вел. кн. Ивану Васильевичу (III) и в. к. Ивану Ивановичу (его сыну). Въ дѣйствительности, книга эта относится ко времени послѣ 1547 г., такъ какъ въ ней упоминаются грамоты декабря этого года ¹⁾ и до 1556, такъ какъ князь Дмитрій Ивановичъ Микулинскій, умершій въ этомъ году ²⁾, считается въ ней еще живымъ. Мы полагаемъ, что она составлена лѣтомъ 1555 г., такъ какъ въ ней говорится, что — «какъ татарове приходили воевать» къ Рязани, — «тому 3 года минуло Рождество Христово» (стр. 281); думаемъ, что здѣсь разумѣется нападеніе ногайцевъ на мещерскія мѣста и старую Рязань въ 1551 г., пришедшееся дѣйствительно на Рожд. Хр. ³⁾. Затѣмъ эта книга не есть писцовая, а приправочная (стр. 98, 272) и, какъ таковая, содержитъ въ себѣ только краткія указанія на количество стараго *сошнаго письма* въ каждомъ владѣніи по писцовой 1540 г. (т. е. предыдущей, стр. 40—140) и на *новое* количество *четвертей*, оказавшееся въ томъ же владѣніи при приправкѣ въ 1555 г. Такъ какъ послѣднее не переведено въ книгѣ на *новое* сошное письмо, то по ней никакъ нельзя опредѣлить, сколько въ 1555 г. клалось четвертей на соху. Но можно, правда, старое сошное письмо этой книги, должствующее соответствовать состоянію 1540 г., сопоставить съ количествомъ четвертей самой книги 1540 г., въ которой, наоборотъ, только и показаны четверти, безъ перевода на сохи. Въ результатѣ такого сравненія мы получимъ совершенно тотъ же выводъ, какой получили при вычисленіи числа коробей въ новгородской обжѣ, т. е. во всякомъ новомъ имѣніи мы получимъ и новый результатъ, напр. той же самой $\frac{1}{6}$ долей сохи измѣряются три имѣнія, изъ которыхъ въ одномъ 141 четъ пашни въ полѣ, въ другомъ 110, въ третьемъ 91; или одинаково положены въ $\frac{1}{12}$ сохи три другія имѣнія, изъ которыхъ въ одномъ 37 четей, въ другомъ 53, а въ третьемъ 66 и т. д. Если бы высчитывать по каждому изъ этихъ случаевъ предлагаемые размѣры сохи, то мы получили бы изъ шести случаевъ шесть разныхъ сохъ для Тверскаго уѣзда: въ 888, 660 и 546 четв. или 792, 636 и 444 четв. Другими словами, окажется, что между четвертями пашни и сошнымъ письмомъ не существовало ни-

---

1) Стр. 201, 202, 221.

2) Микулинская лѣтопись. М. 1854, 36—38.

3) 26 декабря. Царств. книга, 160; ср. Разрядная книга, издаваемая мною въ Чт. О. Ист. и Др. Р., стр. 148.

какого прямого соответствія; не нормы сохи варьировались, а соха нормировалась въ Тверскомъ у. 1540 г. не по количеству четвертей, а по какому-нибудь другому принципу.

«Неодинаковость мѣры сохъ» доказывается у Бѣляева еще одной грамотой, въ которой говорится, что прежде жители платили съ монастырской вотчины подати съ 12 четей, а новый писецъ написалъ ее «въ сошное письмо тяжело—174 чети». Повидимому, Бѣляевъ выводилъ отсюда, что *соха* равнялась въ первомъ случаѣ 12-ти, а во второмъ 174-мъ четямъ. Но здѣсь ничего не говорится о размѣрахъ цѣлой сохи, въ которую были положены прежде 12 четвертей, а потомъ 174; тяжесть новаго письма состояла тутъ, очевидно, лишь, въ томъ, что новыя четверти, прежде «въ сохи не положенныя», можетъ-быть недавно распаханныя или находившіяся на особой льготѣ, теперь были введены вмѣстѣ съ прежними въ сошный окладъ.

Это отступленіе было необходимо сдѣлать въ виду того, что авторитетъ Бѣляева опредѣлилъ взгляды послѣдующихъ изслѣдователей; П. А. Соколовскій попытался ошибочнымъ цыфрамъ Бѣляева дать рациональное объясненіе ¹⁾; А. С. Лаппо-Данилевскій просто принялъ эти цифры и сдѣлалъ изъ нихъ дальнѣйшій выводъ: «сильныя колебанія реальныхъ размѣровъ тѣхъ земельныхъ участковъ, которые получаютъ наименованіе сохъ въ XVI в., показываютъ, быть-можетъ, что соха даже въ XVI в. еще окончательно не установилась» (228, примѣч.). Положеніе изслѣдователя становится особенно затруднительнымъ, если вспомнимъ, что нѣсколькими страницами ранѣе (220) авторъ принужденъ былъ признать, что съ первой третью XVII в. сошное обложеніе уже «отживало свой вѣкъ». Невольно является вопросъ, когда же въ такомъ случаѣ оно успѣло сложиться въ окончательномъ видѣ, — когда соха сдѣлалась опредѣленной геометрической плоскостью?

Замѣтимъ прежде всего, что и тутъ необходимо устранить принятый авторомъ особый періодъ опредѣленія сохи посредствомъ количества посѣва. Совершенно вѣрно, что древняя «четверть» есть «четверть сѣву» ²⁾; но это не мѣшаетъ ей, подобно новгородской коробѣ и византійской литрѣ, въ то же время соответствовать извѣстной, точно опредѣленной площади; здѣсь, какъ въ нов-

---

¹⁾ Экономическій бытъ, 45—6.

²⁾ Въ древнихъ текстахъ очень часто употребляется выраженіе «земли на столько-то четвертей» вмѣсто позднѣйшаго «столько-то четвертей земли».

городской обжѣ, извѣстное количество единицъ посѣва можетъ приравняться единицѣ рабочей силы; но пока соха измѣряется послѣдней, до тѣхъ поръ и здѣсь, и тамъ количество это будетъ колебаться. Напротивъ, какъ только размѣръ сохи будетъ прямо опредѣленъ извѣстнымъ количествомъ единицъ посѣва («четвертей») такъ сама собою соха превратится въ геометрическую площадь извѣстнаго размѣра. Не признавая, что «четверть сѣва» уже сама по себѣ есть вполне опредѣленная геометрическая площадь, авторъ ставитъ въ связь геометрическое измѣреніе сохи съ появленіемъ «новой поземельной мѣры подъ наименованіемъ десятины, равной двумъ четвертямъ; она становится извѣстной со второй половины XVI в. и оффициально утверждена сошною книгой при Уложеніи» (221). Дѣйствительно, десятина употребляется въ древнѣйшихъ извѣстіяхъ тогда, когда дѣло идетъ о измѣреніи земель геометрическимъ способомъ, и когда измѣреніе ихъ количествомъ посѣва оказывается почему-либо неудобнымъ (напр. при отведеніи вновь надѣла подъ посѣвъ, почему выти постоянно измѣряются десятинами въ дворцовыхъ и монастырскихъ имѣніяхъ, — при отводѣ земли подъ ямъ; наконецъ, когда измѣряется не пашенная земля, а лугъ или дворъ). Но, во-первыхъ, эта мѣра упоминается значительно ранѣе, чѣмъ полагаетъ авторъ, именно уже въ XIV в. ¹⁾ и, уже въ извѣстіи 1503 года, приравнивается двумъ четвертямъ посѣва; а во-вторыхъ, уже поэтому ясно, что нельзя искать никакой спеціальной связи между введеніемъ десятиннаго измѣренія и превращеніемъ сохи въ опредѣленную геометрическую площадь.

---

¹⁾ А. А. Э I, № 11. Грамота митр. Кипріяна 6900 (1391 г.) октября 21, индикта 15 (въ Рум. муз. Сб. Бѣляева, № 1620, л. 246 об. таже грамота датирована 6905 г.): по жалобѣ монастырскихъ «сиротъ» на игумена Константиновскаго монастыря Ефрема, что онъ наряжаетъ намъ дѣло не по пошлинѣ, чего при первыхъ игуменахъ не бывало» (Цареконстантиновскій монастырь во Владим. у. основанъ около 1362 г.; ср. Ист. іер. VI. 648; Ратшинъ, 43), назначено слѣдствіе, и предыдущій игумень Царко свидѣтельствуесть о «старой пошлинѣ», «какъ монастырскимъ людямъ дѣло дѣлати»; они должны между прочимъ «сѣно косити десятинами». Ср. А. И. I. № 100 (1490 г.). А. до Ю. Б. II, стр. 565 (1498—99 г.). Арх. М. Ю. Мон. гр. Переясл. у. № 8816: кн. в. Иванъ Васильевичъ (III) посылалъ «смотреть и мѣрити, сколько троицкіе земли за рѣчкою за Карповкою, и тое земли въ мѣру девяносто и шесть десятинъ»... Затѣмъ кн. в. вторично послалъ «а велѣлъ тое земли троицкіе отмѣритъ въ мѣру къ яму 30 десятинъ пашные земли, да на 30 копенъ пожни, какъ и по инымъ ямамъ». Писцов. кн. Вологод. у. 1503 г.: «сѣяли на десятинѣ по 2 четверти ржи, а яри вдвое». (См. ниже стр.).

Фактъ такого превращенія остается однакоже несомнѣннымъ. Намъ извѣстна исходная точка этого превращенія — соха какъ единица рабочей силы, и извѣстенъ его результатъ — соха какъ опредѣленное количество четвертей пашни. Остается разяснить ближайшія обстоятельства и время, когда именно произошла эта перемѣна.

Естественно, что за разрѣшеніемъ мы должны обратиться къ самымъ документамъ, имѣвшимъ цѣлью податное обложеніе, — къ писцовымъ книгамъ древнѣйшаго времени. Правда, только скудные остатки писцовыхъ книгъ этого времени сохранились до насъ; но собравъ возможно большее количество этихъ остатковъ, преимущественно «сотныхъ выписей», мы все же можемъ извлечь изъ нихъ немаловажныя для нашего вопроса указанія ¹⁾.

Прежде всего, подобранныя нами сотныя выписи XVI в. сами собой распадаются на два различныхъ типа съ легко уловимыми отличительными признаками. Первый типъ, болѣе древній, обыкновенно сообщаетъ свѣдѣнія о количествѣ дворовъ, ихъ мужскомъ рабочемъ населеніи и о количествѣ сошнаго письма, но никогда не даетъ указаній на то, какое количество пашни переводится на соответствующее количество сошнаго письма. Второй типъ, болѣе поздній, напротивъ, главнымъ образомъ указываетъ количество пашни, почти всегда характеризуетъ и ея качество (добрая, средняя, худая) и большей частью совершаетъ переводъ ея на сошное письмо по опредѣленной нормѣ. Уже изъ этой общей характеристики нельзя не видѣть, что смѣна двухъ типовъ соответствуетъ искомой перемѣнѣ въ значеніи окладной единицы. Перейдемъ теперь къ ближайшему изученію каждаго типа.

Вотъ образецъ тѣхъ свѣдѣній, которыя можно заимствовать изъ выписей перваго типа ²⁾ (Рум. муз. Бѣл. № 1620, л. 29 слѣд. по Переясл. у., 1520 г., волость великаго князя):

---

¹⁾ Довольно значительное количество сотныхъ выписей намъ удалось подобрать по монастырскимъ грамотамъ Арх. М. Юст. Указанія этихъ же грамотъ положены въ основаніе списка писцовыхъ книгъ XVI в., предлагаемаго въ приложеніи I.

²⁾ Приводимъ списокъ извѣстныхъ намъ по архивнымъ источникамъ выписей перваго типа. 7000 г. Звенигор. у. Рум. муз. Сб. Бѣляева, № 1620, л. 25. 7006 г. Юрьева Польскаго у. *ibid* л. 196 об. 7007 г. Владим. у. *ibid* л. 199. Москов. у. *ib.* л. 48. 7009 г. Ростов. у. *ib.* л. 9—15. 7010 г. Костр. у. л. 195. 7011 г. Вологод. у. *ib.*: л. 208. 7028 г. Переясл. у. *ib.* л. 29. 7035 г. Арх. Мин. Юстиціи. Монаст. гр. Кашинск. у. № 6712. 7041 г. *ib.* Галиц. у. № 3346. 7046 г. Дмитров. у. №№ 3767, 3764—65; Звенигород. у. № 4686. 7050 г. Пошехон. у. № 9. 681.

дворовъ	11,	пашни	$\frac{1}{3}$	сохи	(на соху дворовъ	33)
»	20	»	$\frac{1}{3}$	»	(»	»
»	2	»	$\frac{1}{6}$	»	(»	»
»	9	»	$\frac{1}{8}$	»	(»	»
»	10	»	$\frac{1}{12}$	»	(»	»
»	4	»	$\frac{1}{12}$	»	(»	»
»	2	»	$\frac{1}{12}$	»	(»	»
»	3	»	$\frac{1}{16}$	»	(»	»
»	4	»	$\frac{1}{16}$	»	(»	»

Какъ видимъ, число дворовъ не находится ни въ какомъ соотвѣтствіи съ количествомъ сошнаго письма. Выраженная въ количествѣ дворовъ, соха колебалась бы въ предѣлахъ 1:10. Приведемъ другой примѣръ, гдѣ, кромѣ числа дворовъ, можно видѣть и число людей въ нихъ (Арх. Мин. Ю. Мон. гр. Вологод. у. № 2586, 1544 г.; монастырскія деревни):

дворовъ	11,	человѣкъ	12,	пашни	$\frac{1}{6}$	сохи	(на соху дворовъ	66,	человѣкъ	72)		
»	25	»	26	»	$\frac{1}{6}$	»	(»	»	»	150	»	156)
»	3	»	3	»	$\frac{1}{4}$	»	(»	»	»	12	»	12)
»	46	»	47	»	$\frac{7}{12}$	»	(»	»	»	79	»	81)
»	139	»	217	»	$2\frac{1}{3}$	»	(»	»	»	60	»	93)

Выводъ опять-таки приходится сдѣлать тотъ же самый. Что касается свѣдѣній о количествѣ четвертей, онѣ, вѣроятно, находились въ самыхъ писцовыхъ разсматриваемаго типа; но въ выписяхъ встрѣчаются весьма рѣдко. Въ одномъ документѣ 1533 г. мы находимъ сопоставленіе количества четвертей по письму одного писца съ количествомъ сохъ по письму другаго; сопоставленіе это даетъ слѣдующіе выводы (Арх. Ю. Гал. у. № 3346; ср. Сборн. грамотъ Троицк. мон. № 532 по Галичу грамота):

Въ одномъ помѣстьи Галиц. у. 246 четв. = $\frac{1}{4}$ сохи; соха = 984 четв.
въ немъ же 90 » = $\frac{1}{12}$ » » = 1080 »
Въ другомъ помѣстьи Костр. у. 240 » = $\frac{1}{3}$ » » = 720 »
въ немъ же 105 » = $\frac{1}{6}$ » » = 630 »

Совершенно подобныя колебанія количества четвертей на соху мы видѣли и выше при сравненіи данныхъ Тверской писцовой 1540 и приправочной 1555 г. Общій выводъ получается, такимъ

7052 г. Переясл. у. №№ 8850 и 8861; Бѣлозер. у. № 790; Владим. у. № 1796
Волоколам. у. № 2432; Верейск. у. №№ 2335—2336, Вологод. у. №№ 2585, 2586.
7053 г. Костром. у. № 5007.

образомъ, вполнѣ отрицательный: соха не измѣрялась—ни количествомъ дворовъ, ни количествомъ людей, ни количествомъ четвертей. Чѣмъ она въ дѣйствительности измѣрялась, объ этомъ выпиши нашего типа хранятъ глубокое молчаніе. Тѣмъ важнѣе отмѣтить одно встрѣтившееся намъ указаніе, какъ бы случайно оброненное сотной выписью 1544 г. и до сихъ поръ совершенно одиночное. Послѣ перечисленія обычнымъ образомъ дворовъ и количества сошнаго письма въ монастырскихъ деревняхъ ¹⁾ въ самомъ концѣ находимъ замѣтку: «деревня Кучино со княземъ Александромъ Друцкимъ въ спорѣ; а пашеть ее кн. Александръ, а въ соху положена однокольцомъ пол-пол-пол-чети сохи». Надо полагать, что «одноколець» есть владѣлецъ одной «кольшки» или «телѣги», къ которой первая приравнивается въ параллельныхъ текстахъ ²⁾. Замѣтимъ далѣе, что $\frac{1}{32}$ сохи есть наименьшая дробь, на которую можетъ подраздѣляться соха по обычнымъ приѣмамъ сошнаго счета. Итакъ, наша цитата имѣетъ слѣдующій смыслъ: деревня Кучино въ платежномъ отношеніи сочтена за «одного однокольца» и приравнена по этому счету къ $\frac{1}{32}$ части сохи. Слѣдовательно, соха въ данномъ случаѣ состоитъ изъ 32-хъ однокольцевъ: «одноколець» является той недѣлимой единицей рабочей силы, на которой строится соха. Если можно считать его за одного коннаго рабочаго, тогда мы можемъ сравнивать наблюдаемую здѣсь соху съ сохой XV в. Одному конному рабочему равняется, какъ мы знаемъ, и новгородская обжа; далѣе, по грамотѣ 1437 г. можно установить такую градацію рабочихъ и окладныхъ единицъ: $\frac{1}{2}$ плуга = сохѣ = двумъ конямъ съ припряжкой = двумъ половникамъ = четыремъ пѣшимъ работникамъ ³⁾; или 1 конный работникъ = 2-мъ

¹⁾ Арх. М. Ю. Влад. у. № 1796. По этому перечисленію размѣры сохи колеблются, какъ всегда въ этомъ типѣ выписей: такъ, одной и той же величинѣ—сохѣ безъ трети приравнены одинъ разъ 27 дворовъ, другой разъ 21 дворъ, третій разъ—18 дв., четвертый разъ—11 дв., т. е. вычисленная по этимъ цифрамъ соха равнялась бы $40\frac{1}{2}$, $31\frac{1}{2}$, 27 и $16\frac{1}{2}$ дворамъ; тутъ же встрѣчается случай, когда 54 двора приравнены $\frac{1}{2}$ сохи (т. е. 108 дворовъ на соху); къ $\frac{1}{32}$ долѣ сохи приравненъ одинъ разъ 1 дворъ, другой разъ пашня, распаханная изъ другаго поселка «наѣздомъ».

²⁾ Ср. выше цитату на стр. 51, пр. 2 съ изданіемъ «Счетной Мудрости» Общ. Люб. Др. Письм. л. 120: «а навозъ возятъ на выть по 60 *телмгъ*, а телѣга въ длину 7 пядей, вверхъ 4 пяди etc...».

³⁾ Кажется, такой смыслъ должны имѣть «4 пѣшци за соху» грамоты 1437 г. Ср. въ грам. Кипріяна 1391 г. (А. А. Э. I, № 11), «а *тшеходномъ* изъ селъ къ празднику рожь молотити и хлѣбы печи» и т. д.

пѣшимъ = $\frac{1}{2}$ сохи = $\frac{1}{4}$ плуга. Соха нашего документа, состоящая изъ 32-хъ конныхъ рабочихъ, въ 8 разъ больше древняго плуга и въ 16 разъ болѣе древней сохи, если считать въ послѣдней два конныхъ работника; если же по новгородскому счету принимать въ древней сохѣ *три* конныхъ работника (что можно оправдать и грамотой 1437 г. «два коня, а третье припряжь»), то такихъ сохъ будетъ въ нашей сохѣ $10\frac{2}{3}$. И дѣйствительно, уже въ 1555 г. встрѣчаемъ распоряженіе, которымъ московская соха приравнивается десяти новгородскимъ ¹⁾. Это приравненіе не мѣшаетъ земельной площади новгородской сохи колебаться вплоть до 1581 г.; точно также колеблется и площадь московской сохи. Однако, и при этихъ колебаніяхъ, все же можно уловить между земельными размѣрами этихъ сохъ ту же связь и, кажется, то же преемство, какое мы замѣтили относительно составлявшаго ихъ количества конной рабочей силы. Если вѣрны наши наблюденія надъ послѣднимъ, то и земельные размѣры древней московской сохи должны были въ болѣе древнее время стоять близко къ размѣрамъ новгородской, а затѣмъ превысить ихъ до 10 разъ. Уже Кури воспользовался для опредѣленія размѣровъ древней сохи статьей Русской Правды по Карамзинскому списку (58): «а въ селѣ сѣяной ржи на два плуга 16 кадей ржи ростовскихъ» — по 4 четверти въ кади = 64 четв. ²⁾; А. С. Лаппо-Данилевскій повторилъ этотъ же расчетъ (523), и оба не замѣтили, что 64 четв. составляютъ въ цитированной статьѣ не одинъ, а *два* плуга; слѣдовательно, на плугъ приходится 32 четв. Если плугъ равнялся и въ то время, когда производился этотъ расчетъ (т. е., вѣроятно, въ XIII в.), двумъ сохамъ, то на соху придется 16 четвертей. Размѣрамъ новгородской сошки, колебавшейся въ концѣ XV в. между 12 и 42 четв., эти цифры не противорѣчатъ. Въ нѣкоторыхъ древнѣйшихъ выписяхъ также встрѣчаемъ малые размѣры сохи; напр. по выписи 1503 г. въ Вологодскомъ у. въ одномъ дворцовомъ сельцѣ приходилось на соху $4\frac{2}{3}$ двора, $5\frac{1}{3}$ человѣкъ и 65 четв. пашни; въ другомъ 4 двора и человѣка и $28\frac{4}{5}$ четв. (впрочемъ, не считая великокняжеской запашки, съ которой выходитъ 78 и $37\frac{3}{5}$ четверти на соху ³⁾); но уже въ то время встрѣчаются сохи несомнѣнно бѣльшаго размѣра, напр. въ Ростовскомъ у. 1501 г. въ одной и той же волости на соху

1) Доп. къ А. И. I, № 78.

2) Сборн. Мейера, 113.

3) Рум. муз. Бѣл. № 1620, л. 208 слѣд.

приходится по 28 и по 45 дворовъ ¹⁾); въ Звенигородскомъ у. въ 1492 г. по 13¹/₂ и по 45 дворовъ ²⁾);—однимъ словомъ, тѣ же болѣе крупныя и весьма непостоянныя размѣры, какіе мы видѣли въ приведенныхъ выше примѣрахъ. Когда и при какихъ условіяхъ совершилось это увеличеніе размѣровъ древней сохи, для насъ самихъ пока составляетъ загадку; несомнѣннымъ кажется намъ только одно, что и увеличившись въ размѣрѣ, соха продолжала измѣряться количествомъ рабочей силы.

За немногими исключеніями, рассмотрѣнный типъ сотныхъ выписей перестаетъ встрѣчаться съ середины столѣтія и съ того же времени появляется другой типъ. Переходя къ его рассмотрѣнію, мы сразу чувствуемъ себя на болѣе твердой почвѣ. Какъ сказано выше, особенности этого типа заключаются, во-первыхъ, въ томъ, что въ немъ начинаетъ различаться *качество* земли (доброй, средней и худой), во-вторыхъ, въ томъ, что каждаго качества земли кладется на соху точно опредѣленное количество, и соха получаетъ постоянный размѣръ. Общій принципъ, проводимый при этомъ, заключается въ томъ, что недостатокъ въ качествѣ земли вознаграждается или прибавкой ея количества или приравненіемъ ея меньшему количеству земли высшаго сорта; техническій терминъ для перваго способа есть «наддача», для втораго «одобриваніе»; впрочемъ, какъ видно уже изъ указанной сущности обоихъ способовъ, различіе между ними только относительное: наддачу можно всегда выразить въ терминахъ одобриванія, а одобриваніе въ терминахъ наддачи. Иллюстрируемъ эту связь древнѣйшимъ намъ извѣстнымъ случаемъ одобриванія и наддачи. Дѣло идетъ объ обмѣнѣ въ 1552 году черной земли на монастырскую, экспропрированную у монастыря подъ слободу ³⁾): естественно, что для сохраненія равенства въ обмѣнѣ необходимо было здѣсь привести земли разнаго качества, такъ сказать, къ одному знаменателю, выразить ихъ въ терминахъ земли лучшаго качества. Всего отведено монастырю «добрыя земли 80 четв., среднія земли 86 четв., да худыя земли 46 четв. да перелогу 40 четв.». Для сведенія втораго сорта къ первому «учинено въ средней землѣ доброю землею 69 четвертей, а наддано на среднюю землю 17 четв.», т. е. 86 четв. средней земли приравнены 69 четв. доброй,—слѣдовательно, одобрены,—а

---

¹⁾ Ibid. л. 9—15.

²⁾ Ibid. л. 25 слѣд.

³⁾ Арх. М. Ю. Переясл. у. № 8886.

остальные 17 четв. сочтены «наддачей», или каждая четверть средней приравнена $\frac{4}{5}$ четв. доброй (слѣд. 1 четв. доброй земли = $1\frac{1}{4}$ средней). Далѣе, «въ худой землѣ учинено доброю землею $30\frac{1}{2}$ четв., а наддано на худую землю $15\frac{1}{2}$ четв.», т. е. изъ 46 четвертей худой земли сочтено въ качествѣ доброй $30\frac{1}{2}$ четв. (по пропорціи: 1 четв. доброй = $1\frac{1}{2}$ четв. худой). «А въ переложной землѣ учинено доброй земли 20 четв., а наддано 20 же четвертей», т. е. принята въ счетъ доброй земли половина дѣйствительнаго количества, по пропорціи: 1 четв. доброй = 2 четв. перелога¹⁾. Получившіяся фиктивные цыфры «доброй земли» (безъ наддачъ) затѣмъ сложены: «и всего дано добрые земли и въ средней и въ худой землѣ и въ перелогу учинено за добрую землю $199\frac{1}{2}$ четв.», т. е. фиктивный же итогъ вмѣсто дѣйствительнаго 252 четв. Наддача и одобриваніе, какъ видимъ, неразрывно связаны въ этомъ случаѣ; такая же связь существуетъ обыкновенно при отводѣ служилыхъ надѣловъ по извѣстному окладу, опредѣленному въ единицахъ доброй земли: напр. служилый человекъ Н. Н., окладъ его 350 четей; владѣеть онъ $204\frac{1}{2}$ четв. средней земли; изъ этого числа сочтено доброй землей $163\frac{1}{2}$ четв.; не дошло въ его окладъ $350 - 163\frac{1}{2} = 186\frac{1}{2}$ четв.²⁾.

Опредѣленіе размѣровъ сохъ разнаго качества стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ изображенной операціей одобриванія; по нашему мнѣнію, это не болѣе, какъ частное приложеніе того же общаго принципа къ сферѣ податнаго обложенія. Исходной точкой этого опредѣленія служитъ фиксированіе размѣровъ дворцовой и помѣстной сохи въ 800 четв. Весьма возможно, что эта цыфра была первой установившейся нормой сохи въ ея новомъ значеніи, и что въ этой нормировкѣ главная роль принадлежала именно дворцовому хозяйству: мы знаемъ, что въ дворцовомъ хозяйствѣ уже въ первой половинѣ вѣка *выть* является вполне опредѣленнымъ земельнымъ участкомъ: въ одной сотной выписи древняго типа мы встрѣтили (въ 1544 г.) и соху, соотвѣтствующую именно 800 четв. пашни³⁾. Любопытно отмѣтить, что какъ *выть* въ 6 десятинъ, такъ и эта соха въ 800 четв. являются безъ различенія качества пашни въ первую половину вѣка; а со второй половины, когда такое раз-

1) Тотъ же расчетъ см. Арх. Ю. Влад. у. № 1839, грам. 1572 г.

2) Желаемое количество отдѣльныхъ случаевъ см. въ Писц. кн. Калач. I, 1, Колом. у. 2, Вязем. у. 567—831.

3) Арх. Юст. Волоколамск. у. № 2432.

личеніе появляется, обѣ единицы становятся нормами для высшаго качества ея.

Принявъ за основу разсчета соху въ 800 четв. доброй земли, мы, по извѣстному уже намъ принципу одобриванія (1 четв. доброй земли = $1\frac{1}{4}$ четв. средней = $1\frac{1}{2}$ худой), получимъ для средней земли соху въ 1000 четв., для худой въ 1200 четв. Вѣроятно, уже чисто финансовыя соображенія — желаніе обложить монастырскія земли тяжелѣе, сохраняя номинально одинъ и тотъ же окладъ подати на соху — заставили для этой категоріи земель принять за исходный пунктъ иную норму — соху въ 600 четвертей доброй земли. По тому же разсчету одобриванія слѣдовало бы принять въ такомъ случаѣ соху средней земли въ 750 четв., а соху худой въ 900 четв. Такой размѣръ и встрѣчается ¹⁾, но болѣе употребителенъ другой разсчетъ, явившійся, вѣроятно, послѣдовательнымъ развитіемъ тѣхъ же финансовыхъ соображеній: не только вообще обложить тяжелѣе монастырскія сохи, но и уменьшить податную льготу для сохъ низшихъ сортовъ путемъ уменьшенія разницы ихъ размѣровъ съ сохой доброй земли. Такимъ образомъ, приняты были размѣры 700 четв. для сохи средвей земли (вмѣсто 750) и 800 четв. для худой (вмѣсто 900).

Мы показали раньше, что предыдущіе изслѣдователи напрасно искали въ сохѣ первой половины XVI вѣка опредѣленныхъ земельныхъ размѣровъ. Теперь мы видимъ, что они напрасно отчаялись найти эти размѣры для второй половины ²⁾. По сотнымъ выписямъ второй половины XVI в. соха несомнѣнно является земельной площадью, и величина этой площади оказывается столь же устойчивой для сохъ разныхъ категорій и разныхъ качествъ земли, какъ и въ XVII в. Необходимо, впрочемъ, оговориться, что если мы будемъ заключать о величинѣ сохи по той долѣ ея, къ какой приравненъ каждый отдѣльный участокъ, то встрѣтимся опять съ постоянными колебаніями; но на этотъ разъ колебанія зависятъ уже не отъ неопредѣленности земельныхъ размѣровъ сохъ, а отъ несовершенства техническихъ приемовъ сошнаго счета или, точнѣе говоря, отъ по-

¹⁾ Ср. Лаппо-Данилевскій, стр. 521.

²⁾ Кромѣ указанныхъ выше мнѣній Бѣляева, Лаппо-Данилевскаго, ср. еще мнѣніе Н. Н. Чечулина (Библиогр. 1889, № 2, стр. 43): «относительно разсчетовъ Бѣляева считаемъ необходимымъ замѣтить, что, по нашему мнѣнію, невозможно не только точное опредѣленіе, сколько какой земли полагалось на соху, но даже указаніе постоянного отношенія числа четвертей доброй, средней и худой земли на соху, — ибо все это мѣнялось по времени и мѣсту».

стояннаго игнорированія мелкихъ несоотвѣтствій между наличнымъ количествомъ четвертной пашни и тѣмъ выраженіемъ этого количества, которое было возможно при тогдашней ариѳметикѣ сошныхъ дробей (четь, треть; пол-чети, пол-трети; пол-пол-чети, пол-пол-трети; пол-пол-пол-чети, пол-пол-пол-трети — и только; иныхъ дробей сошный счетъ не знаетъ). Колебанія этого рода ничего не имѣютъ общаго съ отмѣченными въ первой половинѣ вѣка; предѣлы ихъ незначительны, и, тяготя къ одной центральной нормѣ, они взаимно уничтожаются. Впрочемъ, и сами писцовыя книги хорошо знаютъ неточность своего сошнаго счета, и когда хотятъ быть точными всегда прибавляютъ при переводѣ четвертей на сохи: «и перешло за сошнымъ письмомъ» столько-то четей; «и не дошло въ сошное письмо» столько-то. Послѣ этой оговорки мы можемъ прямо представить списокъ извѣстныхъ намъ мѣстъ, изъ которыхъ можно было вывести размѣры сохъ разныхъ разрядовъ и разныхъ качествъ.

1. Монастырская соха.

Годъ.	Уѣздъ.	Размѣры въ четвертяхъ земли:			
		добрый.	средней.	худой.	добрее-худой.
1557.	Бѣлозерскій (А. Ю. № 228).....	»	»	»	900?
1559.	Звенигородскій (Калач. I, 688, 725).....	»	700	800	»
1562.	Костромской (Арх. Ю. 5043—4, 5046, 5048, 5049).	600	700	800	»
1562.	Дмитровскій (ib. 3808).....	»	»	800	»
1563.	Переяславля Залѣскаго (ib. 8926—7, 8929—32)	»	700	800	900
1564.	Боровскій (ib. 819).....	»	700	800	перелогъ
1568.	Переяславля Рязанскаго (ib. 9828).....	600	700	800	1200
1569.	Рузскій (ib. 10.326).....	»	700	800	»
1573.	Рязанскій (Пискаревъ, Гр. Ряз. края, 37—42)..	»	»	800	»
1574.	Бѣжецкій верхъ (Арх. Ю. 1301).....	»	»	800	»
1584—98.	Московскій (Калачов. I, 2, 54—95, 85).....	600	700	800	»
1585.	Вологодскій (Арх. Ю. 2619).....	»	700	»	»
1585—86.	Московскій (Калач. I, 2, 263, 265).....	600	700	800	»
1588.	Старицкій (Калач. I, 2, 405, 408—9).....	»	700	»	»
1588.	Дмитровскій (Кал. I, 1, 730—786).....	»	700	800	»
1593—4.	Ярославскій (ib. I, 2, 1—8, 9—23).....	»	700	800	»
1593—4.	Звенигородскій (ib. I, 1, 660—730).....	»	700	800	»
1593—4.	Угличскій (ib. I, 2, 24—35).....	»	700	»	»
1593—4.	Московскій (ib. I, 1, 277—290).....	600	700	800	»
1593—4.	Коломенскій (ib. 608—611).....	»	700	800	»
1593—4.	Рузскій (ib. 655—659).....	»	»	800	»

Размѣры въ четвертяхъ
земли:

Годъ.	Уѣздъ.	добрый.	худой.	средней.	добрее-худой.
1593—4.	Владимірскій (ib. 787—809).....	600	700	800	1200
1593—4.	Старицкій (ib. I, 2, 405—410).....	»	700	»	»
1593—4.	Бѣлозерскій (ib. 420).....	»	»	800	»
1593—4.	Малоярославецкій (Арх. Ю. Боровск. у. 608).....	»	»	800	»
1593—4.	Переяславскій (Кал. I, 1, 810—850)....	»	700	800	»
1593—4.	Юрьева Польскаго (ib. 851—856).....	600	700	»	»
1593—4.	Суздальскій (ib. 857—872).....	600	700	800	»
1593—4.	Муромскій (ib. 873—892).....	»	700	800	»
1593—4.	Костромской (ib. 893—919).....	600	700	800	»
1593—4.	Соли Галицкой (ib. 920—924).....	»	700	800	»
1596—8.	Можайскій и Верейскій (Арх. Ю. Мож. у. 7621).....	»	»	800	»
1598.	Переяславля Рязанск. (ib. 9833—35) ..	600	700	800	»

2. Дворцовая соха.

1544.	Волоколамскій (Арх. Ю. 2432).....	800	»	»	»
1555.	Владимірскій (Акты Ѳед. Чех. I, 233)..	800	»	»	»
1572.	Веневскій (Калач. I, 2, 1541—49).....	800	»	»	»
1580.	Тверской (ib. 291—403, 293).....	»	1000	1200	»
1585.	Бѣлозерскій (черн.? ib. 415).....	»	700	800	»

3. Помѣстная и вотчинная соха.

1571.	Юрьева Польскаго (Арх. Ю. 14.580)...	600—800?	»	»	»
1572.	Полоцкій (Калач. I, 2, 565—66, 519—55, 547).....	»	1000	»	»
1572.	Веневскій (ibid. 1550—1581).....	800	»	»	»
1572.	Епифанскій (ibid. 1582—1595, 1584) ...	800	»	»	»
1574.	Московскій (ibid. I, 1, 11—39).....	800	1000	1200	»
1577—78.	Московскій (ib. 39—53).....	800	1000	»	»
1578.	Коломенскій (ib. 335, 502—3).....	800	1000	1200	»
1578—79.	Каширскій (ib. I, 2, 1299—1537).....	800	1000	»	»
1585—86.	Московскій (ib. I, 1, 96—277).....	800	1000	1200	»
1588—89.	Тулскій (ib. I, 2, 1073—1260).....	800	»	»	»
1588—89.	Дѣдиловскій (ib. 1261—1299).....	800	»	»	»
1594—95.	Вяземскій (ib. 567—831, 570).....	800	1000	1200	»
1594—95.	Орловскій (ib. 853—61, 956—69, 995—1004).....	800	»	»	»

Итакъ, если бы даже мы не имѣли никакого другаго матеріала, кромѣ собранныхъ здѣсь показаній писцовыхъ книгъ и сотныхъ выписей изъ нихъ, то и изъ однихъ этихъ данныхъ мы должны были бы съ несомнѣнностью заключить, что въ началѣ второй половины XVI в. въ исторіи сошнаго письма произошелъ переворотъ, смыслъ котораго заключается въ опредѣленіи сохи, какъ единицы распаханной пашни, и въ установленіи ея размѣровъ обратно пропорціонально качеству земель и степени участія разныхъ сословій въ платежѣ государственныхъ податей. Нѣкоторыя дальнѣйшія разъясненія, касающіяся этого переворота, можетъ дать намъ исторія составленія писцовыхъ книгъ въ XVI столѣтіи.

Мы не знаемъ, съ какой степенью регулярности объѣзжали писцы «данныя» земли великихъ и удѣльныхъ князей XV в. Что касается *общихъ переписей*, уже Неволинъ замѣтилъ, что по крайней мѣрѣ одна такая перепись была предположена завѣщаніемъ Василія Темнаго, но еще и въ 1481 г. не была выполнена ¹⁾. Въ ближайшіе слѣдующіе годы сильный толчекъ къ составленію писцовыхъ книгъ даетъ быстрый ходъ собиранія Руси Иваномъ III; немедленно по присоединеніи посылаются писцы на Бѣлоозеро, въ Тверь и ея удѣлы — Старицу, Зубцовъ, Клинь, Холмъ, Кашинъ, — въ Звенигородъ, въ Бѣжецкій верхъ: «новое» великокняжеское письмо упраздняетъ вездѣ писцовыя книги удѣльныхъ князей; можно догадываться, что оно именно и вводитъ повсюду большую московскую соху. Въ послѣдующее время описанія подновляются непрерывно, но никакихъ явленій общаго характера мы не замѣчаемъ въ исторіи писцоваго дѣла вплоть до смерти Василія III или даже до смерти Елены. Съ началомъ боярскаго правленія начинается, повидимому, общая перепись: въ разные уѣзды Московскаго государства являются «большіе писцы» и пишутъ «большое письмо». Самое это названіе «большихъ писцовъ» носятъ въ документахъ: Ром. Игн. Образцовъ, писавшій Владимірскій уѣздъ съ 1539 по 1544, Ѳ. Ѳ. Хидырщиковъ, писавшій въ 1541—1544 г. Бѣлоозеро, Рычко Ив. Плещеевъ и кн. Дм. Дашковъ, писавшіе въ тѣ же годы Бѣжецкій верхъ и Кашинъ; но несомнѣнно такими же

---

¹⁾ Сочиненія VI, стр. 451, 454. Къ этой предполагавшейся описи относится, вѣроятно, указаніе въ грамотѣ 1473 г., напечатанной у В. И. Холмогорова, Историч. матеріалы о церквахъ и селахъ XVI—XVIII ст. Вып. II, 55: «до описи, доколѣ мой писецъ поѣдетъ». Для дальнѣйшихъ наблюденій см. списокъ писцовыхъ книгъ XVI в., напечатанный въ прилож. I къ настоящей рецензії.

«большими писцами» слѣдуетъ считать и всѣхъ другихъ писцовъ носившихъ въ эти годы названія по мѣстности, которую описывали: Тверскаго и Клинскаго (И. П. Заболоцкаго), Романовскаго и Попехонскаго (Андр. С. Караулова), Вологодскаго (Тим. Андр. Карамышева), Костромскаго (Поярка Ильича Квашнина), а также и тѣхъ, книги которыхъ носятъ въ тѣ же годы названіе «новыхъ книгъ» (или «книгъ новаго письма»): Костромскихъ, Верейскихъ, Вышегородскихъ.

Къ 1547 г., началу правленія Ивана IV, дѣятельность этихъ «большихъ писцовъ», повидимому, уже заканчивается; вѣроятно, не вполне случайно то обстоятельство, что послѣ ряда этихъ новыхъ описаній мы за трехлѣтіе 1548—1550 г. не узнаемъ ни объ одной новой писцовой книгѣ. На ближайшіе слѣдующіе затѣмъ годы мы обращаемъ особенное вниманіе. Съ начала 50-хъ годовъ въ грамотахъ (преимущественно ввозныхъ и послушныхъ) начинаютъ встрѣчаться постоянныя ссылки на новыхъ «большихъ писцовъ и *мѣрщиковъ*», ожидаемыхъ по этимъ ссылкамъ въ непродолжительномъ времени то въ той, то въ другой мѣстности: такъ, въ Переяславскомъ уѣздѣ въ 1552 г. велѣно ждать, «доколѣ въ тѣхъ деревняхъ пашню велю измѣрити большимъ мѣрщикомъ» ¹⁾, и то же упоминаніе повторяется въ 1554 г. Въ 1562 г. двѣ послушныя грамоты опять ссылаются на «писцовъ нашихъ и (или) большихъ мѣрщиковъ», которые «опишутъ и измѣряютъ земли Суздальскаго уѣзда ²⁾, то же повторяется въ 1567 г. относительно Бѣлозерскаго уѣзда ³⁾, въ 1568 г. относительно Московскаго ⁴⁾ и еще въ 1586 г. относительно Вологодскаго у. ⁵⁾. И такъ, въ недавно описанныхъ «большими писцами» 1538—1547 годовъ областяхъ — ожидаются въ 1552—1586 гг. новые «писцы и большіе мѣрщики». Возвращаясь къ нашему списку писцовыхъ XVI в., мы теперь поймемъ, что значить появленіе въ немъ съ 1555—6 гг. послѣ книгъ «новаго письма» — новой категоріи книгъ «письма и мѣры». Мы имѣемъ, очевидно, дѣло съ новой генеральной переписью, предпринятой на такомъ короткомъ промежуткѣ времени послѣ предъидущей — вслѣдствіе существеннаго измѣненія въ самыхъ приѣмахъ переписи.

---

¹⁾ Арх. Юст. 8886.

²⁾ Арх. Ю. 11. 819 и 11. 821: послѣдняя грамота напечатана въ А. И. I, № 167.

³⁾ Арх. Ю. 818.

⁴⁾ Ibid. 7164.

⁵⁾ Ibid. 2622.

Новое содержаніе второй генеральной переписи XVI в. намъ уже извѣстно: она, дѣйствительно, вводитъ кромѣ сошнаго «письма» и сошную «мѣру» — измѣреніе сохи опредѣленнымъ количествомъ четвертей: она создаетъ нашъ второй типъ писцовыхъ.

Приведенныя даты не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что наблюденная нами реформа сошнаго письма восходитъ къ 1551 году и что она должна быть поставлена въ связь съ проектомъ генеральной переписи, предложеннымъ на Стоглавомъ соборѣ. Не упоминаемый Стоглавомъ, проектъ этотъ сохранился для насъ въ списокѣ царскихъ вопросовъ, напечатанномъ И. Ждановымъ¹⁾; проектировалось именно: «писцовъ послати во всю землю писати и смѣтити мои, царя великаго князя, и митрополичи и владычни и монастырскыя и церковныя земли, и княжескія, и боярскыя и вотчинныя и помѣстныя и черныя и оброчныя и починки и пустоши и селища и земецкія земли всякіе, чѣмъ ни буди, а мѣрити пашенная земля и не пашенная, и луги, и лѣсъ, и всякія угодыя смѣчати и писати—рѣки и озера и пруды и оброчныя ловли и колы и сѣжи и борти и перевѣсы и мыта и мосты и перевозки и рядки и торговища и погостыцкая земля и церковная и дворы и огороды и въ книгахъ то все поставити».

Исполненіе этого проекта началось, какъ мы видѣли, со второй половины 50-хъ годовъ и тянулось не менѣе тридцати лѣтъ. Связавъ теперь проектъ съ исполненіемъ, мы должны разыскать еще одно промежуточное звено между обоими; мы еще не знаемъ того правительственнаго распоряженія, которымъ проектъ былъ приведенъ въ исполненіе и тѣхъ новыхъ правилъ сошнаго письма, которыя, какъ мы видѣли, практиковались при составленіи книгъ «письма и мѣры». Намъ предстоитъ теперь поискать, не осталось-ли какихъ-либо слѣдовъ этого распоряженія и этой регламентаціи новаго типа сошнаго письма.

b. *Руководство къ сошному обложенію («книга сошнаго письма»).*

Такъ называемыя «книги сошнаго письма», кажется, впервые сдѣлались предметомъ ученаго изслѣдованія въ трудѣ А. С. Лаппо-Данилевскаго. Авторъ собралъ значительное количество указаній на рукописи сошныхъ книгъ и изложилъ обычное ихъ содержаніе (196—198); въ приложеніи VII онъ подробно остановился на

---

¹⁾ Ж. М. Н. Пр. 1876, іюль. Матеріалы для исторіи Стоглаваго собора, стр. 64.

нѣкоторыхъ особенностяхъ, представляемыхъ книгой сошнаго письма Бѣляевскаго собранія ¹⁾. Но онъ вовсе не коснулся вопроса о происхожденіи сошныхъ книгъ, если не считать отрывочныхъ данныхъ, собранныхъ въ примѣчаніи 2 на стр. 196; и исторія этого документа осталась у него неизслѣдованной; предложенная имъ въ примѣчаніи 3-мъ классификація текстовъ сошной книги на оффиціальныя и частныя, несомнѣнно, основана на черезчуръ внѣшнихъ признакахъ. Между тѣмъ внимательное изученіе текстовъ сошнаго руководства можетъ, какъ намъ кажется, дать немаловажныя указанія для исторіи самого сошнаго обложенія.

Книга сошнаго письма имѣетъ довольно длинную исторію, такъ какъ она употреблялась въ писцовой практикѣ еще въ началѣ XVIII ст. Извѣстные намъ списки ея и относятся большей частью къ тѣмъ годамъ, когда она становилась особенно нужна: именно, когда производились генеральныя переписи 1620-хъ годовъ, 1646—48 гг., 1684, 1709. Приспосабливаясь къ писцовой практикѣ, сошная книга сама не разъ передѣлывалась въ теченіе этого времени; общее направленіе этихъ передѣлокъ состоитъ въ томъ, что изложеніе основныхъ принциповъ сошнаго счета, становившихся съ теченіемъ времени общеизвѣстными, отодвигалось на второй планъ, а первое мѣсто все болѣе и болѣе занимали разныя практическія приспособленія, облегчавшія писцамъ примѣненіе этихъ принциповъ въ частныхъ случаяхъ: для такого облегченія всѣ ариѳметическія выкладки, которыя могли понадобиться писцамъ, все съ большей подробностью производились самой книгой, сводились въ таблицы, сопровождалась, наконецъ, графическими изображеніями. Эта прикладная часть сошнаго руководства особенно отодвигаетъ принципиальную со времени Уложенія. Естественно, что списки этого типа имѣютъ сравнительно менѣе значенія при рѣшеніи вопроса о происхожденіи и о древнѣйшемъ составѣ сошнаго руководства ²⁾

---

¹⁾ № 1573, въ Рум. муз.

²⁾ Сюда относится «Роспись полевой мѣрѣ» 1709, напечатанная во Врем. О. И. и Др. Р. (XVII, 66—90) по рукописи Ундольскаго № 834 въ Рум. муз. Другіе списки того же текста см. въ рк. Публ. Библ. F. II, № 44. (XVIII в.); въ рук. Публ. Библ. Q, XVII, 87, списокъ 1680 — 1683 гг. (такъ какъ означенное на л. 64 вѣдомство Стрѣлецкаго приказа можетъ относиться только къ этимъ годамъ), л. 24 об. — 29 и опять сначала л. 30—59. Та же передѣлка въ значительномъ сокращеніи прилагалась къ писцовому наказу 1684 г. (см. Унд. № 1095 въ Рум. муз.); въ этой же связи съ писцовымъ наказомъ 1684 г. стоитъ землемѣрная книга Рум. муз. № 2631 (Готье, № 28) сходной редакціи.

Списковъ ранѣе XVII в. мы, однако же, вовсе не имѣемъ. Бѣляевъ, правда, ссылаясь на книгу сошнаго письма *первой половины XVI в.*¹⁾; но не нужно имѣть особенной опытности въ палеографіи, чтобъ отнести цитированный имъ списокъ²⁾ къ XVII ст. (какъ и сдѣлалъ Ундольскій въ ркп. каталогѣ рукописей библіотеки Архива). «Показаніе Татищева, что онъ имѣлъ въ рукахъ своихъ наказъ Іоанна Вас. 20 сент. 1555 г. съ приложеннымъ руководствомъ для землемѣровъ», было бы очень важно, если бы Татищевъ дѣйствительно далъ такое показаніе, какъ утверждаютъ Ивановъ³⁾ и издатели «Счетной мудрости» въ Общ. Люб. Др. Письм. (стр. 8); но, къ сожалѣнію, Татищевъ высказалъ только ученую конъектуру о принадлежности этому времени нашего документа. Итакъ, мы не имѣемъ прямыхъ свидѣтельствъ о существованіи книги сошнаго письма въ XVI в. и должны искать косвенныхъ. Все, что мы можемъ заключать объ исторіи этого документа въ XVI ст., должно основываться на анализѣ содержанія списковъ XVII вѣка.

Приступая къ такому анализу, мы пользуемся для него слѣдующими списками: 1) Напечатанной во Временникѣ, XVII, 33—65, «книгой сошнаго письма 7137 года» — самый ранній въ данномъ случаѣ датированный списокъ⁴⁾; 2) двумя текстами въ изданіи «Счетной мудрости» Общ. Люб. Др. Письм., л. а, стр. 210—221 и 108—120; 3) рукописью Арх. Мин. Ин. Д. № $\frac{540}{1043}$; хотя она и не относится къ XVI в., какъ полагалъ Бѣляевъ, но тѣмъ не менѣе даетъ очень интересный текстъ, или точнѣе говоря, рядъ текстовъ книги сошнаго письма. Рукопись дѣлится на двѣ половины; вторая сходна съ спискомъ при Уложеніи и съ спискомъ 1709, напечат. во Временникѣ XVII. Первая половина содержитъ книгу сошнаго письма, раздѣленную на 40 главъ, съ особымъ предисловіемъ, оглавленіемъ и введе-

---

Книгу сошнаго письма, приложенную къ Уложенію, см. въ Изв. Имп. Археол. Общ., т. V; Роспись полевой мѣрѣ XVII в. сообщ. П. С. Вороновымъ, стр. 58—63.

¹⁾ Временникъ XI, 53.

²⁾ Арх. Мин. Ин. Д. № $\frac{540}{1043}$.

³⁾ Ивановъ, Оп. ист. межеванія, 19.

⁴⁾ Точная копія середины нынѣшняго вѣка въ Публ. Библ. Q, II, № 61; см. также рукопись XVIII в., можетъ быть послужившую оригиналомъ предѣдущаго списка и печатнаго текста, *ibid.* Q, XVII, № 135, л. 91—126.

ніемъ ¹⁾). Текстъ сильно испорченъ при перепискѣ; конецъ переписанъ съ перепутанныхъ листовъ; начала главъ перепутаны и отнесены часто не къ надлежащему мѣсту. Составитель механически слилъ въ одно цѣлое *два разныхъ* книги сошнаго письма съ параллельнымъ содержаніемъ. Первая занимаетъ главы 1—13-ю; вторая 14—40-ю; она и начинается особымъ заглавіемъ ²⁾). Рукопись Публ. Библ. Q, XVII, 66 (библ. гр. Ф. А. Толстаго II, 168) содержитъ на лл. 171—190 об. этотъ же текстъ сорокоглавнаго руководства, притомъ въ болѣе исправномъ видѣ, и безъ раздѣленія на главы. Болѣе подробное описаніе этой важной рукописи см. ниже. 4) Рум. муз. рукоп. Ундольскаго, № 833, на лл. 1—10, 31 об.—33, представляетъ *отдѣльно вторую* сошную книгу сорокоглавнаго руководства Арх. М. Ин. Д.; на л. 11—31 идетъ длинная вставка о исчисленіи дробныхъ (т. е. квадратныхъ) сажень по количеству длинниковъ и поперечниковъ; съ л. 33 об. начинается новая «книга сошному письму и вытной четвертной и золотой клади землемѣрнымъ десятинамъ».

Начинаемъ разборъ содержанія сошной книги съ отдѣла, который идетъ первымъ въ ркп. Арх. Мин. Ин. Д. и въ изд. Врем. XVII. Передъ этимъ отдѣломъ непосредственно стоитъ заглавіе, въ обоихъ спискахъ почти буквально сходное, только первыя слова заглавія сохранены въ рк. А. И. Д., кажется, въ болѣе первоначальномъ видѣ. Вотъ это заглавіе ³⁾:

---

¹⁾ Л. 1. «Предисловіе книга сеа». Нач.: «о добродѣтели искателіе, чимъ васъ восхваляю и вашу желательную ревность како словесы и доброхваленію вознесуся».

На обор. л. 1: «сказаніе, сіи рѣчь изъявленіе краткими писмены о вещехъ, яже обрѣтаются въ книзѣ сей».

Л. 3 об. Нач.: «сія книга въ чотыредесятихъ главахъ составися отъ премудрости разумныхъ и въ школахъ ученыхъ въ Россійскомъ народѣ въ породной натурѣ съ породнаго разуму счывующаго (sic) высокаго во главе трезвого изъ чистоты ума».

²⁾ «Смѣта мудрымъ людемъ о землемѣрїи, наука писцомъ и мѣрщикомъ и указъ сошному письму и вытному добрые и середніе и худые земли помѣстнымъ и вотчиннымъ землямъ и дворцовымъ и чернымъ волостямъ и владычнымъ и монастырскимъ землямъ и всякому щету къ сошному письму и какъ гдѣ лучится быти писцу — писати посадскихъ людей, и по сколько челоуѣкъ въ соху положить добрыхъ и середнихъ и молодшихъ людей и того объявляетъ каяждо глава и учинено о томъ въ сей книзе». Текстъ провѣренъ съ рк. Публ. Библ. Толст.

³⁾ Въ Публ. Толстовск. рк. этого заглавія нѣтъ.

«Книга сошному письму десятинной и четвертной пашни [и землемѣріе государевыхъ дворцовыхъ селъ и черныхъ волостей и] помѣстныхъ и вотчинныхъ и монастырскихъ добрыхъ и середнихъ и худыхъ земель, болшого числа и до мелкихъ дробей.

И сводъ сошному [и вытному] письму и полевой четверти и хлѣбной клади окладъ, росписано противъ денежнаго числа въ мелкіе дробы.

И верстѣ мѣрной тысячи сажень смѣта длинникомъ и поперешиникомъ росписано въ десятинную и четвертную пашню порознь по статьямъ».

Заглавіе это для насъ особенно важно потому, что текстъ 1629 г., напечатанный во Врем., ему уже не соотвѣтствуетъ: слѣдовательно, оно должно относиться къ составу книги сошнаго письма *до* передѣлки ея для переписи этихъ годовъ. Замѣтимъ далѣе, что за то содержанію *первой* части сорокоглавнаго руководства рк. Арх. И. Д. это заглавіе соотвѣтствуетъ вполнѣ. Одно это сопоставленіе заглавія съ содержаніемъ обоихъ списковъ уже отодвигаетъ, слѣдовательно, текстъ первыхъ 13-ти главъ рк. А. И. Д. во время предшествующее Михаилу Ѳедоровичу и, слѣдовательно, предшествующее смутѣ.

Въ составѣ оглаваемой части само это заглавіе выдѣляетъ три отдѣла: 1) Роспись сошному письму. 2) Сложеніе частей сохи и четверти. 3) Составъ квадратной версты въ десятинахъ и четвертяхъ. «Землемѣріе государевыхъ дворцовыхъ селъ» мы пока оставляемъ въ сторонѣ.

Сравнивая «*роспись сошному письму*» по спискамъ Врем., Арх. И. Д. и двумъ текстамъ Об. Л. Др. П., мы сразу замѣчаемъ, что это — основная часть памятника: это и есть та самая регламентація размѣра сохъ разныхъ сословій и качествъ земли, которая, какъ мы видѣли, должна была быть введена въ 1551 г. Въ первомъ текстѣ О. Л. Др. П. мы находимъ для этого отдѣла и заглавіе, напоминающее о моментѣ появленія нашей регламентаціи: «царево уложеніе помѣстнымъ землямъ»¹⁾. Припомнимъ, что Иванъ IV является въ терминологіи памятниковъ «царемъ» по преимуществу нашей исторіи. Замѣтимъ далѣе, что распоряженія собора о переписи стоятъ въ тѣснѣйшей связи съ устройствомъ именно *помѣстнаго* владѣнія²⁾. Нелишнимъ наконецъ будетъ отмѣтить, что, браня впо-

1) Въ важномъ текстѣ Публ. Толстовск. рк. также отмѣченъ въ заглавіи характеръ земель: «роспись сошному письму *помѣстныхъ* земель».

2) Ниже мы вернемся еще къ этой связи.

слѣдствіи Сильвестра и Адашева и намекая именно на ихъ мѣры (этого самаго времени) въ пользу служилаго землевладѣнія, самъ Иванъ выразился въ отвѣтѣ Курбскому¹⁾, что они «дѣда нашего *уложеніе* разрушили». Такимъ образомъ, по самой терминологіи это заглавіе слѣдуетъ, кажется, считать древнѣйшимъ. Самое содержаніе «царева уложенія» очень несложно и всего кратче выражено именно въ первомъ спискѣ О. Л. Др. П.:

«Добрые земли соха 800 четей сѣвныхъ, полсохи 400 чети» и т. д. до пол-пол-пол-чети (=25 четв.), треть сохи $266\frac{2}{3}$ и т. д. до пол-пол-пол-трети (= $33\frac{1}{3}$ чети).

«Средніе земли помѣстные соха 1000 чети, полсохи 500 чети» и т. д. до той же доли, треть $333\frac{1}{3}$ чети и т. д. до той же доли.

«Помѣстные худые земли, соха 1200 чети, полсохи пойдетъ по тому жъ числу разсчитывай».

«Монастырскихъ земель добрыхъ кладется въ соху 600 чети, середніе земли 700 чети, худые 800 чети [слѣдуетъ вставка, см. ниже], «а плохой земли положено въ соху 1200 четей, и ты по тому ж числу разсчитай полсохи и трети и чети».

«А будетъ земля добре худа и безъгодна — учинено и положено въ соху — 1300 четей».

Какъ видимъ, «уложеніе», приведя разсчетъ долей сохи доброй и средней помѣстной земли, предоставляетъ сдѣлать этотъ разсчетъ самому писцу относительно худой помѣстной и всѣхъ сортовъ монастырской. И въ этомъ отношеніи мы склонны считать первый текстъ О. Л. Др. И. первоначальнымъ: второй текстъ О. Л. Др. П., ркп. А. И. Д. и Публ. Толстовск. уже развиваютъ эти части текста, вставляя полные разсчеты долей, какъ для худой помѣстной, такъ и для монастырской всѣхъ качествъ. Текстъ Врем. занимаетъ промежуточное мѣсто: онъ вставляетъ разсчетъ долей для худой помѣстной и для перваго сорта монастырской, но относительно остальныхъ двухъ сортовъ послѣдней ограничивается общимъ указаніемъ: «тѣхъ же монастырскихъ вотчинъ по мѣрѣ положить въ соху средніе земли 700 четв. и худые земли 800 четв.» (стр. 35).

Для полноты регламентаціи недостаетъ въ приведенномъ выше текстѣ «царева уложенія» — упоминанія о сохахъ дворцовыхъ и черныхъ волостей. Предполагая, что это уложеніе предназначалось

---

¹⁾ Устрял. 164. Ср. Доп. стат. къ Судебнику А. И. I, стр. 260, 276. Максимовичъ, Указ. зак. I, 71—72; Судебн. Татищ. № 105.

первоначально для *владѣльческихъ* земель и считая очень вѣроятнымъ, что размѣры дворцовой сохи именно и послужили первообразомъ помѣстной, мы и въ этомъ умолчаніи найдемъ опять новый признакъ большей древности перваго текста О. Л. Др. П. Второй текстъ и ркп. А. И. Д. и Публ. Толстовск. пополняютъ этотъ пробѣлъ немедленно послѣ расчета долей монастырскихъ сохъ: (передъ ломаными скобками вышеприведенной цитаты) «а государевыхъ дворцовыхъ и черныхъ волостей сохи добрые и середніе и худые земли — *тожь что и помѣстныхъ земель*». Вслѣдъ за этой дополнительной фразой въ тѣхъ же, какъ предполагаемъ, болѣе позднихъ текстахъ слѣдуетъ: «а въ которыхъ государевыхъ дворцовыхъ селехъ и въ черныхъ волостяхъ земли добре худы и безъугодны, и тѣ земли класть — соха 1300 чети полсохи 650» и т. д. О дворцовыхъ и черныхъ волостяхъ древнѣйшій текстъ могъ вовсе не упоминать и на этотъ разъ, но о размѣрѣ сохи этого послѣдняго качества — *добре худой* земли онъ долженъ былъ упомянуть. И дѣйствительно, послѣ длиннаго перерыва ¹⁾ и послѣ фразы о размѣрахъ сохи плохой земли, находимъ въ предполагаемомъ древнѣйшемъ текстѣ эту нужную намъ фразу: «а будетъ земля добрѣ худа и безъугодна — учинено и положено въ соху 1300 четей». Къ этому перерыву въ древнѣйшемъ текстѣ «царева уложенія» мы сейчасъ вернемся; теперь же замѣтимъ, что съ этой добавкой мы имѣемъ въ «уложеніи» полную реставрацію того распоряженія, существенное содержаніе котораго намъ извѣстно изъ писцовыхъ книгъ второй половины XVI в. Вѣроятно, соборное уложеніе само не занялось вычисленіемъ долей установленныхъ имъ разноразрядныхъ и разнокачественныхъ сохъ; въ такомъ случаѣ это вычисленіе было сдѣлано послѣ — сперва для помѣстныхъ, потомъ и для монастырскихъ сохъ, и, такимъ образомъ, текстъ соборнаго приговора легъ въ основу руководства для писцовъ и составилъ первую и главную часть этого руководства. Но мы предполагали, что регламентация 1551 г., вводя разные размѣры сохъ, этимъ самымъ приняла и опредѣленныя пропорціи «одобриванія» земель. Нельзя навѣрное утверждать, что эти пропорціи были особо оговорены въ текстѣ соборнаго приговора; въ первый текстъ О. Л. Др. П. онѣ попали только въ видѣ обрывка въ концѣ отмѣченной вставки; ни въ

---

¹⁾ Отъ словъ: «помѣстныя земли добрыя на выть положено» стр. 215, 2-й столб. до словъ: «а плохой земли... рассчитай полсохи и трети и чети», стр. 221.

заглавіи реставрируемаго сошнаго руководства, ни въ соотвѣтствующихъ ему 13 статьяхъ сорокоглавнаго руководства Арх. И. Д. ихъ тоже нѣтъ.

Переходимъ ко *второй* части разсматриваемаго сошнаго руководства. Она состояла изъ «свода сошному письму» (мы умышленно опускаемъ «вытное»), или полнѣе, изъ «росписи сошному письму, какъ которая кость съ которой сводится», а также изъ «росписи четвертной пашнѣ и мелкому своду». Обѣ эти статьи въ наиболѣе чистомъ видѣ сохранились во 2-мъ текстѣ О. Л. Др. П. и въ ркп. А. И. Д. Изъ этихъ текстовъ видно, что подъ первымъ заглавіемъ помѣщена была таблица сложенія долей сохи, а подъ вторымъ 1) перечень долей четверти, 2) вычисленіе количества четвертной пашни, заключающагося въ доляхъ десятины, 3) таблица сложенія мелкихъ долей четверти. Въ рук. А. И. Д. 1) вторая статья сопровождается двумя прибавленіями: одно изъ нихъ состоитъ въ оговоркѣ, что на практикѣ таблица мелкихъ долей четверти не имѣетъ значенія, а помѣщена только для упражненія «навыкателю» и «ради свѣдома»; на дѣлѣ же мелкія дроби выражаются приблизительно, — цѣлыми числами. Затѣмъ, какъ болѣе простой и практичный способъ сложенія дробей, предлагается такъ называемый «денежный счетъ»: смыслъ его заключается въ томъ, что подлежащая дробленію единица приравнивается извѣстной цыфрѣ денегъ, удобной для дѣленія на тѣ-же доли, т. е. состоящей изъ производителей 2. 2. 2. 2. 2. 3; затѣмъ любая изъ употребительныхъ долей этой единицы ($\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{8}$, $\frac{1}{16}$, $\frac{1}{32}$; $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{6}$, $\frac{1}{12}$, $\frac{1}{24}$) выражается въ цѣломъ числѣ денегъ такимъ образомъ, сложеніе дробей замѣняется сложеніемъ цѣлыхъ чиселъ. «Соха или выть, или полевая четверть, или хлѣбная (т. е. вообще любая единица) — окладъ тому 32 алтына; пол-сохи, или пол-выти, или полевая осмина, или осмина-жъ хлѣбная — 16 алтынъ»; по тому же разсчету $\frac{1}{3} = 10$ алт. 4 д.; $\frac{1}{4} = 8$ алт. и т. д.

Третья часть сошнаго руководства есть вычисленіе, сколько верста въ 1000 сажень содержитъ въ себѣ десятинь (считая въ десятинь 80×30 сажень) и четвертей, и сколько изъ этого количества придется на одно поле при трехпольной системѣ. Эта часть важна для насъ въ томъ отношеніи, что связываетъ разсматриваемое сошное руководство съ однимъ документомъ, который, какъ скоро увидимъ, вскрываетъ самыя побужденія, вызвавшія реформу 1555 года. Прежде чѣмъ остановиться на этомъ документѣ, про-

1) Также и въ Публ. Толстовск.

слѣдимъ дальнѣйшую исторію нашего сошнаго руководства, съ первой редакціей котораго мы только что познакомились.

Отнеся по заглавію это руководство къ XVI в., мы нашли въ основной, первой его части «царево уложеніе» 1551 г. Вторая и третья части, содержа лишь пособіе для писцовой практики, могли, конечно, появиться и позже; но что всѣ три части все же довольно рано соединились въ одно цѣлое, въ пользу этого предположенія говоритъ то обстоятельство, что сошнымъ текстамъ въ предѣлахъ того же XVI в. предстояло еще пройти довольно длинную исторію.

Прежде всего, разсмотрѣнное руководство представляло весьма существенные пробѣлы. Одинъ изъ нихъ мы указали уже: отсутствіе въ немъ правилъ для одобриванія. Другой пробѣлъ состоялъ въ томъ, что въ него не входило и вычисленіе *вытей* и ихъ отношеній къ сохѣ. Соотвѣтственныя прибавки къ основной статьѣ, къ «цареву уложенію», создаютъ новыя варіаціи сошной книги.

Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ текстовъ расчетъ одобриванія былъ прямо прибавленъ къ древнѣйшему тексту «уложенія». Такъ, во 2-мъ текстѣ О. Л. Др. П. онъ слѣдуетъ непосредственно за опредѣленіемъ размѣровъ добре худой сохи ¹⁾. Говорится при этомъ только объ одобриваніи *средней* земли; «а учинить та земля доброю землею въ 800 четьи: наддавай на 100 четьи по 25 (ошиб. 75) четьи, станетъ та же добрая земля». Въ первый текстъ О. Л. Др. П. эта короткая замѣтка попала уже въ нѣсколько распространенномъ видѣ: именно, съ прибавкой расчета, сколько слѣдуетъ наддавать на 50, 10 и 5 четей (стр. 221, столб. 1); притомъ, она оказывается здѣсь не на мѣстѣ и разрываетъ текстъ «царева уложенія». Наконецъ, въ передѣлкѣ 1629 года расчетъ еще болѣе подробенъ (на 100, 50, 25, 12, 6 и 3 четв.); кромѣ него прибавленъ такой же расчетъ наддачи на *худую* землю (на 100, 50, 25, 10, 8, 5, 2, 1, $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$) и оба расчета приложены не въ концѣ «уложенія», а къ соотвѣтственнымъ мѣстамъ его — къ расчету сохи средней и худой помѣстной земли ²⁾.

Къ подобнымъ же прибавкамъ повело и отсутствіе *вытнаго* расчета въ «царевомъ уложеніи». Такъ какъ нормальные размѣры выти (въ 12, 14 и 16 четв.) были, какъ мы видѣли, уже давно

---

¹⁾ Въ Ундольск. № 833, л. 36 и въ Публ. Библ. Q, XVII, 87, л. 12 видимъ ту же связь, но какъ разъ на мѣстѣ связи — пропускъ: «а которая земля добре худа и безъгодна ||, и учинити среднюю землею съ наддачею, а наддавати на 100 четв. по 25 четв.» и т. д.

²⁾ Врем. XVII, 34—35.

фиксированы въ дворцовомъ и монастырскомъ хозяйствѣ, то съ опредѣленіемъ размѣровъ сохи отношеніе ея къ выти опредѣлялось само собой и не было надобности дѣлать его предметомъ особаго «уложенія». Но для практики расчетъ этотъ необходимо было сдѣлать; одинъ изъ случаевъ, когда онъ могъ понадобиться, указываетъ само сошное руководство: «гдѣ лучится *изъ дворцовыхъ селъ и черныхъ волостей* (измѣряемыхъ обыкновенно вытями) давати въ помѣстья (окладъ которыхъ опредѣлялся количествомъ четвертей)». Въ подобныхъ случаяхъ выти необходимо было перевести на сохи. Въ короткомъ видѣ этотъ расчетъ, сколько вытей придется на соху доброй, средней и худой *помѣстной* земли — также прибавлялся, вмѣстѣ съ короткимъ расчетомъ одобриванья средней земли, — непосредственно къ тексту «царева уложенія»; во 2-мъ текстѣ О. Л. Др. П. онъ приписанъ опять къ концу, послѣ абзаца объ одобриваніи; въ 1-мъ текстѣ опять не у мѣста, прерывая фразу о монастырскихъ сохахъ и начиная собою тотъ перерывъ въ текстѣ «уложенія», который кончается вставкой объ «одобриваніи» ¹⁾. Но такія вставки были недостаточны для пракческаго употребленія; поэтому въ дальнѣйшей исторіи сошной книги въ ея текстъ вводятся болѣе подробные вытныя расчеты. Первую попытку такого расчета мы встрѣчаемъ въ томъ же 1-мъ текстѣ О. Л. Др. П.; здѣсь она непосредственно слѣдуетъ за упомянутымъ короткимъ расчетомъ и составляетъ наибольшую часть вставки, начатой послѣднимъ. Эта новая вставка во вставку носитъ особое заглавіе: «Роспись вытному тяглу, сколки на выть положено десятинь и сѣвннхъ четей и сажень, и по тому сошному письму колки положено въ соху выти». Подъ этимъ заглавіемъ помѣщено опредѣленіе квадратнаго содержанія выти (трехъ сортовъ земли) и ея долей въ саженьяхъ; затѣмъ содержаніе десятины и ея долей въ четвертяхъ пашни и саженьяхъ; наконецъ, содержаніе сохи трехъ сортовъ и ея долей — въ четьяхъ, вытяхъ и саженьяхъ. Изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ расчетовъ «вытнаго письма» — этотъ есть наиболѣе ранній; заключаемъ объ этомъ, во 1-хъ, потому, что здѣсь расчетъ вытей

¹⁾ Въ Публ. Библ. Q, XVII, 87 л. 13—16 вытныя расчеты тоже приписаны къ концу и составляютъ вторую прибавку послѣ одобриванія; но здѣсь онъ уже значительно развитъ: именно указано количество вытей, соответствующее $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{6}$, $\frac{1}{12}$, $\frac{1}{24}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{8}$, $\frac{1}{16}$, $\frac{1}{32}$ сохи и содержащееся въ этихъ доляхъ количество десятинь и четвертной пашни; а также количество четвертей, содержащееся въ 1, $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{8}$, $\frac{1}{16}$, $\frac{1}{32}$, и $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{6}$, $\frac{1}{12}$, $\frac{1}{24}$ выти. Тотъ же расчетъ повторенъ и для выти и сохи средней и худой земли. Ср. ниже, прим.

сдѣланъ спеціально по отношенію къ той категоріи земель, на которой правительству и раньше «царева уложенія» приходилось считаться съ вытнѣмъ счетомъ, — именно относительно «дворцовыхъ» земель¹⁾; во всѣхъ позднѣйшихъ текстахъ вытнѣй расчетъ дѣлается уже для всѣхъ категорій земель. Во вторыхъ, въ расчетѣ квадратнаго содержанія вытей, долей десятины и сохи составитель дѣлаетъ элементарную ошибку, которая устранена въ позднѣйшихъ расчетахъ²⁾.

Всѣ эти отдѣльныя попытки ввести въ текстъ сошнаго руководства расчетъ одобриванія и вытнѣй расчетъ разрѣшаются, наконецъ, составленіемъ *второго сошнаго руководства*, болѣе полного и сложнаго по составу, чѣмъ разсмотрѣнное выше руководство изъ трехъ отдѣловъ, сохраненное въ 13-ти главахъ рук. Арх. И. Д. Новое руководство помѣщено подъ особымъ заглавіемъ въ 14—40 главахъ той же рукописи; но оно существовало, несомнѣнно, и въ отдѣльномъ видѣ, какъ свидѣтельствуется рук. Ундольскаго № 833 (Рум. муз.), гдѣ оно занимаетъ начало (л. 1—10, 31). Несмотря на испорченный текстъ, основное содержаніе этого руководства легко

---

1) Напомнимъ, что въ самомъ первомъ текстѣ О. Л. Др. П. о дворцовыхъ земляхъ вовсе не говорится, и даже нѣтъ позднѣйшей оговорки, что дворцовая и черная сохи тождественны съ помѣстной.

2) Поясняемъ эту ошибку примѣрами: «дворцовыя добрыя земли выть—6 десятинь, ... а мѣрою въ длину 480 сажень, а поперегъ 180 сажень»; другими словами, составитель опредѣляетъ квадратное содержаніе шести десятинь шестью линейными длинниками и шестью линейными поперечниками, не замѣчая, что при этомъ получается не 6, а 36 десятинь. Та же ошибка повторяется при опредѣленіи долей десятины въ саженьяхъ: зная, что десятина имѣетъ 80 X 30 саж., составитель полагаетъ, что $\frac{1}{2}$ десятины будетъ 40 X 15 саж., т. е. получаетъ вмѣсто половины четверть и т. д. Точно также и соху=400 десятинь составитель измѣряетъ четырьмя стами длинниками и столькими же поперечниками одной десятины: «десятинь 400, а сажень въ тѣхъ десятинахъ въ длину 32.000, а поперегъ 12.000 саж.», т. е. получается вмѣсто одной сохи — четыреста. Такую же ошибку встрѣчаемъ въ текстахъ Публ. Библ. Q, XVII, 87, л. 18—24 и Q II, № 42; вообще эти тексты представляютъ переходъ отъ первой редакціи сошнаго руководства ко второй; правила одобриванія и вытнѣй расчетъ здѣсь введены, но тоже въ видѣ прибавки (и не всегда у мѣста), а не въ видѣ систематическаго дополненія текста, какъ во второй редакціи. *Вторая* часть («сводъ сошному и вытнѣму письму, коя кость съ которою слагается» и денежный счетъ—съ приравненіемъ сохи къ 40 алтынамъ) здѣсь также имѣетъ нѣкоторыя особенности. Наконецъ, одинаковъ со второй редакціей у этихъ текстовъ—расчетъ окладовъ отдѣльныхъ податей на соху (см. ниже стр. 84), и золотая кладь.

возстанавливается ¹⁾). При сравненіи его съ первымъ руководствомъ мы приходимъ къ заключенію, что въ основу главной части новой редакціи положено старое «уложеніе», но усложненное при каждой статьѣ во 1-хъ вытнмъ разсчетомъ, во 2-хъ разсчетомъ одобриванія. Сравнивая же текстъ рук. А. И. Д. и рук. Ундольскаго между собой, мы замѣтимъ, что послѣдній представляетъ эту новую редакцію въ болѣе простомъ видѣ: именно онъ приводитъ разсчетъ количества четвертей въ выти каждаго сорта и въ ея доляхъ и разсчетъ наддачи на извѣстное количество четей, начиная со 100; но онъ не дѣлаетъ разсчета количества вытей и наддачи *на соху* и на ея части.

Въ слѣдующей схемѣ основное содержаніе «царева уложенія» представлено разрядкой, прибавки же свойственныя одному тексту рук. А. И. Д. и Публ. Толстовск. заключены въ ломаныя скобки. Схема восстанавливаетъ порядокъ, не всегда выдерживаемый списками

I. ДОВОРОЙ ЗЕМЛИ СОХА 800 ЧЕТЕЙ, ПОЛСОХИ И Т. Д.

прибавл. 1. а: добрыя земли выть 12 чети, полвыти—6 чети и т. д.

[b: добрыя жъ земли вытей: въ сохѣ 67 безъ $\frac{1}{3}$ выти, въ полсохѣ и т. д.].

II. СЕРЕДНЕЙ ЗЕМЛИ СОХА 1000 ЧЕТЕЙ, ПОЛСОХИ И Т. Д.

прибавл. 1. а: середніе земли выть 7 десятинъ, полвыти и т. д.

[b: середніе жъ земли вытей: въ сохѣ $71\frac{1}{2}$, въ полсохѣ и т. д.].

прибавл. 2. а: одобриванье середнія земли: учинить середнія земли доброю землею съ наддачею, гдѣ доведца на 100 чети — наддачи 25 чети, на 50 чети — наддачи $12\frac{1}{2}$ и т. д. на всѣ десятки, единицы и на обычныя дроби.

[b: указъ середнія земли: соха 1000, а доброю землею съ наддачею 800; полсохи и т. д.].

[c: середнія жъ земли четверть, а доброю землею съ наддачею четь безъ $\frac{1}{4}$ + $\frac{1}{32}$; середнія жъ земли осмина, а доброю землею и т. д.].

---

¹⁾ Напомнимъ что болѣе исправный списокъ того же текста содержится въ Публ. Толстовск. рк.

III. Худой земли соха 1200 четв., полсохи и т. д.

прибавл. 1. а: а выть худыя земли 16 чети, полвыти 8 чети и т. д.,

а десятинь худыя земли на выть 8, на полвыти 4 и т. д.

[b: худые жъ земли класть вытная кость: соха 75 вытей, полсохи и т. д.].

прибавл. 2. а: указъ, худыя земли какъ добрить: на 1000 чети наддачи 500 чети, на 500 и т. д.

[b: указъ, какъ худыя земли добрить и учинить доброю землею съ наддачею: соха 1200 четв., а доброю землею съ наддачею — 800, полсохи и т. д.].

Далѣе слѣдуетъ «указъ сошному письму о владычнихъ и о монастырскихъ земляхъ» — по той же схемѣ, какъ приведенная схема помѣстнаго сошнаго письма, но безъ 2-го прибавленія — объ одоброваніи, а въ Унд. 833 и безъ перваго прибавленія ¹⁾).

Сколько можно судить по испорченнымъ текстамъ, — за этой главной частью вторая редакція сошнаго руководства помѣщала таблицу долей сохи и ихъ сложенія («роспись меньшимъ костямъ, какъ двѣ кости положить въ одну кость»). Эта часть, очевидно, соответствовала второй части перваго руководства (именно, первому отдѣлу 2-ой части). Второй отдѣлъ второй части перваго руководства (роспись мелкому своду) также имѣетъ во второмъ руководствѣ свою параллель: въ самомъ концѣ послѣдняго (гл. 37—40) находимъ руководство къ сложению мелкихъ долей четверти «по деньгамъ или безъ денегъ».

Совершенно новы во 2-ой редакціи сошнаго руководства главы 28—36. Здѣсь содержатся 1) разверстка на доли сохи важнѣйшихъ податей XVI в. (гл. 28—30); 2) «указъ, какъ гдѣ лучится писать въ сошное письмо тяглыхъ людей дворы посадскихъ и слободскихъ» (гл. 31—34); 3) «Золотая кладь» и неконченное вычисленіе «окружныхъ сажень въ двухъ четяхъ сѣву, въ чети, осминѣ» (гл. 35—36). Въ списокѣ 1629 г. въ той же связи помѣщена и 3-я часть первой редакціи: вычисленіе квадр. содержанія мѣрной версты и раздѣленіе ея на три поля ²⁾).

---

¹⁾ Въ рукописи А. И. Д. эта часть текста совершенно перепутана (л. 26 об.—27, л. 31): указъ о монастырскихъ земляхъ повторенъ два раза, причемъ только второй разъ выписанъ вполнѣ (гл. 25—26), а первый разъ прерванъ на самомъ случайномъ мѣстѣ.

²⁾ Врем. XVII, 48.

Изъ этихъ частей для насъ особенный интересъ представляетъ разверстка податей на доли сохи. Эта разверстка убѣждаетъ насъ въ томъ, что и вторая редакція сошнаго руководства составлена въ XVI в. Расчетъ разверстки сдѣланъ здѣсь для трехъ податей: намѣстнича корма по окладу 42 алт. 4 д. съ сохи; ямскихъ денегъ— по окладу 17 р. съ сохи, и кормовыхъ денегъ— по окладу 44 а. 4 д. съ сохи¹⁾. Окладъ намѣстнича корма принадлежитъ XVI в.; окладъ ямскихъ денегъ также занимаетъ середину между извѣстными намъ окладами XVI в.²⁾ Въ XVII в. оклады XVI вѣка, правда, продолжали существовать, но, какъ скоро увидимъ,— потеряли всякое финансовое значеніе; въ частности, ямская подать совершенно преобразовалась, такъ что заносить старый окладъ ея въ сошное руководство, составляемое въ XVII в., было бы совершеннымъ анахронизмомъ.

Слѣдя за исторіей книгъ сошнаго письма въ XVI в., мы до сихъ поръ совершенно оставляли въ сторонѣ одну составную часть ихъ, именно руководство къ геодезій. Руководство это, впрочемъ, не столько входило въ составъ сошнаго руководства, сколько служило

---

1) Унд. № 833 и таблица у Иванова, Опытъ ист. меж.: 44 алт.

2) Окладъ намѣстнича корма въ 42 а. 4 д. см. въ Доп. къ А. И. I, № 78, Холм. у. 1555 г.: здѣсь онъ названъ «бѣлымъ», потому что собирается съ бѣлыхъ сохъ. Въ жал. гр. Бориса Θεод. 1602 г. упоминается о сборѣ посошнаго корма на нынѣшній и прошлые годы съ сохи по 42 а. 4 д. въ Бѣлоз. у. съ патріаршей вотчины (Рум. муз. Бѣляев. об. № 1620, л. 402). Тотъ же окладъ остается и въ 1607 г. (Рум. муз. отписки Гарелина, грамота 7115 г., марта 27). Въ дворцовыхъ владѣніяхъ взимался, повидимому, половинный окладъ 20 а. 8 д., см. Акты Θεд. Чех. I, 233; Арх. Юст. Бѣлозер. у. № 814 и 823, грамоты 1564 и 1569 гг.; въ Пошехон. у. № 9703, грамота 1586 г., тотъ же окладъ берется съ *монастырскихъ* деревень, но передъ этимъ онѣ были одно время описаны на государя. Въ Волок. у. № 2432, грам. 1544, мы можемъ прослѣдить и происхожденіе этого размѣра: съ дворцовой выти берется по 2 деньги; вытей здѣсь сочтено въ сохѣ по 67 (и ихъ пашни $6 \times 67 = 402$ десятины); посошнаго корма выходитъ 134 деньги или 22 а. 2 д., т. е. только на 1 алт. больше обычнаго размѣра. О размѣрахъ кормовыхъ денегъ XVI в. мы не имѣемъ свѣдѣній. Что касается ямскихъ, мы видѣли, что окладъ ихъ не установился окончательно; но по отпискамъ можно замѣтить, что онѣ взимались по окладу 20 или 10 р. съ сохи (А. Ю. № 209, V, VI (1588); № 214, II—VI—1589—1598); въ послѣднемъ окладѣ онѣ перешли и въ XVII в. Въ Писц. кн. Калач. I, 2, 294, 329, 342 упоминается о платежѣ ямскихъ денегъ «по государеву уложению» т. е., можетъ быть, по окладу, установленному официальной сошной книгой? Въ текстахъ Публ. библ. Q, II, № 42 и Q, XVII, 87, л. 20 об. — 21, разверстываемые оклады приняты: 1) для *данныхъ* денегъ — 20 р. съ сохи; 2) для *половничныхъ* — 2 р. съ сохи; 3) для *ямскихъ* — 10 рублей.

приложеніемъ къ нему; оно имѣеть, такимъ образомъ, свою собственную, независимую отъ сошной книги исторію. Геодезическое руководство предпослано уже древнѣйшему тексту «царева уложенія» (въ 1-мъ текстѣ О. Л. Др. П.). Обѣ редакціи сошнаго руководства не ввели его въ свой составъ (хотя первая и ввела, повидимому, въ заглавіе): въ рк. А. И. Д. оно находится послѣ сорокоглавной книги сошнаго письма, въ концѣ «росписи полевой мѣрѣ», подѣ особымъ заглавіемъ: «о земляномъ верстанѣ, какъ земля верстать» (л. 53 об.). Любопытно, что и здѣсь оно сохраняетъ связь съ «уложеніемъ» въ древнѣйшей формѣ и въ этой связи остается и въ позднѣйшее время, какъ бы составляя особый цѣльный трактатъ ¹⁾. Во всѣхъ текстахъ, кромѣ 1-го текста О. Л. Др. П., «уложеніе» вошло уже въ самый текстъ геодезическаго руководства, разорвавъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими вставками первоначальную связь изложенія.

Вопросъ о происхожденіи руководства къ землемѣрію представляется болѣе сложнымъ, чѣмъ вопросъ о происхожденіи сошной книги. Рядъ соображеній ведетъ къ выводу, что геодезическое руководство составилось независимо отъ сошной книги, для совершенно самостоятельныхъ цѣлей. Прежде всего, собственно о сошномъ письмѣ въ немъ нѣтъ ни одного слова. Рѣчь идетъ объ измѣреніи полей въ десятинахъ, четвертяхъ и саженьяхъ. Линейной единицей этого измѣренія является вервь въ 40 саж. Квадратной единицей служитъ площадь 40×40 сажень, приравниваемая «четверти сѣву» и, слѣдовательно, составляющая $\frac{1}{2}$ десятины. 12 такихъ четвертей доброй земли, 14 четвертей средней и 16 четв. худой составляютъ выть. Такого размѣра выти, какъ мы знаемъ, давно уже установились въ дворцовомъ хозяйствѣ. Замѣтимъ далѣе, что сошная книга принимаетъ десятину въ $80 \times 30 = 2400$ кв. саж. ²⁾

---

¹⁾ Въ рк. Арх. И. Д. листы перепутаны: послѣ 49 должны идти 61, 56, 54, 55 и 53-й, съ послѣдняго и начинается трактатъ «о земляномъ верстаніи» и занимаетъ далѣе л.л. 53, 57, 50—52, 58—60. Въ обоихъ текстахъ Врем. XVII трактатъ этотъ также приложенъ къ концу стр. 55—62, 84—90. Текстъ геодезическаго руководства прерывается здѣсь на четвертой строчкѣ (отъ словъ «а въ соху добрые земли» до сл.: «надобе веревцику держати 3 верви вытныхъ» стр. 55—6, 84—5); затѣмъ въ спискѣ 1709 г. идетъ непрерывный текстъ, а въ спискѣ 1629 есть еще вставка (стр. 56—7: отъ сл. «въ десятинѣ 80 сажень» до сл. «а коли тебѣ приведется»).

²⁾ Десятина въ $80 \times 30 = 2400$ кв. саж. встрѣтилась намъ въ грамотахъ 1544 г. (Арх. Ю. Волокол. у. № 2432 — на дворцовой землѣ) и 1552 г. (ib. Переясл. Загѣссск. № 8886).

тогда какъ наше землемѣрное руководство — въ $80 \times 40 = 3200$ кв. саж. Последняго размѣра десятины намъ не приходилось встрѣчать въ источникахъ XVI в.; но въ болѣе позднее время она встрѣчается и извѣстна какъ «хозяйственная» и специально *дворцовая* десятина ¹⁾. Припомнимъ, что по заглавію перваго сошнаго руководства въ немъ содержалось «землемѣріе государевыхъ дворцовыхъ селъ и черныхъ волостей», т. е. такъ называлось, вѣроятно, первоначально наше геодезическое руководство. Такимъ образомъ, всѣ эти признаки указываютъ на дворцовое хозяйство, какъ на первоначальную сферу примѣненія «землянаго верстанія».

Другое обстоятельство, выдѣляющее «земляное верстаніе» изъ состава сошнаго руководства, заключается въ томъ, что, между тѣмъ какъ всѣ остальные статьи сошной книги возникаютъ и развиваются на нашихъ глазахъ, оно одно является съ самаго начала совершенно готовымъ. Самая эта законченность текста въ связи съ значительной трудностью сюжета и спутанностью текстовъ наводитъ на предположеніе, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ памятникомъ не вполне туземнаго происхожденія. Все, что мы знаемъ о византійскихъ геодезическихъ приемахъ и руководствахъ, способно только подтвердить наше предположеніе.

«Буди же вѣдомо (выше: вѣдомо буди и сіе): преже возми вервь 40 саженьъ вдоль и поперекъ, и по землѣ протени: то есть четверть сѣву»; такъ начинается трактатъ о земляномъ верстаніи. Форма обращенія къ землемѣру и самыя слова этого обращенія можно не разъ встрѣтить въ византійскихъ руководствахъ: «Ἰστέον καὶ τοῦτο», «γίνωσκέτω», «γίνωσχε καὶ τοῦτο» ²⁾. «Вервь» (σχομίον, сокаръ) составляетъ необходимое орудіе и византійскихъ землемѣровъ; длина ея точно опредѣляется въ руководствахъ. «Когда хочешь измѣрять землю перваго качества, то употребляй веревку въ 10 оргій (= сажень)» ³⁾. Это предполагаетъ веревки инаго размѣра для другихъ качествъ земли (византійскія руководства различаютъ три качества); въ самихъ руководствахъ упоминается веревка въ 12 оргій для кочковатыхъ и каменистыхъ мѣстностей ⁴⁾. «Ты дол-

---

1) Бутковъ. Рус. стар. мѣры въ Ж. М. Вн. Д. 1844, ноябрь 292. А. С. Лаппо-Данилевскій напрасно называетъ эту десятину «круглой» — терминъ, который имѣетъ совсѣмъ иное значеніе (стр. 222, прим. 1).

2) Θ. И. Успенскій. Византійскіе землемѣры въ Трудахъ Одесск. арх. съѣзда, т. II, стр. 299, 287.

3) Ibid. 282.

4) Ibid. 279.

жень сдѣлать вервь или сокаръ, говорить византійское руководство, въ десять сажень и такимъ образомъ измѣрять мѣсто, подлежащее измѣренію: ибо сокаръ для пахотной земли долженъ имѣть десять сажень; а для луговъ и пустошей — двѣнадцать. И при десятисаженной веревкѣ площадь модія будетъ имѣть только двѣсти сажень, а при двѣнадцатисаженной — 288» ¹⁾). Съ такимъ различіемъ надо сопоставить правило нашего руководства: «надобно веревщику держати три веревки вытнхъ: одна на добрую землю, другая на середнюю, и третія на худую землю; и по землямъ смотря мѣрять: какова земля, такова и вервь мѣрять». Это сопоставленіе тѣмъ любопытнѣе, что мы не имѣемъ свѣдѣній о томъ, чтобъ это правило примѣнялось на практикѣ; выти разныхъ качествъ, повидимому, мѣрились той же 40-саженной веревкой, только разнымъ ихъ количествомъ. Если такъ, то весьма возможно, что предписаніе нашего сошнаго руководства осталось чисто бумажной мѣрой; а этимъ самымъ подтвердилось бы его вполне книжное, чуждое русской дѣйствительности происхождение.

Переходимъ къ единицѣ измѣряемой площади. Византійское и наше руководство принимаютъ извѣстную площадь посѣва за единицу: у насъ веревка вдоль и веревка поперекъ даютъ «четверть сѣву»; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Византіи десятисаженный сокаръ въ квадратѣ давалъ модій», «такъ какъ на обсѣвъ такой площади требовался модій жита въ 40 литровъ» ²⁾). Гульчъ дѣлаетъ предположеніе, что эта земельная площадь и была древней (еги-

---

¹⁾ Heronis alexandrini geometricorum et stereometricorum reliquiae, ed. *Hultsch* (Weidm. 1874), гл. 4, 12—14 (ср. его же *Metrologicorum scriptorum reliquiae* I, 189—190): μετὰ τοῦτο ὀφείλεις ποιῆσαι σχοινίον ἤγουν σωκάριον δεκαόργυιον καὶ οὕτως μετρεῖν ὃν μέλλεις τόπον· τὸ γὰρ σωκάριον τῆς σπορίμου γῆς δέκα ὀργυιάς ὀφείλει ἔχειν, τοῦ δὲ λιβαδίου καὶ τῶν περιορισμῶν β'. καὶ μετὰ μὲν τοῦ δεκαόργυιου σχοινίου ἔχει ὁ τόπος τοῦ μοδίου ὀργυιάς διακοσίας μόνας, μετὰ δὲ τοῦ δωδεκαόργυιου ἔχει ὀργυιάς σωή. См. также *Hultsch*, *Metrol. scr. rel.* II, 136 (excerpta et *Isidoro*): *perticas autem juxta loca vel crassitudinem terrarum, prout provincialibus placuit, videmus esse dispositas, quasdam decempedas, quibusdam duos additos pedes, aliquas vero quindecim vel X et VII pedum diffinitas, ita dumtaxat, ut crassioribus terris minores mensuras, sterilioribus majores tribuisent, prout modiorum numerus incremento frugum unicuique loco sufficeret.*

²⁾ Успенскій, *ibid.* 298. Собственно низшей (тоже квадратной) единицей площади посѣва была одна литра: пять сажень, вдоль и поперекъ. См. у Герона, гл. 4, 15: Χρῆ δὲ γινώσκειν καὶ τοῦτο, ὅτι ὁ σπόριμος μόδιος ἔχει λίτρας τεσσαράκοντα· μία δὲ ἐκάστη λίτρα σπείρει γῆν ὀργυιῶν πέντε. Πλάτος γὰρ καὶ μῆκος ὀργυιῶν πέντε ποιοῦσι λίτραν μίαν и т. д. Такихъ 40 литровъ даютъ 200 квадратныхъ сажень.

петской и греческой) квадратной единицей земельного измѣренія; важно отмѣтить его же замѣчаніе, что десятисаженная веревка, употреблявшаяся при измѣреніи этой единицы, могла дать поводъ и къ названію послѣдней «десятиною мѣрою», какъ толкуетъ схолиастъ старинное греческое слово *ἄχλινα*, сближаемое Гульчемъ съ бетическимъ *astia* и сопоставляемое съ египетскимъ *amma* (евр. *ammah* ¹⁾). Сопоставленіе съ нашей «десятиной» напрашивается само собою; но безъ дальнѣйшихъ справокъ мы не рѣшаемся останавливаться на этомъ сопоставленіи; если тутъ и было заимствование, то во всякомъ случаѣ оно должно относиться къ гораздо болѣе давней порѣ, чѣмъ та, о которой идетъ рѣчь теперь. Въ позднѣйшее время обычный греческій модій представлялъ удвоенную площадь древней *аммы*, передѣланную, какъ догадывается Гульчъ, по образцу римскаго югера ²⁾: тѣ же 40 литровъ жита высѣвались не на 100, а на 200 кв. саж., или на площадь въ двѣ веревки (десятисаженныхъ) въ длину и одну веревку въ ширину. Аналогичную *этому* модію, но въ 16 разъ бѣльшую геометрическую фигуру представляла наша десятина въ 3200 кв. саж., состоявшая тоже изъ двухъ (сорокасаженныхъ) веревокъ въ длину и одной въ ширину. Разница въ величинѣ веревки, у насъ вчетверо болѣе чѣмъ въ Византіи, и въ площади квадратной единицы, болѣе въ $4 \times 4 = 16$ разъ, должна, конечно, объясняться различіемъ въ степени плодородія почвы и интенсивности земледѣльческой культуры.

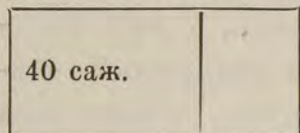
Послѣ опредѣленія единицы линейной и квадратной мѣры задача нашего и византійскихъ руководствъ одинаково состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить квадратное содержаніе даннаго участка въ саженьяхъ и затѣмъ выразить его въ единицахъ площади посева — модіевъ и четвертей. Оба выполняютъ задачу на частныхъ примѣрахъ. Въ напечатанныхъ *Θ. И. Успенскимъ* руководствахъ эти примѣры слишкомъ просты; напротивъ, въ геометрическихъ руководствахъ *Герона* и *Педіасима* они гораздо подробнѣе нашего сошнаго руководства и имѣютъ болѣе геометрической, чѣмъ геодезической характеръ. Сравнивая съ послѣдними примѣры рус-

¹⁾ *Metrol. scr. reliquiae. I, prolegomena, 27 — 29: hoc σχοινίον δεκαόργυιον ipsum antiquum amma esse videtur.*

²⁾ *Ibid. 39 — 40: iam vero recordemur etiam antiquum amma agrestem mensuram fuisse, quae denas orgyias in longitudinem et latitudinem, omnino igitur centum quadratas orgyias haberet. Modius igitur ducentarum orgyiarum nihil nisi duplex est amma. Quae si reputamus, cuinam latere potest jugeri similitudine Romanos hanc mensuram effecisse, quae duplo longior esset, quam latior.*

скаго руководства, мы приходимъ къ приключенію, что наше руководство, вмѣсто правильнаго и систематическаго перехода отъ простыхъ геометрическихъ фигуръ къ сложнымъ, ограничивается нѣсколькими отрывочными случаями, хотя въ общемъ и сохраняющими постепенность греческихъ руководствъ. Подробный разборъ этихъ случаевъ представляетъ большія затрудненія въ виду испорченности русскаго текста и еще большей испорченности прилагаемыхъ къ нему чертежей: очевидно, что переписывавшіе то и другое совершенно не понимали смысла переписываемаго, и несомнѣнно, что въ подобной передачѣ наше геодезическое руководство теряло всякое практическое значеніе. За исключеніемъ одного случая, для меня непонятнаго ¹⁾, рѣчь идетъ, какъ полагаю, о слѣдующихъ четырехъ случаяхъ: 1) измѣреніе *прямоугольника* (τετράγωνον ὀρθογώνιον). Греческій текстъ выдѣляетъ въ особый случай измѣреніе основнаго десятисаженнаго *квадрата* земельной площади (10×10 оргій = $\frac{1}{2}$ модія); у насъ же этотъ случай введенъ въ измѣреніе прямоугольника; для этого взять прямоугольникъ, ширина котораго равняется нашей сорокасаженной веревкѣ, а длина — ровно веревкѣ съ третью. Греческое руководство,

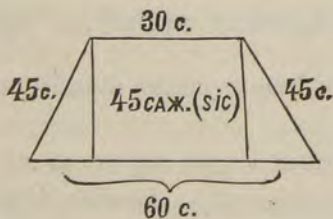

40 саж. $13\frac{1}{3}$ с.

переходя отъ квадрата къ прямоугольнику, не ограничивается такимъ частнымъ случаемъ, въ которомъ оставшуюся часть можно выразить

въ частяхъ цѣлой «четверти сѣву» (или модія); оно прямо раздробляетъ веревки и сажени въ сажени, множитъ всю длину на ширину и затѣмъ полученное количество кв. сажень превращаетъ въ модіи и литры. Далѣе, опуская все, что касается измѣренія треугольниковъ, наше руководство переходитъ къ 2) измѣренію *равносторонней трапеціи* (τραπέζιον ἰσοπλευρον), которая однако, даже въ лучшихъ текстахъ, безнадежно смѣшана съ прямоугольной (ὀρθογώνιον), такъ какъ полусумма сторонъ $\frac{30+60}{2} = 45$) умножается не на высоту (которая равнялась бы въ данной трапеціи 42, 4), а на сторону (или полусумму равныхъ сторонъ = 45 саж.).

Чертежъ долженъ быть:

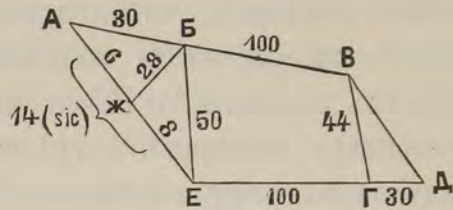
Слѣдуетъ далѣе 3) «Поле четвероугольно съ тремя великими мысы» или, по смыслу примѣра *неправильный четырехугольникъ*. Для измѣренія фигура дѣлится на «четыреугольную середку» и на три треугольныхъ «наво-

¹⁾ «Коли приведется поле мѣрить четвероугольное на четыре мѣста».

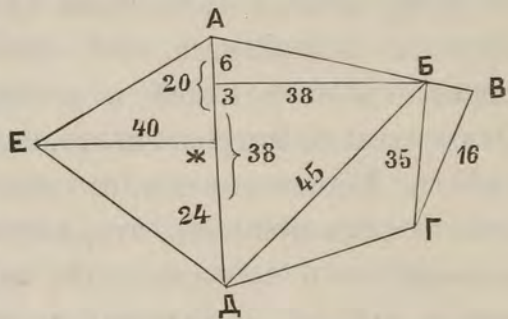
лока»; затѣмъ «середка» фиктивно принимается за трапецію и измѣряется (какъ въ предъидущемъ случаѣ) произведеніемъ полусуммъ противоположныхъ сторонъ; а въ каждомъ изъ трехъ треугольниковъ одна сторона принимается за высоту и умножается на половину другой. По размѣрамъ, даннымъ въ руководствѣ, никакого построенія нельзя сдѣлать; но по существу дѣла построение должно быть приблизительно слѣдующее:

Четыреугольникъ БВГЕ измѣряется $100 \times \frac{50+44}{2}$; треугольникъ АБЖ — 30×3 ; БЖЕ — 14×8 ; БГД — 44×15 .

4-й случай, приводимый въ нашемъ руководствѣ, относится къ измѣренію *пятиугольнаго* «поля». Для измѣренія оно дѣлится на треугольники, площадь которыхъ вычисляется по предъидущему (построение при данныхъ размѣрахъ тоже невозможно):

Треугольникъ АБЗ = 38×3 саж.; БВГ = 35×8 ; БГД = $45 \times 17\frac{1}{2}$; БДЗ = 38×19 ; ЕЖД = 40×12 ; АЕЖ = 40×10 . Первый и три послѣднія измѣренія, конечно, правильны, если ЕЖ и БЗ — перпендикулярны къ АД.

Итакъ, наше руководство весьма произвольно обращается съ геометрией: оно, какъ мы видѣли, умножаетъ полусуммы противоположныхъ сторонъ неправильнаго четырехугольника, чтобъ получить его площадь; а чтобъ получить площадь треугольника, прямо множитъ одну сторону на половину другой. Въ извѣстныхъ намъ греческихъ текстахъ не встрѣчаемъ подобныхъ неточностей; но по крайней мѣрѣ въ позднѣйшихъ изъ нихъ, напр. у Педіасима, можно найти аналогичныя упрощенія ¹⁾; а въ одномъ латинскомъ отрывкѣ *de jugeribus metiundis* встрѣчаемся съ совершенно тожественными практическими приемами ²⁾. «Если поле будетъ равносходнымъ треугольникомъ, по 60 веревокъ въ каждой сторонѣ,

¹⁾ Die Geometrie des Pediasimus, Programm v. Dr. G. Friedlein, 1866, Ansbach, стр. 36—39. Ср. Успенскій, о. с. 280.

²⁾ Die Schriften der römischen Feldmesser, hrgb. und. erläut. v. Blume Lachmann Rudorff Berl. 1848, I, 354 — 356.

умножаю одну сторону на половину другой...»; «если будетъ неровное поле, такъ что одна сторона будетъ имѣть 40 веревокъ, а другая (противоположная; см. рисунокъ у Блуме) 30, третья 20, а четвертая 6, — складываю 40 и 30, будетъ 70: дѣлю пополамъ — будетъ половина 35. Опять складываю 20 и 6, будетъ 26: дѣлю поровну, будетъ 13. Умножаю прежде раздѣленную сторону 35 на 13, получается 355 веревокъ» etc. ¹⁾ Въ виду такого совпаденія необходимо отмѣтить, что эти землѣмѣрные задачи вообще и нашъ отрывокъ въ частности издатели считаютъ заимствованными съ греческихъ текстовъ ²⁾. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что при болѣе тщательныхъ поискахъ встрѣтятся тексты, еще болѣе близкіе къ нашему «земляному верстанію».

Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ вопросомъ о происхожденіи нашего геодезическаго руководства опять поднимается вопросъ о византійскомъ вліяніи на русскія писцовыя книги. А. С. Лаппо-Данилевскій очень осторожно отнесся къ этому вопросу. «Нельзя же сходство непременно объяснять заимствованіемъ», говоритъ онъ по этому поводу (180, прим. 1). Однако же и А. С. Лаппо-Данилевскій соглашается, что «Византія могла ознакомить русскихъ людей съ метрологіей и основными правилами геометріи» (179). Относительно метрологіи это, кажется, не подлежитъ сомнѣнію послѣ работъ Прозоровскаго; относительно геометрическихъ и геодезическихъ приемовъ, это, вѣроятно, окончательно выяснится при дальнѣйшемъ изученіи. Но заимствованіе, какъ намъ кажется, можно слѣдить и дальше: не только въ единствѣ приемовъ, но и въ единствѣ той цѣли, которой они должны были служить, — мы говоримъ о цѣли податнаго обложенія. Не будемъ здѣсь останавли-

¹⁾ Ager si fuerit trigonus isopleurus, habens tria latera, per quae sexagenas perticas habent, duco unum latus per alterius lateris medietatem, id est LX per XXX: fiunt perticae ∞ DCCC, quae faciunt jugera VI, tabula una....

Ager si fuerit inaequalis, ita ut habeat in latere uno perticas XL et in alio XXX et in alio XX et in alio VI, conjungo XL et XXX: fiunt LXX. divido in aequa: fit una pars XXXV. rursus jungo VI cum XX: fiunt XXVI. divido aequaliter: fiunt XIII. Duco latus quod divisi prius, id est XXXV per XIII: fiunt perticae CCCLV, quae faciunt jugerum unum tabulas II, perticas XXIII.

²⁾ Röm. Feldmasser II B. (1852), 478: vergleicht man die Trümmer des Heron mit der lateinischen Feldmessersammlung, so ergibt sich, dass die eigentliche Gromatik eine rein nationale Wissenschaft blieb, die reine und angewandte Mathematik dagegen den Griechen entlehnt wurde und zwar theils dem Euklid, theils dem Heron, auf dessen γεωμετρούμενα namentlich die Messaufgaben... pp. 354—356... offenbar zurückgehen, wenn sie auch nicht gerades Weges aus der uns vorliegenden griechischen Redaction übersetzt sind.

ваться на любопытной во всякомъ случаѣ параллели между зевгаратнымъ, войдатнымъ и актимоннымъ (пѣшимъ) надѣлами византійскаго кадастра, и плугомъ, сохой, однокольцемъ и пѣшцемъ нашей *старой* сошной системы; пусть тутъ заимствование остается пока не болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ простая аналогія. Но наша *новая* сошная система, основанная на различіи земель по тремъ качествамъ и на податномъ уравненіи платежныхъ участковъ по количеству — обратно пропорціонально ихъ качеству, — не находится ли въ несомнѣнной связи съ фискальными приѣмами византійскаго кадастра ¹⁾? При простомъ сопоставленіи отдѣльныхъ сходныхъ чертъ русской и византійской системы становится вѣроятнымъ, что сходство идетъ въ данномъ случаѣ далѣе простой аналогіи ²⁾. Но до сихъ поръ оставался совершенно неяснымъ вопросъ о времени заимствования. Для сошной системы, сходство которой съ византійской мы только что отмѣтили, мы считаемъ теперь время ея появленія достаточно разъясненнымъ; къ сожалѣнію, относительно времени составленія геодезическаго руководства, византійское происхожденіе котораго намъ представляется несомнѣннымъ, трудно утверждать что-либо положительное. Тѣмъ съ большимъ интересомъ мы остановимся теперь на разборѣ одного весьма важнаго документа, въ которомъ византійскія реминисценціи, какъ намъ кажется, идутъ объ руку съ предположеніями о реформѣ русской системы; суть послѣдней заключается по этимъ предположеніямъ въ новыхъ приѣмахъ измѣренія участковъ, а цѣлью ея ставится усовершенствованіе податной и служилой организаціи; словомъ, документъ нашъ соединяетъ какъ бы въ одномъ фокусѣ всѣ тѣ задачи, которыя должна была поставить себѣ реформа 1550-хъ годовъ и, понятый такимъ образомъ, бросаетъ новый свѣтъ на ея исторію.

Къ сожалѣнію, документъ этотъ, напечатанный въ приложе-

---

¹⁾ Любопытно также, что нашъ старинный счетъ долями половины и трети, несомнѣнно, практиковался въ Византіи; объ этомъ можно заключать по одному мѣсту въ біографіи Василія Македонянина (у продолж. Теофана), гдѣ говорится о злоупотребленіяхъ, возможныхъ при «существующей системѣ, принятой въ податныхъ спискахъ, — выражать требуемое количество не буквами, выраженными и ясными числами, а ради сокращенія — долями чиселъ и частями половины и частями шестой и двѣнадцатой доли». Цит. у *Θ. И. Успенскаго*, св. 303.

²⁾ На это обстоятельство было указано впервые, если не ошибаемся, въ одной изъ прекрасныхъ статей *В. Г. Васильевскаго*. Матеріалы для внутренней исторіи византійскаго государства. Журн. Мин. Нар. Просв. 1880, августъ, стр. 361.

ниі II, извѣстенъ мнѣ пока въ единственномъ спискѣ XVII столѣтія, и только его содержаніе и, можетъ быть, языкъ, которымъ онъ изложенъ, даютъ возможность отнести его къ этому именно моменту русской финансовой исторіи, — къ подготовкѣ реформы 1550-хъ годовъ. Прежде всего, изложу его содержаніе, въ подлинникѣ переданное довольно запутанно. Авторъ исходитъ изъ того положенія, что всѣ земельные споры, несправедливости и взятки писцовъ и мѣрщиковъ происходятъ отъ той причины, что измѣреніе производится четвертями. Онъ предлагаетъ ввести болѣе крупную земельную мѣру — именно квадратную версту или, выражаясь его терминами, «четверогранное поприще». Квадратная верста есть площадь въ 1000 сажень вдоль и поперекъ; сажень авторъ принимаетъ длиною въ двѣ (распростертыя) мужскія руки. И это «поприще» и эта (трехлокотная = двухаршинная = маховая) сажень суть древнія мѣры, хотя отношеніе между ними опредѣляется въ одномъ документѣ конца XV и начала XVI в. не въ 1000, а въ 750 сажень въ верстѣ¹⁾. Считая поприще въ 1000 сажень вдоль и поперекъ, получимъ квадратную площадь въ 1.000.000 саж., или, считая по 1200 сажень въ четверти посѣва (а не 1600, какъ въ геодезическомъ руководствѣ), — $833\frac{1}{3}$ четверти въ трехъ поляхъ; въ одномъ полѣ «раздѣленія ради житнаго» получится $277\frac{3}{4}$ четверти. Такая площадь можетъ вмѣстить «20 ратаевъ полныхъ жребіевъ», считая каждый жребій «по $12\frac{1}{2}$ чети въ каждомъ полѣ»: всего будетъ 250 четвертей; остальные $27\frac{3}{4}$ четверти можно скинуть въ счетъ надѣльнаго лѣса и сѣна. Такое четырехгранное поприще въ 250 четвертей и 20 полныхъ крестьянскихъ надѣловъ авторъ предлагаетъ взять за единицу военного участка, даваемого правительствомъ «боярамъ и воинамъ». Какъ видимъ, и по существу дѣла и по самой терминологіи мы имѣемъ здѣсь дѣло съ точнымъ воспроизведеніемъ византійскаго стратиотскаго участка, слагавшагося изъ известной суммы «полныхъ» зевгаратныхъ крестьянскихъ надѣловъ или изъ пропорціональнаго количества неполныхъ²⁾. Величина полного участка опредѣлена здѣсь въ размѣрѣ обычной владѣльческой *выти* доброй земли.

---

¹⁾ Бутковъ. Объясненіе русскихъ старинныхъ мѣръ въ Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ. 1844, ноябрь, 260 — 261 (прим. 1). Авторъ указываетъ одинъ списокъ статьи «о широтѣ и долготѣ земли» составляющій приписку къ печатному сербскому молитвеннику; мы можемъ указать другой списокъ съ несомнѣнными сербизмами въ Библ. Моск. Дух. Акад.

²⁾ Успенскій. Труды Од. съѣзда II, 334 — 336. Здѣсь авторъ, повидимому, окончательно отказывается отъ неудачной мысли искать специальной

Установивъ единицу измѣренія, авторъ предлагаетъ далѣе рассчитать, сколько поприщъ вдоль и поперекъ слѣдуетъ отвести на опредѣленный служилый окладъ, выраженный въ доляхъ принятой единицы. Какъ видно изъ таблицы, за низшій размѣръ оклада принято 10 полныхъ надѣловъ.

Окладъ	Число поприщъ		Излишекъ за сѣно и лѣсъ въ полѣ.
	вдоль	поперекъ	
1000 четей	2	2	111 четей
750 »	2	1½	83 »
500 »	2	1	55 »
375 »	1½	1	41½ »
250 »	1	1	27¾ »
125 »	1	½	14 »

Далѣе опредѣляются права и обязанности, которыя авторъ предлагаетъ соединить съ проектируемой единицей. Служилый человекъ имѣетъ право брать съ своихъ «ратаевъ» «пятую часть житья» — и этимъ долженъ удовольствоваться: «симъ убо доволенъ будетъ»; авторъ горячо доказываетъ, что онъ не долженъ брать съ крестьянъ *деньгами*: «того ради ихъ видимъ муками томимы; сии бо сребра не созидаютъ». При урожаѣ самъ—пять съ поприща служилый человекъ получить 250 четвертей ржи и яри вдвое. Обязанности «воина» заключаются въ томъ, чтобъ съ полного участка являться на войну самому и съ нимъ слугѣ въ броняхъ; такимъ образомъ, каждые 10 надѣловъ будутъ содержать *одного* военного человека. Итакъ, 10 надѣловъ составляютъ минимумъ цѣлаго военного участка ¹⁾. Необходимо сопоставить это предложеніе автора съ извѣстнымъ дополнительнымъ къ Судебнику указомъ, по которому велѣно было «съ отчинъ и съ помѣстій уложенную службу учинити со 100 четвертей добрыя угожія земли — чело-

---

связи зевгарата съ свободной крестьянской общиной и войдата съ помѣстнымъ землевладѣніемъ (см. его Слѣды писцовыхъ книгъ въ Византіи. Журн. Мин. Нар. Просв. 1884, II, стр. 311 и слѣд. 1885, VI, 36 и слѣд.) Размѣръ полного участка въ Византіи равнялся 4 — 5 литрамъ или *шести* полнымъ надѣламъ. См. В. Г. Васильевскаго. Мат. по ист. виз. госуд. Ж. М. Н. Просв. 1879, III, 174, 194. Θ. И. Успенскаго. Слѣды писц. кн. Ж. М. Н. Пр. 1885, VII, 50. Труды Од. сѣзда, 336. Полный участокъ нашего автора состоитъ изъ *десяти* надѣловъ (см. въ текстѣ; по другому расчету у Успенскаго размѣръ стратіотскаго участка получается тоже 8—10 надѣловъ. Ж. М. 1885, VII, 50).

¹⁾ О связи помѣстичьихъ правъ и военныхъ обязанностей византійскаго пронаіара см. Θ. И. Успенскаго: значеніе виз. и Ю. Слав. пронаіи въ Сборн. статей по славяновѣдѣнію, стр. 24—25.

вѣка на конѣ въ dospѣхѣ въ полномъ»¹⁾. По нашему проекту одинъ человекъ пришелся бы съ 125 четвертей (10 надѣловъ по 12½ четв.). Это сопоставленіе тѣмъ любопытнѣе, что, повидимому, дополнительная статья осталась чисто бумажной мѣрой, не примѣнявшейся на практикѣ».

Затѣмъ, авторъ настаиваетъ на томъ, чтобъ служилые люди для удобства мобилизаціи не жили въ деревняхъ, а получали бы хлѣбъ, сѣно и дрова съ своихъ крестьянъ въ городахъ. Вся эта картина предполагаемыхъ отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ, свѣжесть идеи объ условности владѣнія, какъ «царскаго даянія» (ср. *δωρεά*) объ ограниченности власти «бояръ и воиновъ» надъ своими «ратаями» показываетъ намъ, что дѣло идетъ не о XVII вѣкѣ. Предложеніе измѣрять не четвертями, а болѣе крупной единицей, не имѣло бы, далѣе, смысла *post* введенія новыхъ сохъ; напротивъ, самое введеніе сохъ крупнаго размѣра можетъ представляться вызваннымъ, по крайней мѣрѣ отчасти, разсмотрѣннымъ предложеніемъ. Если мы вспомнимъ, что только что указанная дополнительная статья къ Судебнику, повидимому, тоже стоитъ въ связи съ тѣмъ же проектомъ, и прибавимъ еще, что третья часть первой редакціи сошной книги при сравненіи оказывается дословно сходной съ расчетомъ величины одного поля въ четырехъугольномъ поприщѣ (см. приложение II), — то, кажется, трудно будетъ не согласиться, что нашъ памятникъ долженъ быть причисленъ къ подготовительнымъ матеріаламъ для обширныхъ реформъ 1550-хъ годовъ.

Кто былъ его авторомъ? Объ этомъ трудно сказать, что-либо опредѣленное: нельзя только не отмѣтить, что языкъ автора мало походитъ на канцелярскій и болѣе на книжно-церковный. Это обстоятельство въ связи съ терминами, имъ употребляемыми, а также его вѣроятное знакомство съ византійской прозіей заставляютъ предположить въ авторѣ лицо духовное югославянскаго происхожденія. Конечно это предположеніе остается пока простой догадкой, требующей дальнѣйшихъ справокъ и сопоставленій.

Мы оканчиваемъ здѣсь замѣчанія и дополненія по поводу тѣхъ отдѣловъ работы А. С. Лаппо-Данилевскаго, гдѣ ему приходится выходить изъ предѣловъ XVII в. То, что остается еще сказать относительно этого періода по поводу центральной администраціи, мы предпочитаемъ отложить до разбора соответствующаго отдѣла въ финансовой организаціи XVII в.

---

¹⁾ Судебникъ Татищева 2 изд. 141; Никон. лѣт. VII, 261.

II. XVII-е столѣтіе. 1. Податные классы.

Обширная первая глава изслѣдованія А. С. Лаппо-Данилевскаго посвящена изученію «податныхъ классовъ» населенія Московскаго государства (44—179). Въ свою очередь глава эта распадается на два отдѣла: 1) распредѣленіе податнаго бремени между отдѣльными классами населенія и 2) тяглое населеніе Московскаго государства въ XVII в.

Зная, что авторъ не задается изученіемъ количественныхъ отношеній въ финансовой исторіи XVII в., мы уже не можемъ ожидать въ первомъ отдѣлѣ прямаго отвѣта на поставленный вопросъ: сравненія податныхъ тягостей, ложившихся на разные классы населенія. Авторъ ограничиваетъ свою задачу въ этомъ отдѣлѣ группировкой данныхъ о податныхъ льготахъ, которыми пользовались разныя части населенія. Сперва разсматриваются, именно, льготы сословнаго характера: податныя привилегіи служилаго класса (сюда причисляются и привилегіи гражданской службы — казенной и земской, также службы гостей, гостиной и суконной сотенъ 44—54), класса несвободныхъ (и дворцовыхъ слугъ — 54—57), духовенства (57—66), затѣмъ льготы личнаго характера: по особымъ заслугамъ или съ цѣлью временнаго облегченія плательщиковъ (66—69). Последнія страницы (70—76) болѣе отвѣчаютъ заглавію отдѣла, но за то нѣсколько нарушаютъ его цѣльность: здѣсь идетъ рѣчь именно объ участіи разныхъ классовъ въ платежѣ лавочнаго оброка и чрезвычайныхъ процентныхъ сборовъ.

Изображеніе податныхъ привилегій служилаго сословія вышло у автора не совсѣмъ отчетливымъ. Причиной этого слѣдуетъ, кажется, считать то обстоятельство, что авторъ черезчуръ сжузилъ сферу изученія этихъ привилегій. Онъ слѣдитъ ихъ, по скольку онѣ проявляются въ личной свободѣ отъ податей служилаго чело-вѣка, въ свободѣ отъ податей его собственной усадьбы и его барской запашки. «Первоначально», по его мнѣнію, барская запашка облагалась наравнѣ съ крестьянской. Когда она перестала облагаться, изъ изложенія автора не видно; но съ конца 20-хъ годовъ XVII в., «со времени введенія подворной подати» — «дворъ служилаго чело-вѣка... освобождался отъ уплаты податей, которыя прежде взимались съ его пашни» (45). Все это построеніе совершенно гипотетическое; реформа 1620-хъ годовъ вовсе не была, какъ увидимъ, введеніемъ подворной подати и ничего не измѣнила въ податныхъ привилегіяхъ служилаго чело-вѣка; дворъ его былъ «бѣлымъ» и

раньше, а барская запашка (производимая крестьянскими руками) вряд-ли противопоставлялась когда либо крестьянской въ податномъ отношеніи. Игнорируя послѣднее обстоятельство, авторъ въ недоумѣніи останавливается передъ такими фактами, какъ платежъ мелкими помѣщиками, не имѣвшими крестьянъ, податей съ собственной запашки (52—3). «Какимъ образомъ, спрашиваетъ онъ, эти служилые люди, первоначально свободные отъ податей, вдругъ стали тяглыми?» Но прежде всего надо спросить автора: какимъ образомъ ему извѣстно, что они, какъ владѣльцы земли, первоначально были свободны?

Затрудненіе заключается въ данномъ случаѣ въ томъ, что податныхъ привилегій служилаго человѣка нельзя характеризовать, не говоря о податномъ положеніи его помѣстья и вотчины. Авторъ, очевидно, не хотѣлъ касаться этого предмета здѣсь, такъ какъ тогда пришлось бы говорить о «тягломъ населеніи» служилыхъ земель, о которомъ, по плану автора, рѣчь должна идти только въ слѣдующемъ отдѣлѣ.

Въ оглавленіи мы находимъ еще рубрику: «постепенное ограниченіе податныхъ привилегій служилаго класса». При указанномъ самоограниченіи автора рѣчь идетъ, конечно, не объ уменьшеніи служилыхъ привилегій въ собственной сферѣ ихъ сословной дѣятельности; авторъ приводитъ здѣсь лишь нѣкоторые факты, касающіеся ограниченій ихъ правъ на посадѣ, т. е. по отношенію къ другимъ общественнымъ группамъ. Подобное послѣднему замѣчаніе необходимо сдѣлать и относительно изображенія авторомъ податныхъ привилегій гостей и людей гостиной и суконной сотенъ. Авторъ слѣдитъ въ рядѣ фактовъ за выходомъ ихъ изъ тѣхъ корпорацій, откуда они переводятся въ свое званіе; оказывается дѣйствительно, что съ «черными людьми» своихъ прежнихъ тяглыхъ союзовъ они податей не платятъ; но изъ собственныхъ цитатъ автора видно, что за то они платятъ вмѣстѣ съ новой «своей братьей», — т. е. просто переходятъ изъ одной тяглой группы въ другую; и это не только «во второй половинѣ XVII в.» (стр. 50) но и въ первой (стр. 48, прим. 3). Впечатлѣнія «постепенности, съ которой ограничивались податныя привилегіи этого класса», изъ собранныхъ авторомъ данныхъ и здѣсь не получается (49—50).

Изображеніе податнаго состоянія несвободныхъ и полусвободныхъ слоевъ населенія также разбито между этимъ и слѣдующимъ отдѣломъ (54 и 152—3). Излагая податныя льготы дворцовыхъ ремесленниковъ, авторъ объясняетъ ихъ, съ одной стороны, служилымъ,

съ другой, несвободнымъ первоначально характеромъ дворцовой службы; послѣднее объясненіе основано на извѣстной уже намъ теоріи холопскаго происхожденія людей дворцовой службы, и мы довольствуемся первымъ. Переходя къ податнымъ привилегіямъ духовенства, авторъ отступаетъ отъ своего плана—говорить только о нетягломъ населеніи и на этотъ разъ касается крестьянскаго населенія духовныхъ земель. Не смотря на эту невольную уступку, здѣсь однакоже особенно чувствуется неполнота изображенія, принимающаго въ главу о «распредѣленіи податнаго бремени» только тѣ факты, которые свидѣтельствуютъ объ освобожденіи отъ податнаго бремени. Послѣ ряда данныхъ, приведенныхъ относительно монастырскихъ льготъ на стр. 58—64, мы дѣйствительно чувствуемъ потребность вмѣстѣ съ авторомъ замѣтить «не всѣ монастыри успѣвали освободиться отъ податнаго бремени!» Не далѣе какъ на слѣдующей страницѣ (65) авторъ излагаетъ челобитную 1684 г.; оказывается, что монастыри «платили не только наравнѣ съ вотчинниками и помѣщиками, но и съ великой прибавкой». Авторъ приписываетъ этотъ результатъ «ограниченію прежнихъ привилегій»; но мы припоминаемъ размѣры монастырской сохи, которые, конечно, не меньше свидѣтельствуютъ о «распредѣленіи податнаго бремени», чѣмъ тарханныя грамоты, и спрашиваемъ: развѣ когда-нибудь прежде монастыри платили меньше или даже столько же, какъ вотчинники и помѣщики?

Второй отдѣлъ первой главы, трактующій о «тягломъ населеніи», въ свою очередь подраздѣляется на четыре части: въ первой говорится о «крестьянской общинѣ» (76—112), во второй о «посадской» (112—132), въ третьей о «вліяніи правительства на составъ тяглою общины» (132—164), въ четвертой о борьбѣ посадскаго и крестьянскаго тяглаго населенія (164—179).

Мы уже разсматривали взгляды автора на происхожденіе тяглою общины и на ея разновидности на сѣверѣ, въ центрѣ и на югѣ Россіи (76—92). Намъ остается здѣсь отмѣтить любопытныя страницы о внутренней финансовой организаціи владѣльческой общины (92—96) и черезчуръ, къ сожалѣнію, краткія данныя объ устройствѣ однодворческихъ населеній (97). Покончивъ на этомъ съ организаціей податныхъ группъ, авторъ переходитъ къ изученію ихъ составныхъ элементовъ. Въ составѣ тяглою общины онъ различаетъ крестьянъ и бобылей; на послѣднихъ онъ останавливается подробнѣе и сообщаетъ немало важныхъ свѣдѣній, уясняющихъ ихъ хозяйственное и податное положеніе (100—104). Особо затѣмъ гово-

рить авторъ о половникахъ, относительно которыхъ полагаетъ, что «было время, когда половники не считались членами крестьянской тяглои общины, такъ какъ, повидимому, не тянули тягла». Этотъ выводъ автора показался «маловѣроятнымъ» М. А. Дьяконову (его рец. стр. 375); мы думаемъ однако, что авторъ правъ. Половникъ, рядившійся на короткій срокъ, чаще всего на одинъ трехпольный сѣвооборотъ, со своею «снастью», былъ случайнымъ гостемъ на владѣльческой землѣ, ничѣмъ съ ней не связаннымъ, кромѣ срока своей порядной. Если онъ и попадалъ въ писцовую книгу, то писался въ ней «въ особой статьѣ», а не «со крестьяны вмѣстѣ», «и платитъ велѣно» было съ половничьихъ дворовъ «особо» ¹⁾. Это и понятно, такъ какъ вступая въ договоръ, половникъ вовсе не обязывался, подобно крестьянину, «всякіе великаго государя подати платитъ съ сосѣдми вмѣстѣ или съ міромъ врьдъ, по сотной писцовой книгѣ»; онъ не обязывался также своего участка «впустѣ безъ жильца не покинуть», т. е. приискать на свое мѣсто новаго нанимателя ²⁾. Даже тогда, когда онъ садился на *тяглую* землю, онъ оставался тѣмъ же «наемнымъ человѣкомъ», который «пашеть по уговору»; естественно, что онъ зналъ только своего хозяина, а послѣдній, въ качествѣ владѣльца тяглаго участка, «платилъ дань и оброкъ, всякіе разметы» уже «мимо половника» ³⁾. Правъ авторъ и въ томъ, что въ концѣ XVII в. половники несутъ тягло на ряду съ крестьянствомъ; иногда такіе половники прямо даже носятъ названіе «черныхъ тяглыхъ половниковъ» и сами подраздѣляются на «крестьянъ и бобылей» ⁴⁾. Мы только не рѣшаемся утверждать вслѣдъ за авторомъ, что этой переменѣ въ податномъ положеніи соотвѣтствовала переменна въ хозяйственномъ положеніи половника, состоявшая въ «превращеніи его отношеній къ землевладѣльцу въ подневольныя» и вообще въ сближеніи половничества съ крестьянствомъ. Какъ видно и изъ того же только что вышедшаго XII тома Р. И. Библ. («Акты Холмогорской и Устюжской епархіи»), условія половническихъ порядныхъ остаются въ концѣ XVII в. совершенно тѣми же, какими были въ концѣ XVI в.; да иначе и быть не могло, такъ какъ сенатъ еще при Петрѣ Великомъ, вопреки желанію владѣльцевъ «чтобъ тѣхъ половниковъ укрѣпить за ними вовсе, какъ за помѣщиками», подтвер-

1) Рус. Ист. Библ. XII, 1195—6.

2) Ibid. 458.

3) Ibid. 141.

4) Ibid. 510, 512.

диль старинное право половниковъ — опредѣлять «записями», «кто къ кому и на сколько лѣтъ пойдетъ въ половничество» ¹⁾; и еще указомъ 31 декабря 1827 г. содержаніе этихъ «записей» было опредѣлено совершенно согласно съ содержаніемъ древнихъ порядныхъ, какъ срочный договоръ (отъ 6 до 20 лѣтъ), по которому половникъ исполняетъ всѣ земледѣльческія работы съ своими орудіями и скотомъ («пахать мнѣ половнику на своихъ половничьихъ конехъ; снасть всякая, которая въ пашнѣ понадобится, наша половничья, а сѣмена — казенныя» или «ватаманскія») и получаетъ готовый дворъ, но чинить его самъ («прирядъ») ²⁾.

Разсмотрѣвъ составные элементы тяглой общины, авторъ говоритъ въ заключеніе объ измѣненіяхъ, вызывавшихся въ ея составѣ какъ переходомъ ея членовъ изъ одного разряда въ другой, такъ и вступленіемъ новыхъ членовъ и выходомъ старыхъ (106—112). Особенно останавливается авторъ на условіяхъ вступленія новыхъ членовъ, рассматриваетъ содержаніе порядныхъ и поручныхъ и составъ поручителей (108—111).

По тому же самому плану изучаетъ авторъ далѣе «посадскую общину». И здѣсь, какъ въ сельской общинѣ, онъ отмѣчаетъ три типа городского населенія, соотвѣтствующіе сѣверу, центру и югу Россіи: сѣверно-русскій городъ, по его мнѣнію, есть торгово-промышленный и административный центръ, тѣсно связанный со своею областью; южный — военное поселеніе, «оторванное отъ уѣзда»; центральный — занимаетъ середину и характеризуется «довольно рѣзкимъ различіемъ между городскимъ и сельскимъ хозяйствомъ» (112—115). За исключеніемъ «оторванности отъ уѣзда» южнаго города, съ этой характеристикой можно вполне согласиться.

Далѣе авторъ рассматриваетъ посадъ со стороны его общественной организаціи и приходитъ къ заключенію, что «внѣ тяглыхъ интересовъ общинная связь между членами посадской общины была довольно слаба». Онъ отмѣчаетъ, впрочемъ, факты совмѣстнаго владѣнія общей городской землей, угодьями и даже промышленными заведеніями (118—119), собираетъ свѣдѣнія о передѣлахъ пашенной городской земли, но совершенно основательно предполагаетъ

---

¹⁾ Указы Петра Великаго, изд. 1777 г., стр. 997, слѣд.; перепечатано у Максимовича, Указ. зак. IV, 525—6; приговоръ состоялся 11 января 1725 г.; опубликованъ уже при Екатеринѣ I, 22 февраля 1725 г. и подъ этимъ числомъ, безъ мотивировки, напечатанъ въ П. С. З. № 4661.

²⁾ Второе П. С. З. II. № 1675 Ср. описаніе положенія половниковъ у Гакстаузена, Etudes, chap. VIII (245—256).

«вліяніе тягла на такое явленіе» (107); вполне соглашаемся и съ его замѣчаніями объ отсутствіи передѣловъ собственно городскихъ участковъ (116).

Разсмотрѣвъ затѣмъ дѣленіе посада на болѣе мелкіе союзы (120—122), авторъ переходитъ къ составнымъ элементамъ посадской общины, рассматриваетъ въ частности самостоятельныхъ тяглецовъ (122), посадскихъ бобылей (123—4), «не входившихъ, по его мнѣнію, въ посадскія тяглыя живущія чети», затѣмъ останавливается на дѣленіи самыхъ тяглецовъ на разряды «лучшихъ, среднихъ и младшихъ людей». «Это дѣленіе, говоритъ А. С. Лаппо-Данилевскій, основано было на различіи въ ихъ хозяйственномъ положеніи, т. е. въ большей или меньшей населенности двора того или другаго разряда и въ размѣрахъ животовъ его хозяина». Мы согласны съ первымъ и послѣднимъ признакомъ, но не думаемъ, чтобы принимался въ расчетъ второй: если большая населенность лучшихъ дворовъ и констатируется статистикой ихъ населенія, то только въ общемъ и цѣломъ, тогда какъ группировка по разрядамъ должна была производиться по признаку легко отличимому относительно каждаго отдѣльнаго двора. Такимъ внѣшнимъ признакомъ должно было служить скорѣе всего количество оклада, съ котораго платилъ каждый дворъ; а самъ этотъ окладъ опредѣлялся на дворъ при мірскомъ разрубѣ по животамъ и промысламъ, т. е. сообразно имущественному состоянію хозяина ¹⁾. Такимъ образомъ мало сказать, что «всѣ эти разряды были дѣленіями не только мѣстными, общинными, но и финансовыми» (126);—конечно, «хозяйственное положеніе разныхъ лицъ вырабатывалось мѣстной жизнью», но группировка всѣхъ этихъ лицъ, съ ихъ постоянно различными имуществами, въ три большія группы лучшихъ, среднихъ и младшихъ людей *только* и была вызвана фискальными цѣлями, такъ что самое дѣленіе, какъ мы его знаемъ въ это время, было *исключительно* финансовымъ дѣленіемъ, въ значительной степени случайнымъ, искусственнымъ и колеблющимся.

Естественно, что переходъ изъ разряда въ разрядъ «совершался безъ всякихъ затрудненій». Принятіе новыхъ членовъ въ посадъ, напротивъ, по мнѣнію автора, встрѣчало затрудненія со стороны общины, такъ какъ вступленіе новаго плательщика влекло за собою болѣе риска (въ случаѣ его ухода), чѣмъ выгодъ для общины.

---

¹⁾ Ср. у меня Гос. Хоз., стр. 16, примѣч. и у самого А. С. Лаппо-Данилевскаго, стр. 125.

Врядъ-ли однако можно принять это мнѣніе автора: нужно вспомнить только, что въ посадѣ XVII в. значительное число тяглыхъ дворовъ постоянно пустовало, и община платила за эту пустоту: новый плательщикъ не былъ лишнимъ тяглецомъ, а только пополнялъ союзъ прежнихъ, связанныхъ круговой порукой. Повидимому, высказанный авторомъ взглядъ имѣетъ спеціальную цѣлью объяснить приводимые имъ факты, свидѣтельствующіе о томъ, что «порука (по новыхъ тяглецахъ) иногда совершалась по приказу мѣстной администраціи», слѣдовательно, какъ бы противъ воли общины; но кажется, что для такого «приказа» могли существовать и другія, болѣе внѣшнія или случайныя причины.

Авторъ подробно изучаетъ далѣе составъ поручителей (128—9), поводы къ порукѣ (130), содержаніе поручныхъ записей (131). Случаями выхода изъ общины заканчивается разборъ измѣненій въ ея составѣ (131—2).

Третья часть разсматриваемаго отдѣла озаглавлена «вліяніе правительства на составъ тяглой общины». Авторъ разсматриваетъ здѣсь часть тѣхъ же явленій, о которыхъ говорилъ въ двухъ предыдущихъ отдѣлахъ: именно, измѣненіе состава тяглой общины вслѣдствіе вступленія новыхъ и выхода старыхъ членовъ. Но на этотъ разъ тѣ и другія измѣненія разсматриваются съ точки зрѣнія правительственнаго вліянія. Въ самой первой фразѣ этому вліянію придается характеръ нѣкотораго антагонизма съ общинной самостоятельностью; «развитіе (общинной самостоятельности) ограничено было вліяніемъ правительства, которое не могло согласить его съ интересами казны» (133). Но выше авторъ призналъ, что самостоятельность тяглой общины и была главнымъ образомъ связана съ предоставленными или точнѣе навязанными ей фискальными функціями, т. е. значить не только не противорѣчила интересамъ казны, но именно этими только интересами и поддерживалась. Въ частности, по отношенію къ поступленію новыхъ лицъ въ общину, авторъ находитъ, что «все болѣе и болѣе развивавшееся право (правительства) зачислять въ ея составъ новыя лица по собственному усмотрѣнію..... сильно подрывало значеніе общины въ этомъ отношеніи» (135). Ни откуда не видно, однакоже, во 1-хъ, чтобы это право дѣйствительно «все болѣе и болѣе развивалось», во 2-хъ, чтобы оно становилось въ разрѣзъ съ интересами общины.

Какъ самый яркій результатъ вліянія правительства на составъ тяглой общины, авторъ разсматриваетъ затѣмъ прикрѣпленіе. По-

добно Энгельману ¹⁾, онъ ставитъ его въ связь съ переписями; менѣе отчетливо, но все-таки проведено у него и то различіе, по которому перепись 1590-хъ годовъ, не будучи источникомъ крѣпости, сдѣлалась ея юридическимъ доказательствомъ, тогда какъ перепись 1646 г. «повела къ возможности повсемѣстнаго и единовременнаго прикрѣпленія всего тяглаго населенія къ мѣсту жительства», т. е. сама по себѣ была источникомъ прикрѣпленія.

Авторъ разсматриваетъ, такимъ образомъ, прикрѣпленіе, какъ фискальную мѣру, имѣвшую цѣлью установить «по возможности постоянный уровень платежныхъ силъ данной мѣстности» (135) что, однако, достигнуто было и помимо прикрѣпленія организаціей тяглыхъ союзовъ, связанныхъ репартиціонной системой и взаимнымъ поручительствомъ членовъ общины. Съ этой точки зрѣнія авторъ говоритъ и о «прикрѣпленіи» посадскихъ людей и даже о прикрѣпленіи, хотя неполномъ, черносошныхъ крестьянъ поморскихъ городовъ (137). Принявъ такой широкій смыслъ термина, — съ авторомъ вполне можно согласиться; но мы не знаемъ, что мы выигрываемъ, называя прикрѣпленіемъ вообще тяглую организацію населенія и лишая, такимъ образомъ, терминъ того специфическаго признака, который онъ имѣетъ въ приложеніи къ населенію *владельческихъ* земель.

Изложивъ большею частію уже извѣстныя свѣдѣнія о ходѣ прикрѣпленія посадскаго и крестьянскаго населенія (138—142), авторъ переходитъ затѣмъ къ тѣмъ смягченіямъ законодательства о бѣглыхъ, которыя дѣлались для бѣглецовъ, попавшихъ въ даточные люди, въ дворцовыя волости; къ условіямъ свободнаго передвиженія «пришлыхъ» рабочихъ и промышленныхъ людей (143—5). Далѣе разсматриваются другіе «способы избѣгнуть правительственнаго оклада», кромѣ бѣгства: прежде всего, переходъ въ разряды несамостоятельнаго хозяйственно населенія. Возможность такихъ переходовъ даетъ автору случай остановиться на самыхъ этихъ разрядахъ, къ которымъ онъ относитъ кабальныхъ холоповъ, дворниковъ, захребетниковъ, закладчиковъ и сосѣдей. Къ первымъ тремъ разрядамъ принадлежали, по его выраженію, «лица болѣе или менѣе несвободныя» (150). Неопредѣленности этого выраженія соотвѣтствуетъ и нѣкоторая неопредѣленность представленія автора о размѣрахъ ихъ «несвободы». Такъ авторъ подраздѣляетъ кабальныхъ холоповъ на дѣловыхъ и задворныхъ людей, оговариваясь при

---

¹⁾ Die Leibeigenschaft in Russland.

этомъ, что это—дѣленіе «не столько по юридическому, сколько по экономическому положенію» (147). Последнее замѣчаніе справедливо въ болѣе широкой степени, чѣмъ думаетъ авторъ: дѣйствительно, обѣ группы не только порознь, но и вмѣстѣ—чисто экономическія и — по крайней мѣрѣ послѣдняя не только не состоитъ изъ кабальныхъ холоповъ спеціально, но даже и не изъ однихъ холоповъ вообще. Переписныя книги второй половины вѣка, когда и развились эти группы, рядомъ съ задворными и дѣловыми людьми, служащими по служилой кабалѣ¹⁾, знаютъ и «купленныхъ» и «полонныхъ» холоповъ²⁾, и холоповъ—«старинныхъ», «приданныхъ» и по женитьбѣ на крѣпостныхъ дѣвкахъ³⁾, наконецъ, холоповъ по запискѣ въ приказѣ⁴⁾ или съѣзжей избѣ; но рядомъ съ ними сплошь да рядомъ въ составѣ задворныхъ людей встрѣчаются не холопы, а крестьяне, крѣпкіе по старымъ писцовымъ и переписнымъ книгамъ⁵⁾. Авторъ самъ нечаянно указалъ на послѣдній элементъ въ составѣ задворныхъ людей, упомянувъ о полученіи ими участка по «ссудной записи». Форма договора, обозначаемая этимъ именемъ, вообще слишкомъ мало обратила на себя вниманія нашихъ историковъ-юристовъ. Еще недавно незнакомство съ ней ввело въ нѣкоторыя недоразумѣнія проф. Сергѣевича (Юрид. Древности). Ссудная запись есть въ сущности старая крестьянская порядная, но съ замѣной прежней крестьянской «подмоги» «ссудой» и съ превращеніемъ временныхъ отношеній порядной въ постоянныя, — сообразно характеру времени, когда явилась эта форма. Правда, проф. Сергѣевичъ полагаетъ, что «ссуда» есть не подмога, а заемъ и, какъ таковой, не подлежитъ внесенію въ порядную (стр. 202); ссудную запись онъ, повидимому, и склоненъ считать простой долговой распиской, «ростовой» или «заемной кабалой» (ср. стр. 203 съ стр. 250—51), независимой отъ порядной. Но это обстоятельство и заставляетъ насъ думать, что образцы ссудныхъ записей остались неизвѣстны проф. Сергѣевичу. «Заемъ есть процентный долгъ, кото-

1) Извлеченія изъ переписныхъ книгъ, составл. И. Е. Замысловскимъ въ Лѣтоп. Зан. Арх. Ком., вып. VIII, стр. 134, пр. 6; 143, пр. 7; 144, пр. 9; 153, пр. 1 и 7; 164—5, пр. 1; 231, пр. 2.

2) Ibid. 136, прим. 2; 139, пр. 1; 143, пр. 1 и 2; 144, пр. 3 и 4; 145, пр. 1; 152, пр. 2; 157, пр. 8; 222, пр. 1.

3) Ibid. 116, пр. 3; 136 пр. 2; 140, пр. 7; 141, пр. 1; 142, пр. 7; 143, пр. 7; 152, пр. 2; 153, пр. 1; 157, пр. 8; 158, пр. 9; 176; пр. 4.

4) Ibid. 141, пр. 7; 142, пр. 7; 143, пр. 1; 156, пр. 6.

5) Ibid. 140, пр. 5; 142, пр. 3 и 6; 152, пр. 2 и 6; 154, пр. 1; 157, пр. 4; 158, пр. 9.

рый погашается уплатой полученнаго займа капитала», говоритъ совершенно основательно проф. Сергѣевичъ. *Суда* же не есть процентный (ростовой) долгъ и не погашается уплатой, представляя этой своей чертой несомнѣнное сходство съ безпроцентнымъ займомъ служилой кабалы, по которой даже *запрещалось* уплачивать. Полемизируя съ проф. Ключевскимъ, проф. Сергѣевичъ старался доказать, что между крестьянской порядной и холопской служилой кабалой не было ничего средняго (Юрид. Др. 259 и слѣд.); между тѣмъ эту середину и занимаетъ игнорируемая проф. Сергѣевичемъ ссудная запись. Собственно самъ проф. Сергѣевичъ знаетъ и показываетъ, что послѣ крестьянскаго прикрѣпленія порядныя нѣсколько измѣнили свое содержаніе; именно, въ нихъ вошло условіе, по которому порядившійся не имѣетъ права уходить (248—249). Къ сожалѣнію, онъ не отмѣтилъ еще одного документа А. Юр. (№ 203, II), въ которомъ это условіе выражено особенно ярко и прямо поставлено въ связь съ ссудой; названный документъ и есть ссудная запись, хотя и напечатанная издателями подъ названіемъ порядной «Се язъ Н. Н. взялъ есмѣ я на ссуду. . . . пять рублей на лошадь и на коровы и на иную мелкую скотину и на всякую домовую посуду. . . ; и съ той мнѣ ссудой никудѣ не сходить и ни за кого не заложиться и крѣпостей никому никакихъ на себя не давать, *потому что я крѣпокъ по сей ссудной записи* за Тихфинскимъ монастыремъ. А будетъ я. . . . съ той ссудой. . . . сбѣгу. . . ,—имѣ. . . . меня. . . . по сей ссудной записѣ взять вольно, гдѣ они меня сыщутъ» (1678 г. ¹).

Итакъ, ссудная запись есть приспособленная къ новому положенію крестьянства (но, конечно, не устанавливавшая этого положенія) *крестьянская* порядная. Лицо, давшее на себя ссудную запись, не было холопомъ, и «несвободнымъ» было лишь настолько, насколько вообще было «несвободно» тогдашнее крестьянство.

Далѣе А. С. Лаппо-Данилевскій останавливается на положеніи «дворниковъ», которое совершенно основательно ставитъ въ связь съ условіями «жилой записи» (147—9), и захребетниковъ (150); на «закладчикахъ» и «сосѣдяхъ», соединяемыхъ въ одну группу, очевидно, по ихъ большей хозяйственной самостоятельности (150—51); на слѣдующей страницѣ, однако, онъ принимаетъ уже другую группировку по податному положенію: захребетники, сосѣди и дворники,

---

¹) Ср. ссудныя записи въ собр. Бѣляева въ Рум. муз. Опис. Лебедева, стр. 79.

какъ подлежащія мірской раскладкѣ, противопоставляются здѣсь задворнымъ людямъ и закладчикамъ, которыхъ, по зависимости ихъ отъ бѣломѣстцевъ, «не удавалось вовлечь въ мірскую раскладку» (152). Задворные люди, смѣшаннаго состава которыхъ авторъ, какъ мы видѣли, не замѣчаетъ, постоянно носятъ здѣсь не существующее въ источникахъ названіе «задворныхъ холоповъ»¹⁾. И податную исторію ихъ авторъ старается построить на противоположеніи ихъ крестьянамъ въ началѣ и сближеніи съ ними въ концѣ вѣка; но самъ же указываетъ, что «уже въ началѣ XVII в. подати платили тѣ и другіе»²⁾. Сборъ пятинныхъ денегъ 1662—3 г. «съ людей разныхъ землевладѣльцевъ» не относится къ податной исторіи ни задворныхъ людей, ни въ частности холоповъ, документъ говоритъ о людяхъ, *которые торгуютъ*, т. е. о прикащикахъ землевладѣльцевъ завѣдующихъ ихъ коммерческими операціями. Привлеченіе задворныхъ и дѣловыхъ людей къ податямъ, въ качествѣ цѣлыхъ отдѣловъ крестьянскаго класса, становится несомнѣннымъ только съ 1678 г., и трудно сомнѣваться въ томъ, что ихъ появленіе въ качествѣ плательщиковъ связано съ составленіемъ переписныхъ книгъ этого года; на этомъ фактѣ, также какъ и на причинахъ быстрого роста этихъ элементовъ въ составѣ крестьянства къ концу XVII в., слѣдовало бы остановиться подробнѣе.

---

1) Терминологія до нѣкоторой степени освященная употребленіемъ ея такимъ специалистомъ, какъ В. О. Ключевскій. Проф. Ключевскій также думаетъ, что «задворное холопство во второй половинѣ XVII в. изъ хозяйственнаго состоянія нѣкоторыхъ кабалныхъ людей» превратилось «въ особый юридическій видъ крѣпостной зависимости»; сообразно съ этимъ онъ полагаетъ, что «это холопство укрѣплялось... особою задвornoю ссудною записью» и что «задворная крѣпость сама по себѣ служила достаточнымъ средствомъ прикрѣпленія». По нашимъ представленіямъ, однако, и къ концу XVII в. задворные люди не успѣли составить цѣльнаго юридическаго состоянія; мы въ текстѣ старались показать противъ Сергѣевича, что ссудная запись есть приспособленіе къ новому несвободному состоянію крестьянства — старой крестьянской порядной; но съ другой стороны, мы не думаемъ, чтобъ существовала особая отъ крестьянской «задворная ссудная запись», специально устанавливавшая «задворное холопство». Юридическое сближеніе свободныхъ и несвободныхъ состояній въ предѣлахъ XVII в. идетъ, по нашему представленію, во всякомъ случаѣ дальше, чѣмъ соглашается допустить проф. Сергѣевичъ, но, вѣроятно, оно не идетъ такъ далеко, какъ полагалъ проф. Ключевскій. Р. Мысль, 1886, X, Подушная подать и отмѣна холопства въ Россіи. IV. Задворные люди. Ср. Госуд. Хозяйство Россіи, стр. 642—643.

2) Фактъ, указанный въ прим. 2, стр. 153, не можетъ свидѣтельствовать о «равноправности дворовыхъ холоповъ и задворныхъ людей въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ», потому что о первыхъ здѣсь ничего не говорится.

«Закладничество», т. е. залогъ и отчужденіе недвижимаго имущества, представляется выходомъ изъ тягла въ томъ случаѣ, если тяглый участокъ переходитъ по закладной къ бѣломѣстцу. На борьбѣ тяглою общины и правительства противъ такихъ переходовъ и останавливается авторъ на стр. 154—157. Затѣмъ разсматривается переходъ тяглыхъ людей въ священство (158), въ служилое сословіе (158—60), какъ средство избѣгнуть тягла; въ заключеніе авторъ подробно изображаетъ процедуру правительственнаго «сыска», имѣвшаго цѣлью вернуть тяглою общинѣ покинувшихъ ее членовъ (161—4).

Четвертая часть втораго отдѣла изучаетъ «борьбу тяглыхъ интересовъ городского и сельскаго населенія». Можно безусловно согласиться съ авторомъ, что первое условіе этой борьбы заключается въ «обособленіи хозяйственныхъ выгодъ и сословныхъ правъ городского и сельскаго населенія» (165), другими словами, въ различіи хозяйственнаго и правоваго положенія жителей города и деревни. Но едва-ли правъ авторъ, полагая, что это обособленіе совершилось въ предѣлахъ XVII столѣтія. «Въ первой половинѣ XVII в. городъ еще мало выдѣлялся изъ уѣзда въ какомъ бы то ни было отношеніи», говоритъ онъ; «конечно, промышленность и торговля были *болѣе значительно* развиты на посадѣ и *почти совершенно отсутствовали въ уѣздѣ*, . . . но все же можно сказать, что посадскій человекъ, часто находившійся въ сношеніяхъ съ уѣздомъ, далеко не оторванный отъ почвы, въ первой половинѣ XVII в. еще во многомъ напоминалъ своимъ хозяйствомъ простаго крестьянина, землепашца» (165—6). Мы видимъ, какъ сомнительность вывода чувствуется, очевидно, самимъ авторомъ и отражается на самой редакціи фразы. Дѣйствительно, авторъ самъ хорошо знаетъ, что «уже въ первой половинѣ XVII в. встрѣчаются указанія . . . на довольно рѣзкое различіе между посадомъ и уѣздомъ»; важность этихъ указаній отнюдь не уменьшается вслѣдствіе того, что авторъ въ интересахъ своего общаго взгляда объявляетъ ихъ «едва-ли вполне достовѣрными» (169).

Какъ бы то ни было, много или мало отличается городъ отъ села въ началѣ XVII в.; а priori естественно предположить, что къ концу вѣка разница эта стала еще значительнѣе. Дѣйствительно, авторъ говоритъ далѣе объ извѣстныхъ законодательныхъ мѣрахъ, «впервые проведенныхъ ясную и рѣзкую черту между городомъ и уѣздомъ въ *юридическомъ* отношеніи» къ серединѣ столѣтія. При этомъ онъ сообщаетъ любопытный фактъ, что, благодаря мѣ-

рамъ, принятымъ Уложеніемъ къ возвращенію старыхъ тяглицевъ, въ первые три года возвращено было въ посадское тягло до 10.095 дворовъ и 21.036 человекъ торговыхъ, промышленныхъ и ремесленныхъ людей (очевидно, главнымъ образомъ, изъ сосѣднихъ съ посадомъ владѣльческихъ слободъ); вѣроятно, и значительное количество крестьянъ должны были оставить торговлю. Городъ отъ этого не становился, конечно, менѣе сельскимъ или болѣе торговымъ; мѣнялся не характеръ занятій его жителей, а ихъ составъ.

Другой признакъ возрастанія «особенностей городского и сельского хозяйства» съ теченіемъ столѣтія авторъ видитъ въ переводѣ уплаты стрѣлецкаго хлѣба съ посадовъ на деньги въ концѣ XVII в. Какъ увидимъ въ слѣдующемъ отдѣлѣ, доводъ этотъ вытекаетъ изъ неяснаго представленія автора объ исторіи стрѣлцкой подати.

Авторъ переходитъ затѣмъ къ главному предмету этого отдѣла: къ борьбѣ городскихъ и уѣздныхъ тяглыхъ союзовъ. Наиболѣе распространенный видъ такой борьбы—борьба изъ-за отдѣльных тяглицевъ, переходившихъ изъ одной общины въ другую, принимаемыхъ одной и требуемыхъ обратно другой, — по частямъ уже разсматривался въ другихъ отдѣлахъ; здѣсь авторъ останавливается на другомъ видѣ борьбы, именно на столкновеніяхъ городской и уѣздной тяглой общины изъ-за общей раскладки и взиманія податей. Городская и уѣздная община соединялась для общаго обложенія только въ черныхъ волостяхъ сѣвера; такимъ образомъ, и борьба этого рода есть явленіе мѣстное; тѣмъ не менѣе она очень любопытна и до сихъ поръ, сколько помнится, не была отмѣчена въ нашей литературѣ. Весьма интересенъ также и результатъ этой борьбы, указываемый авторомъ: появленіе всеуѣздной податной организаціи, независимой отъ посадской избы (173—6).

2. Податная система.

Особаго отдѣла, посвященнаго податной системѣ XVII в., въ изслѣдованіи А. С. Лаппо-Данилевскаго мы не находимъ. До нѣкоторой степени его замѣняютъ отдѣлы II и III Введенія (18—43), гдѣ трактуется о «попыткахъ упрощенія системы прямыхъ налоговъ до конца XVII в.» и о «терминологіи и классификаціи прямыхъ налоговъ въ XVII в.» Говоря объ отдѣльныхъ налогахъ только попутно, по поводу спеціальныхъ вопросовъ, разбираемыхъ въ этихъ отдѣлахъ, авторъ не имѣетъ возможности остановиться на исторіи и характеристикѣ даже самыхъ важныхъ податей XVII в.;

отсюда является нѣкоторая неясность и во впечатлѣніи читателя и въ представленіяхъ самого автора въ теченіе всего остального изложенія.

Прежде всего, авторъ не ставитъ прямо и не даетъ опредѣленнаго отвѣта на необходимый вопросъ: что случилось съ податями XVI в.? На отдѣльныя новыя явленія въ сферѣ податной системы онъ указываетъ въ разныхъ мѣстахъ и этимъ самымъ какъ бы заставляетъ предполагать, что то, о чемъ онъ не говоритъ, осталось по-старому. Старыя названія податей, дѣйствительно, существуютъ по-прежнему, и оклады ихъ остаются старые, и, однакоже, всѣ эти подати вмѣстѣ составляютъ въ XVII в. самую ничтожную часть государственныхъ поступлений, сливаются въ одну группу «данныхъ денегъ» и представляютъ какой-то анахронизмъ въ финансовой системѣ XVII в., а въ мѣстностяхъ, впервые заселенныхъ въ XVII в., и вовсе отсутствуютъ ¹⁾. Была, очевидно, помимо частныхъ перемѣнъ какая-то общая причина, которая сразу уничтожила финансовое значеніе старой податной системы и обрекла ее на медленное умираніе, нисколько не затронувъ при этомъ ни существованія, ни даже размѣровъ отдѣльныхъ, входившихъ въ ее составъ податей.

Такой общей причиной было, какъ можно догадываться, сильное паденіе покупной стоимости денегъ, въ связи съ одновременнымъ увеличеніемъ необходимыхъ расходовъ на военныя нужды въ смутное время и въ первые годы царствованія Михаила Федоровича. В. О. Ключевскій, изучая исторію русскаго рубля, констатировалъ страшное повышеніе цѣнъ на хлѣбъ за это время и одновременное уменьшеніе рыночной стоимости рубля до $\frac{1}{5}$ или $\frac{1}{6}$ прежняго размѣра ²⁾. Такимъ образомъ, доходы казны упали какъ разъ въ то время, когда требовалось особенное ихъ увеличеніе. Въ результатѣ должны были появиться или новые оклады старыхъ налоговъ или новые налоги. Правительство, привыкшее искать на спеціальныя нужды и спеціальныхъ средствъ удовлетворенія, прибѣгнуло къ послѣднимъ.

Особенно отчетливо можно наблюдать процессъ перехода отъ старыхъ къ новымъ налогамъ въ исторіи ямской подати. Старая ямская подать продолжаетъ взиматься и въ XVII в. по-прежнему окладу—10 р. съ сохи, или, считая въ сохѣ 800 четвертей, по $2\frac{1}{2}$

---

¹⁾ Гос. Хоз. 23, 6—7.

²⁾ Русскій рубль, 48—51, 72.

деньги съ чети; по отпискамъ Гарелинскаго собранія можно прослѣдить, какъ въ этомъ размѣрѣ ямскія деньги уплачиваются «по старымъ книгамъ» вплоть до переписи 1678 г., по окончаніи которой онѣ были уничтожены¹⁾. Но рядомъ съ ними и независимо отъ нихъ появляется новый ямской окладъ «московскимъ и другихъ городовъ охотникамъ на жалованье» въ огромномъ сравнительно съ прежнимъ размѣрѣ. Представляемъ таблицу колебаній этого новаго ямскаго оклада въ теченіе XVII в.²⁾.

1616	съ сохи	280.			
1617	»	»	350.		
1618	»	»	800,	съ чети	1 руб. — коп.
1619	»	»	800,	»	1 » — »
1620	»	»	800,	»	1 » — »
1621	»	»	584,	»	— » 73 »
1622	»	»	468,	»	— » 58 ¹ / ₂ »
1625	»	»	468,	»	— » 58 ¹ / ₂ »
1628	»	»	468,	»	— » 58 ¹ / ₂ »
1629	»	»	468,	»	— » 58 ¹ / ₂ »
1630	»	»	400,	»	— » 50 »
1631	»	»	400,	»	— » 50 »
1632	»	»	400,	»	— » 50 »
1633	»	»	400,	»	— » 50 »
1636	»	»	(534)	»	— » 66 ³ / ₄ »
1637	»	»	(534)	»	— » 66 ³ / ₄ »
1640	»	»	(534)	»	— » 66 ³ / ₄ »
1644	»	»	(784)	»	— » 98 »

1) Рум. муз. Гарелинск. отписки, грамота 1607 г., марта 27: Костромскіе губные старосты взяли съ вотчины Головцына съ 8 четей ямскихъ денегъ въ десять рублей съ сохи 3 алт. 2 деньги. Тамъ же въ отпискахъ Ростовск. уѣзда помѣстья Костюриныхъ ямскія деньги взимаются постоянно въ этомъ размѣрѣ (2¹/₂ деньги съ чети); въ послѣдній разъ въ отпискѣ 1677 г. «по старымъ книгамъ» (т. е. 1620-хъ годовъ).

2) Таблица составлена по отпискамъ Гарелинскаго собранія, которыя, къ сожалѣнію, нельзя цитировать порознь, такъ какъ онѣ не занумерованы. Въ 1636 г. отписка отмѣчаетъ, что окладъ назначенъ «по новымъ писцовымъ книгамъ». Съ 1680 г. берется по 10 денегъ съ двора «по новымъ переписнымъ книгамъ»: это соединенные оклады ямскихъ съ полонянничными. Большая часть Гарелинскихъ отписокъ относится къ посаду Шуѣ и къ помѣстью Марьи Костюриной и ея сыновей Михаила и Тихомира. Для 1618 — 1622 г. ср. также А. А. Э. III, №№ 116, 121. См. также Гос. хоз., стр. 8, прим. 1. Цифры въ скобкахъ прибавлены по расчету.

1646 съ сохи (784) съ чети — руб. 98 коп.

1647 до 1680 г. въ этомъ размѣрѣ.

Послѣ появленія новой подати «охотникамъ на жалованье», старая ямская подать получаетъ названіе *малыхъ* ямскихъ — въ отличіе отъ большихъ. Таково происхожденіе этихъ названій, которыя авторъ ведетъ, какъ мы видѣли, отъ княжескаго и татарскаго яма предыдущихъ столѣтій.

Совершенно параллельныя явленія съ исторіей ямской подати представляетъ другая важнѣйшая подать XVII в., стрѣleckая. Эта подать обратила на себя нѣсколько болѣе вниманіе автора, чѣмъ ямская; но и ея исторія осталась отчасти невыясненной, отчасти невѣрно представленной въ изложеніи автора. Прежде всего, какъ замѣтилъ уже М. А. Дьяконовъ, остается неразъясненнымъ ея происхожденіе. Изъ слишкомъ общаго выраженія автора по этому поводу (на стр. 10) видно, что происхожденіе ея онъ во всякомъ случаѣ возводитъ къ XVI вѣку. Но мы не нашли тамъ стрѣleckой подати, а нашли только ея предшественницу «пищальныя деньги». Подобно малымъ ямскимъ, и пищальныя продолжаютъ взиматься въ XVII в., часто съ ними вмѣстѣ, до уничтоженія тѣхъ и другихъ въ 1679 году. Но помимо нихъ вновь появляется въ одно время со сборомъ «на жалованье ямскимъ охотникамъ московскимъ и другихъ городовъ» другой сборъ «на жалованье казакамъ и стрѣльцамъ московскимъ и другихъ городовъ». Первые извѣстія о немъ мы находимъ въ 1615—1616 гг.; окладъ его, подобно большимъ ямскимъ, постоянно колеблется; таблицу этимъ колебаніямъ по документамъ Устюж. и Новгор. четей мы представили въ своей работѣ (стр. 55—7). Важнѣйшая особенность стрѣleckой подати сравнительно съ ямской заключается въ томъ, что, въ видѣ постоянного денежнаго налога, она взимается исключительно съ нѣкоторыхъ посадовъ и уѣздовъ сѣверной Россіи, а также съ нѣкоторыхъ мѣстностей Казанскаго дворца¹⁾; въ другихъ мѣстностяхъ

---

¹⁾ Въ рк. Публ. Библ. Q, XVII, 87 мы нашли интересныя свѣдѣнія о сферѣ распространенія стрѣleckой подати. Здѣсь читаемъ (л. 64):

«а въ Стрѣleckомъ приказѣ вѣдомы стрѣleckимъ сборомъ 92 города (sic: чк)

Дворцовыхъ сель — 31 городъ

Приказу Казанскаго Дворца и съ государевыми дворцовыми селы — 8 городовъ.

Новгородскіе чети вѣдомы 11 городовъ.

Устюжской чети вѣдомы — 5 городовъ:

она не приобрѣла значенія постоянной денежной подати, взималась хлѣбомъ и только въ нѣкоторые годы, по особымъ указамъ правительства (или челобитьямъ плательщиковъ), замѣнялась денежными взносами по казенной таксѣ. Изъ приложенной таблицы ¹⁾ легко

А сошнаго письма, которые города вѣдомы въ Стрѣлецкомъ приказѣ:

Приказу Казанскаго Дворца и Новгородскіе чети и Устюжскія въ городѣхъ и дворцовыхъ селъ и на Волгѣ 45.000 сохъ и 414 чети».

Далѣе помѣщенъ расчетъ государева жалованья сотнику, пятидесятнику, десятнику, стрѣльцу; переводъ юфти хлѣба «по цѣнѣ прошлыхъ лѣтъ» по 63¹/₂ коп. (выше л. 61: «присылають изъ Дворца за четверть ржи за четь овса по 1 р. 30¹/₂ к. за юфть»), затѣмъ (л. 74—80) расчетъ величины стрѣлцкой подати: съ помѣстной вотчинной (800 ч.) и монастырской (600) сохи по 900 рублей, а съ четверти — помѣстной и вотчинной 1 р. 12¹/₂ коп. (¹/₃₀₀), а монастырской 1 р. 50 к. (¹/₆₀₀); съ дворцовой сохи (800 четей) — 228 руб., съ четверти—28¹/₂ коп.

Время рукописи опредѣляется, кромѣ характера вѣдомства Стрѣлецкаго приказа (см. выше, стр. 000) также выпиской изъ указа писцамъ московскаго уѣзда 1680 г. (188 г.) на л. 80 об. и подписью владѣльца (л. 30—42): сіе землемѣріе стольника князя Матвѣя Михайловича Гагарина; писалъ своею рукою (т. е. подпись)». Кн. М. М. Гагаринъ былъ стольникомъ въ 1686—1692 годахъ. Любопытно, что помѣстный окладъ 112¹/₂ коп. существовалъ до 1661 года (см. слѣд. прим.); и дворцовый окладъ 228 р. съ сохи есть старый окладъ до 1660 г. (Гос. Хоз. 57). И цѣна юфти приведена для конца XVII в. черезчуръ архаическая. Очевидно, *содержаніе* рукописи относится къ болѣе раннему времени.

¹⁾ Составлена на основаніи Гарелинскихъ отписокъ въ уплатѣ хлѣбной и денежной подати съ помѣстья Костюриныхъ и съ посада Шуи. Въ графѣ хлѣбныхъ взносовъ приведено количество хлѣба въ четвертяхъ и ея доляхъ (осмина = ¹/₂; четверикъ = ¹/₈); въ графѣ денежныхъ взносовъ — размѣръ взноса съ *живущей четверти* (въ копѣйкахъ).

	Помѣстье.		Посадъ.	
	Хлѣбный	денежный	Хлѣбный	денежный
	взносъ.		взносъ.	
1628	—	10	—	—
1629	—	10	—	10
1630	—	10	—	—
1631	—	10	—	—
1632—3	—	10	—	—
1635	¹ / ₈	—	—	—
1636	—	—	¹ / ₈	—
1637	¹ / ₄	—	—	—
1638	—	—	—	70
1639	¹ / ₄	—	—	—
1640	¹ / ₄	—	—	—
1642	—	—	—	84
1646	—	—	—	84

видѣть, однако, что годы взиманія стрѣлцкой подати хлѣбомъ или деньгами чередовались цѣлыми рядами: въ нашихъ двухъ примѣрахъ подать взималась деньгами въ 1628—33 годахъ; хлѣбомъ въ

	<i>Помѣстье.</i>		<i>Посадъ.</i>	
	Хлѣбный	денежный	Хлѣбный	денежный
	взносъ.		взносъ.	
1647	—	82	—	84
1648	—	82	—	—
1650	—	—	—	84
1652	—	82	—	—
1655	—	112 ¹ / ₂	—	—
1658	—	112 ¹ / ₂	—	—
1659	—	—	—	112 ¹ / ₂
1660	—	112 ¹ / ₂	—	112 ¹ / ₂
1662	—	—	7/8	—
1663	1 ³ / ₄	—	1 ³ / ₄	—
1664—5	—	—	1 ³ / ₄	—
1666—7	1 ³ / ₄	—	1 ³ / ₄	—
1668, 1670	—	—	1 ³ / ₄	—
1671	—	—	—	84
1673	4 ¹ / ₂	—	—	—
1675	—	—	—	350
1676—77	4 ¹ / ₂	—	—	350
1678—79	—	—	—	350
1680—81	—	—	—	съ двора 150
1682—88 съ двора	1/8	—	—	» 130

При 1673 г. Отписка сама упоминаетъ о томъ, что кромѣ хлѣба «старого» собирается еще «прибавочный», очевидно, по указу 1672 г. Самый этотъ указъ (А. А. Э. IV, 189) показываетъ слѣдующіе старые и новые хлѣбные оклады: 1) для *дворцовыхъ* селъ: стар. $\frac{3}{16}$, прибавочн. $\frac{127}{32}$, итого $\frac{29}{32}$ (sic вм. $\frac{21}{32}$). 2) для *патріаршихъ, архіерейск. и монастырскихъ* — стар. $\frac{21}{3}$, прибав. $\frac{127}{32}$, итого $\frac{417}{96}$; 3) для *помѣстныхъ и вотчинныхъ*, что вѣдомы въ Стрѣл. пр. и приказѣ Казанск. дворца—стар. $\frac{13}{4}$, приб. $\frac{127}{32}$ итого $\frac{319}{32}$ чети ржи, овса тожъ. Если перевести окладъ 3 р. 50 к. (1675—79) на количество дворовъ, которое оказалось въ Шуѣ по переписнымъ книгамъ 1678 г. (203 двора; раньше Шуя платила съ 25 живущихъ четвертей), что придется на дворъ $\frac{431}{10}$ коп.; итакъ, по крайней мѣрѣ въ настоящемъ случаѣ, введеніе подворной подати сводилось къ очень значительному повышенію стрѣлцкой (съ $\frac{431}{10}$ коп. до 1 р. 50 к.). Окладъ 1 р. 30 к. есть «новый гостинъ окладъ», установленный въ 1681 году. Въ послѣднемъ окладѣ (измѣняющемся по городамъ) стрѣлцкая подать перешла отъ четей къ ратушѣ. Хлѣбный окладъ 1682—88 равнялся $\frac{1}{8}$, кажется, только въ замосковныхъ городахъ, въ заочкихъ онъ былъ выше = $\frac{3}{16}$, а въ заволжскихъ—ниже = $\frac{1}{16}$; въ 1688 г. вездѣ уравниенъ до $\frac{3}{16}$ (А. А. Э. IV, № 299). Въ то же время уравниены до высшаго размѣра хлѣбные оклады дворцовыхъ и монастырскихъ земель, колебавшіеся съ 1680 г. по тѣмъ же

1635—7; въ 1640-хъ и 50-хъ годахъ опять деньгами, въ 1660-хъ опять хлѣбомъ, и только съ 1670-хъ годовъ посадъ регулярно платитъ деньгами, а помѣстье—хлѣбомъ. Хлѣбный окладъ постепенно повышался и дошелъ съ четверика (ржи, овса тожъ) до $4\frac{1}{2}$ четвертей; сообразно этому повышалась и денежная стоимость оклада. Переводъ на деньги совершался, разумѣется, по довольно высокимъ цѣнамъ, — въ 1628 — 33 гг. по 10 коп. за четверикъ ржи и четверикъ овса, т. е. 80 коп. за «юфть» (четверть ржи и четверть овса). Въ первые годы расчетъ стрѣлецкаго платежа за хлѣбъ съ *живущей чети* сдѣланъ былъ, вѣроятно, по соотвѣтствію съ денежнымъ окладомъ сѣверной стрѣлецкой подати, падавшимъ на *соху*: если принимать 800 четвертей въ сохѣ, то окладъ въ 10 коп. съ чети даетъ 80 руб. на соху; окладъ въ четверикъ ржи, овса тожъ, — будетъ соотвѣтствовать 100 юфтямъ въ сохѣ, т. е. тому именно количеству, которое собиралось и съ сѣверной сохи въ первые годы учрежденія стрѣлецкой подати, но переводилось тамъ на деньги по нѣсколько болѣе высокой цѣнѣ — 90 коп. и 1 р. за юфть, такъ что и денежный окладъ равнялся не 80, а 90 и 100 р. (Гос. хоз. 56). Но начавшись съ этого очевиднаго тожества, исторія окладовъ сѣверной «стрѣлецкой» подати и денежнаго сбора «за стрѣлецкій хлѣбъ» надолго разошлась, какъ можно убѣдиться изъ сравненія приведенной здѣсь таблицы съ таблицей въ Гос. хоз., стр. 57; если только можно, впрочемъ, сравнивать двѣ столь различныя окладныя единицы, какъ соха и живущая четверть, давно уже переставшая быть дѣйствительной четью пашни.

А. С. Лаппо-Данилевскій не видитъ указаннаго различія между стрѣлецкими деньгами и деньгами за стрѣлецкій хлѣбъ. Сопоставляя поэтому въ таблицѣ окладовъ стрѣлецкой подати (стр. 534) данныя, относящіяся къ обоимъ видамъ налога, онъ лишается возможности уловить какое бы то ни было однообразіе въ движеніи этихъ окладовъ. Между тѣмъ изъ шести цитатъ, касающихся въ этой таблицѣ мѣстностей, находящихся внѣ территоріи сѣверной стрѣлецкой подати, — въ четырехъ сами цитируемые документы указываютъ, что денежный сборъ составляетъ замѣну хлѣбнаго (Арзамасъ, Кашира, Суздаль и «понизовые города», подъ которыми,

---

областямъ: *дворцовыхъ* въ зоцкихъ $\frac{5}{16}$ до и послѣ 1688 г., въ замосковныхъ и низовыхъ въ 1680—88 — $\frac{1}{4}$, въ заволжскихъ $\frac{3}{16}$; *монастырск., патриарш. и архіерейск.*: въ зоцкихъ $\frac{7}{16}$ до и послѣ 1688 г., въ замосковныхъ и низовыхъ въ 1680—88 — $\frac{3}{8}$, въ заволжскихъ — $\frac{5}{16}$ (все размѣры выведены по А. А. Э. IV, № 299).

по справкѣ съ источниками, слѣдуетъ разумѣть тотъ же Арзамасъ). Впрочемъ, и при этомъ смѣшеніи разнохарактерныхъ данныхъ, повышение стрѣleckаго оклада представилось бы болѣе равномернымъ, если бы авторъ поставилъ противъ «Суздаля» 1634 г. не ошибочную цифру 480, а просто 80, какъ вытекаетъ изъ документа, и если бы онъ не перевелъ въ послѣднихъ трехъ случаяхъ (1644, 1652 и 1672 годы) платежъ съ живущей чети на соху, отождествивъ живущую четъ въ этомъ случаѣ съ четыю пашни: при этомъ получились небывалые оклады стрѣleckихъ денегъ въ 672 и 1600 руб. на соху ¹⁾).

Не менѣе важно другое послѣдствіе смѣшенія указанныхъ двухъ видовъ стрѣleckой подати. Это смѣшеніе помѣшало автору выяснитъ надлежащимъ образомъ реформу стрѣleckой подати въ концѣ XVII столѣтія. Смыслъ реформы, по его изложенію, заключался въ замѣнѣ стрѣleckаго хлѣба, взимаемаго съ посадскихъ людей, денежными платежами; для объясненія реформы онъ напоминаетъ, что «со второй половины XVII в. городское населеніе стало замѣтно отдѣляться отъ сельскаго» и поэтому особенно затруднялось платить хлѣбомъ. Не раздѣляя мнѣній автора о быстрой эволюціи городского сословія въ промежутокъ времени отъ первой до второй половины XVII в., мы не можемъ предполагать и того, чтобы это неудобство хлѣбнаго платежа почувствовалось городскими жителями только къ концу вѣка и чтобы именно оно вызвало реформу 1672 г. Не зная о томъ, что въ цѣлой области Россіи, притомъ съ собственной точки зрѣнія автора — наиболѣе сельской, стрѣleckая подать была денежной съ самаго начала столѣтія, какъ для посадовъ, такъ и для уѣздовъ, авторъ не подозреваетъ, что переводъ на деньги, въ которомъ онъ видитъ сущность реформы, былъ въ ней наименѣе новой чертой. Чтобы выяснитъ смыслъ реформы 1672 г., надо начать не съ нея самой, а съ болѣе ранняго момента въ исторіи стрѣleckой подати: съ того момента, когда послѣ ряда предыдущихъ повышеній, доведшихъ окладъ подати съ 95 р. до 228 р., и этотъ послѣдній окладъ былъ обезцѣненъ вслѣдствіе паденія курса мѣдныхъ денегъ. Правительство поспѣшило тогда перевести сѣверную стрѣleckую подать на *хлѣбную*, а когда населеніе отказалось платить ее ²⁾, перевело ее *вновь* на деньги по новому

---

¹⁾ Мы не можемъ также догадаться, какъ выведена цифра 70, 72 по Арзамасу 1630 г.

²⁾ На стр. 407 авторъ приводитъ одинъ случай этого отказа, но какъ частный эпизодъ, не подозревая смысла отказа. См. Госуд. хоз., стр. 81.

курсу (одновременно съ отмѣной мѣдныхъ денегъ въ 1663 г.), причемъ получился новый денежный окладъ 822 р. 31 коп. Это повышение оклада вызвало такіе огромные недоборы, что волей-неволей пришлось, послѣ десятилѣтняго опыта, сдѣлать плательщикамъ нѣкоторое облегченіе. Но въ то же время предстояло не только не уменьшать, а еще увеличить поступления стрѣлецкой подати, чтобы покрыть расходъ на новое увеличеніе стрѣleckаго войска. Указъ 1672 г. достигалъ обѣихъ цѣлей тремя путями: во 1-хъ, онъ понижалъ нѣсколько денежный окладъ сѣверной стрѣлецкой подати, во 2-хъ, онъ повышалъ хлѣбный окладъ ея въ уѣздахъ остальной Россіи и въ 3-хъ, въ городахъ остальной Россіи онъ замѣнялъ окончательно стрѣлецкій хлѣбъ денежнымъ налогомъ по одинаковой цѣнѣ съ сѣверомъ по 2 р. за юфть ¹⁾). Только послѣдняя черта реформы 1672 г. замѣчена авторомъ, и изъ нея сдѣланы два невѣрныхъ вывода: 1) что стрѣлецкая подать вообще только въ это время стала регулярнымъ денежнымъ налогомъ; 2) что переводъ ея на деньги вызванъ развитіемъ русскаго города XVII в., ослабленіемъ его сельскаго характера ²⁾). Считая, такимъ образомъ, новымъ въ этомъ указѣ какъ разъ то, что давно не было новостью, авторъ не замѣчаетъ, кромѣ указанныхъ выше, еще одного дѣйствительнаго нововведенія, весьма важнаго для исторіи финансовой администраціи: съ этого момента сборъ реформированной подати перешелъ въ непосредственное вѣдѣніе стрѣleckаго приказа и такимъ образомъ нанесенъ былъ первый тяжелый ударъ старой организаціи четей (авторъ полагаетъ, что уже въ 1660-хъ годахъ стрѣлецкія деньги со всего государства поступали въ Стрѣлецкій приказъ, стр. 479).

¹⁾ На сѣверѣ съ 1663 г. уплачивалась цѣна 350 юфтей съ сохи (т. е. $\frac{7}{16}$ четверти съ чети); въ другихъ же мѣстностяхъ, судя по отпискамъ Гарелина, — хлѣбомъ по $\frac{3}{4}$ четверти съ *живущей* чети (т. е. приравнивая живущую четь чети пашни, — съ сохи по 1400 юфтей); при переводѣ на деньги по двухрублевой цѣнѣ и получился на сѣверѣ окладъ 700 р. съ сохи, на югѣ — 2800 съ (предполагаемой) сохи и по 3 р. 50 к. съ живущей чети, — т. е. вчетверо болѣе. Этотъ расчетъ наглядно показываетъ, что и въ платежномъ отношеніи къ концу вѣка живущая четь уже не равнялась чети пашни, какъ мы видѣли въ началѣ вѣка.

²⁾ Указъ 1672 г. (А. А. Э. № 189) дѣйствительно говоритъ о неудобствахъ для городовъ хлѣбнаго платежа («для того, что они люди торговые и непашенные»); но онъ говоритъ также, что «никогда воеводы въ городѣхъ хлѣба съ посадскихъ людей не собираютъ, а собираютъ деньгами», т. е. прямо отодвигаетъ въ прошлое фактъ этого несоотвѣтствія и не можетъ свидѣтельствовать о его усиленіи къ концу вѣка.

Значеніе слѣдующей реформы 1679 — 81 гг. очень хорошо выяснено авторомъ, какъ попытка объединенія разнообразныхъ податей въ одинъ поразрядный городской налогъ. Мы считали бы только нужнымъ указать на связь реформы съ переписью 1678 г. и вмѣстѣ съ тѣмъ подчеркнуть ея первоначально временный характеръ, до составленія новыхъ писцовыхъ, какъ извѣстно, неудавшихся. Затѣмъ мы указывали (Гос. хоз. 85 — 6) на то, что пересмотръ въ 1681 г. оклада стрѣлцкой подати, только что установленной въ 1679 г., не былъ вызванъ челобитными, а, напротивъ, челобитныя были вызваны правительствомъ, послѣ того какъ было уже рѣшено предварительно произвести этотъ пересмотръ; мѣры 1679 и 1681 г. неразрывно связаны одна съ другой, и, конечно, какъ замѣтилъ уже М. А. Дьяконовъ, рискованно отдѣлять ихъ фразой, что «попытка эта (1679) едва не окончилась такой же неудачей, какъ и предшествовавшая (т. е. соляной налогъ 1646 г.)». Наконецъ, невозможно согласиться съ авторомъ, что вслѣдствіе реформы 1679 г. «стрѣлцкій приказъ превратился на время въ главное финансовое учрежденіе всего государства»; онъ дѣйствительно расширилъ свои финансовыя полномочія, хотя, какъ мы только что говорили, не съ 1679, а уже съ 1672 г.; но и со всѣмъ тѣмъ его окладной доходъ (въ 150 тыс. руб. съ 1679 и въ 100 тыс. съ 1681 г.) составлялъ едва десятую часть всѣхъ окладныхъ поступленій государства, былъ ниже дохода многихъ другихъ финансовыхъ приказовъ и не удовлетворялъ даже собственнымъ его потребностямъ; а съ 1683 г. онъ потерялъ опять и сборъ стрѣлцкихъ денегъ, возвращенный въ чети и оставшійся тамъ до учрежденія петровской ратуши ¹⁾).

Изученіе другихъ податей интересуеъ автора лишь постольку, поскольку онъ находитъ въ нихъ «попытки упрощенія системы прямыхъ налоговъ» — посредствомъ ихъ объединенія. Въ отдѣлѣ, носящемъ это заглавіе, онъ разсматриваетъ, кромѣ стрѣлцкой подати, еще «оброкъ», какъ подать, замѣняющую тягло въ видахъ облегченія плательщиковъ, и попытку единого солянаго налога 1646 г. Указанное свойство «оброка» ему удастся разъяснить многочисленными данными; весьма интересно также наблюденіе автора, что сфера примѣненія «оброка» особенно расширилась (временно), вслѣдствіе разоренія, произведеннаго смутнымъ временемъ. Разсматривать этотъ видъ оброка, какъ одну изъ «попытокъ упроще-

---

¹⁾ См. Гос. хоз., стр. 88—89, 125—126.

нія системы прямыхъ налоговъ», мы, однако, не рѣшились бы въ виду соображенія, высказаннаго самимъ авторомъ: «оброкъ вызванъ былъ не теоретическими соображеніями въ пользу единого налога, а скорѣе временными потребностями» (26); онъ былъ, прибавимъ мы, невольнымъ компромиссомъ между административнымъ безсиліемъ правительства и бѣдностью плательщика; въ томъ и другомъ смыслѣ онъ являлся однимъ изъ признаковъ довольно примитивнаго финансоваго и соціального строя.

Два другія явленія, введенныя въ этотъ отдѣлъ, несомнѣнно къ нему относятся, хотя другъ съ другомъ имѣютъ мало общаго. Попытка единого солянаго налога, всеобщаго и равномернаго, долженствовавшаго замѣнить всѣ остальные (1646 г.), была чистой теоретической фантазіей, всего болѣе характерной для ея авторовъ и для тогдашняго настроенія правительства; появленіе же единой городской подати (единой, конечно, весьма относительно) было отвѣтомъ на возраставшую потребность единого военного налога, который поглотилъ рядъ исторически сложившихся, и, какъ мы видѣли, совершенно устарѣвшихъ налоговъ XVI столѣтія, и былъ дѣйствительно, крупнымъ шагомъ впередъ въ исторіи нашего финансоваго строя. Все же мы не жалѣли бы о соединеніи двухъ столь противоположныхъ опытовъ реформы въ одну рубрику, если бы эта рубрика не освободила автора отъ необходимости написать особую главу о прямыхъ налогахъ въ XVII ст.

Послѣ разобраннаго отдѣла, мы находимъ, правда, еще отдѣлъ, посвященный прямымъ налогамъ XVII в., именно, о «терминологіи и классификаціи прямыхъ налоговъ въ XVII в.». Но здѣсь, еще болѣе чѣмъ въ предыдущемъ отдѣлѣ, мы находимъ обработку матеріала XVII в. съ точки зрѣнія, взятой извнѣ. Авторъ доказываетъ, и конечно, очень убѣдительно, что XVII вѣкъ имѣлъ такъ же мало понятія о нашихъ современныхъ основаніяхъ податной терминологіи и классификаціи, какъ онъ имѣлъ мало понятія о нашемъ идеалѣ единого налога. Дѣйствительно, «терминологія прямыхъ налоговъ въ XVII в... неудовлетворительна»; «въ основу классификаціи налоговъ въ XVII в. не положено было одного какого нибудь принципа» (30); подраздѣленіе окладныхъ сборовъ затруднялось отсутствіемъ теоретическаго пониманія различія между прямыми и косвенными налогами — пониманія, приведшаго, правда, и современныхъ теоретиковъ не къ «пониманію» этого различія, а къ отрицанію самаго различія; «правительство въ то время не обращало вниманія на податной источникъ (т. е. на дѣйствительную

часть народнаго дохода, на которую падалъ тотъ или другой видъ налога); — хотя и въ наше время рѣшеніе этого вопроса — о рациональномъ налогѣ, не допускающемъ сложений и переложений, — далеко еще нельзя считать добытымъ даже соединенными усиліями людей науки и практики. Какъ бы то ни было, все это до такой степени вѣрно, что мы только желали бы, чтобы самъ авторъ не старался отыскать въ финансовой системѣ XVII в. того, чего, по его словамъ, въ ней совсѣмъ не было: не пробовалъ бы выражать подати XVII в. въ терминахъ современной финансовой системы и классифицировать ихъ на основаніи ихъ предполагаемаго источника. Между тѣмъ въ концѣ отдѣла мы встрѣчаемъ, какъ окончательный выводъ, рядъ слѣдующихъ параллелей: «данныя деньги и спеціальныя налоги (т. е. стрѣleckія, ямскія и полонянничныя) представляли не что иное, какъ поземельный или подомово-поземельный налогъ (подворную подать); оброчныя — поземельную ренту, выплачиваемую частными лицами казнѣ и смѣшиваемую съ поземельнымъ и промысловымъ налогомъ; а чрезвычайныя сборы приближались къ общей имущественной подати, смѣшанной съ подоходнымъ налогомъ; всѣ эти подати падали не на производство, а скорѣе на распредѣленіе народнаго богатства». Очевидно, предлагаемая здѣсь классификація соотвѣтствуетъ троякому способу обложенія XVII в.: подъ первую категорію подведены налоги, взимаемые съ сохи, живущей четверти и двора, т. е. репартиціонныя; подъ вторую — вытекавшіе изъ личнаго контракта съ казной, и подъ третью — процентныя сборы съ имущества (пятая, десятая, пятнадцатая деньга) Однако же если мы замѣтимъ, что оброкъ, опредѣляемый контрактомъ, вовсе не подходитъ подъ понятіе налога и есть скорѣе доходъ съ государственныхъ имуществъ, и что процентныя сборы даже въ первой половинѣ вѣка не всегда удавалось основывать на особой имущественной оцѣнкѣ плательщиковъ, а во второй половинѣ они взимались большею частію по разъ опредѣленному окладу, не измѣнявшемуся въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, — то должны будемъ заключить, что *вся* наша податная система XVII в. основывалась на репартиціонномъ началѣ. Оброкъ по соглашенію — въ нѣкоторыхъ случаяхъ, дѣйствительно получалъ характеръ, близкій къ промысловому налогу; процентный сборъ иногда, — но значительно рѣже — дѣйствительно подходитъ къ имущественной подати; вотъ, кажется, все, что можно сказать о финансовыхъ явленіяхъ, выходившихъ изъ рамокъ репартиціонной системы. Внутри этой системы мы замѣчаемъ, однако, нѣкоторое движеніе въ тече-

ніе вѣка: уже въ началѣ вѣка рядомъ съ сохой становится живущая четверть, затѣмъ обѣ единицы смѣняются дворомъ и на него мало по малу переводятся всѣ старыя сошныя и четвертныя подати. Таково самое крупное явленіе въ сферѣ податной системы. Какой смыслъ имѣли эти перемѣны? Этотъ вопросъ долженъ найти разрѣшеніе въ слѣдующемъ отдѣлѣ: объ организаціи репартиціоннаго механизма. Прежде чѣмъ перейти къ этому отдѣлу, мы должны остановиться здѣсь же на главѣ IV-й, озаглавленной не совсѣмъ удачно — «особенности въ отправленіи нѣкоторыхъ податныхъ обязанностей» — и содержащей обзоръ личныхъ повинностей и натуральныхъ сборовъ. Глава эта, богатая данными, не вызываетъ особыхъ замѣчаній, и мы ограничимся бѣглымъ обзоромъ ея содержанія. Авторъ касается прежде всего повинностей служилыхъ ремесленниковъ (363—4), затѣмъ останавливается подробнѣе на ямской повинности (365 — 77): говоритъ здѣсь объ устройствѣ ямовъ, наймѣ ямскихъ охотниковъ, обязанностяхъ ямщиковъ и населенія по отношенію къ ямской службѣ. Далѣе онъ переходитъ къ описанію порядка отбыванія повинности городского и острожнаго дѣла (377—389) и кончаетъ обстоятельнымъ изображеніемъ ратной повинности: поставки даточныхъ, мѣръ противъ ихъ побѣговъ, сбора даточныхъ лошадей и военныхъ припасовъ. Общее заключеніе объ организаціи ратной повинности состоитъ изъ перечисленія ея «теоретическихъ недостатковъ»; такими авторъ считаетъ, напр., что «даточные люди собирались въ неопредѣленные промежутки времени, — въ военное время чуть не ежегодно, въ другихъ случаяхъ черезъ нѣсколько лѣтъ»; «податная единица то увеличивалась, то уменьшалась; наконецъ, и время сбора даточныхъ людей и продолжительность службы мѣнялись сообразно потребностямъ минуты» (398 — 99). Авторъ какъ бы обвиняетъ правительство XVII в., что оно брало у населенія не болѣе, чѣмъ было нужно. Формулируя такія черезчуръ общія положенія, авторъ не остановился на одномъ вопросѣ, изученіе котораго могло бы привести, какъ мы думаемъ, къ менѣе очевиднымъ, но за то болѣе интереснымъ выводамъ: именно, при всей этой неопредѣленности — не произошло-ли въ теченіе вѣка какихъ-либо постоянныхъ измѣненій въ способахъ призыва и организаціи даточныхъ? Думаемъ, что съ точки зрѣнія «теоретическихъ» требованій того «милитаризма», развитіе котораго въ XVII в. играетъ такую важную роль въ общихъ воззрѣніяхъ автора, отвѣтъ былъ бы менѣе пессимистиченъ. Къ числу «теоретическихъ недостатковъ» отбыванія ратной повин-

ности, во всякомъ случаѣ, не можетъ быть отнесено то обстоятельство, что «при сборахъ не принималось во вниманіе состояніе мѣстныхъ хозяйствъ, слѣдовательно, отнималось одинаковое количество рукъ у населенія, среди котораго трудъ не всюду имѣлъ одно и то же значеніе». Такъ какъ распредѣленіе ратной повинности между отдѣльными хозяйствами предоставлено было тѣмъ же тяглымъ группамъ, которыя разверстывали между собой налоги, то нѣтъ сомнѣнія, что хозяйственныя различія и разницы въ размѣрахъ семьи принимались во вниманіе; мы имѣемъ, впрочемъ, относительно этого и прямыя указанія ¹⁾).

Въ отдѣлѣ о «натуральныхъ сборахъ» авторъ собралъ свѣдѣнія о поставкѣ стрѣleckаго хлѣба (402—8). О недоразумѣніяхъ, вызванныхъ смѣшеніемъ стрѣleckаго хлѣба и денегъ за стрѣleckій хлѣбъ съ стрѣleckою податью, мы уже говорили выше; здѣсь недоразумѣнія эти продолжаютъ путать изложеніе (403, 405, 407). Переходя далѣе къ «хлѣбнымъ запасамъ» (408—12), авторъ полагаетъ, что они «взимались лишь въ военное время»; вѣроятно, этимъ онъ хочетъ противопоставить ихъ стрѣleckому хлѣбу. Замѣтимъ однако, что полное разграниченіе ихъ не удалось автору, и въ этотъ параграфъ проникли нѣкоторыя данныя, относящіяся не къ «хлѣбнымъ запасамъ», а къ стрѣleckому хлѣбу ²⁾). Особенно важно отмѣтить это смѣшеніе по отношенію къ «польнымъ» городамъ разряднаго вѣдомства, т. е. по всей южной окраинѣ, за предѣлами старыхъ рязанскихъ, украинскихъ и заоцкихъ городовъ: исторія хлѣбной подати въ этой мѣстности для насъ не совсѣмъ еще ясна, но, кажется можно утверждать, что хлѣбные запасы стали здѣсь во второй половинѣ XVII в. регулярной податью, параллельной съ стрѣleckимъ хлѣбомъ ³⁾).

Послѣ меньшаго параграфа о «сибирскихъ отпускахъ» (412—414), авторъ особенно долго останавливается на «ясахъ» (416—41). Единственное замѣчаніе, которое мы здѣсь можемъ сдѣлать автору,

---

¹⁾ Госуд. хоз., стр. 53, прим. 1.

²⁾ А. А. Э. III, 72, 93.

³⁾ Иногда она, или независимый отъ нея стрѣleckій хлѣбъ, и называется здѣсь этимъ именемъ, но чаще всего «четвериковымъ» хлѣбомъ: въ этомъ размѣрѣ ($\frac{1}{8}$ чети) поборъ называется «новымъ» на 1664 г. (у автора ошибочно 1652, стр. 409, прим. 3) въ размѣрѣ «полу-осминнаго» ($\frac{1}{4}$) онъ взимался въ 1661 г.: П. С. З. № № 346 и 352; Н. Н. Оглобинъ въ Обозр. ист. геогр. матер.—Опис. док. и бум. Арх. Ю. IV, 281; Воронеж. акты Второва I. 132. Воронеж. акты Вейнберга I, стр. 90, 96—7.

касается чрезмѣрной идеализаціи правительственныхъ отношеній къ ясачнымъ инородцамъ. «Въ отношеніяхъ своихъ къ инородческимъ племенамъ Сибири Московское правительство обнаруживало глубокой политической смыслъ. Оно понимало, что при незначительномъ количествѣ военныхъ силъ, имѣвшихся въ его распоряженіи, нечего было и думать о насильственномъ покореніи Сибири, о завоеваніи новыхъ земель. Оно разумно отстраняло обманчивые призраки военной славы и стремилось лаской, а не жесточью приучить инородческія племена къ повиновенію; оно старалось прельстить ихъ сперва внѣшнимъ блескомъ, а затѣмъ и внутреннимъ содержаніемъ европейской цивилизаціи, но взамѣнъ этого требовало отъ нихъ выполнения извѣстныхъ податныхъ обязанностей, которыя приносили существенныя выгоды казнѣ царской» (424—5). Трудно повѣрить, чтобы эта идиллія во вкусѣ Карамзина, построенная на нѣкоторыхъ мягкихъ выраженіяхъ воеводскихъ наказовъ, могла имѣть какое-либо отношеніе къ дѣйствительному процессу покоренія Сибири, въ которомъ чисто римская послѣдовательность сочеталась съ жестокостью конквистадоровъ эпохи открытій. Въ 1555 г. Едигеровы послы въ Москвѣ насчитывали въ сибирской землѣ до 30,700 людей. Въ началѣ XVII в. по цыфрамъ, сообщеннымъ г. Буцинскимъ (Населеніе Сибири, гл. 2) на той же площади не оставалось и 4-хъ тысячъ. Таковы были ближайшіе результаты русскаго завоеванія для *покоряемаго* населенія. Но и отношеніямъ къ *покореннымъ* характеристика автора не совсѣмъ соотвѣтствуетъ. Авторъ и самъ, конечно, знаетъ и излагаетъ всевозможныя воеводскія злоупотребленія, въ которыхъ каждый новый воевода обязывался торжественно обвинить своего предшественника въ оффиціальной и заранѣе ему предписанной вступительной рѣчи къ инородцамъ. На сколько достигало цѣли правительственное воздѣйствіе на воеводу, необходимое, конечно, прежде всего и въ собственныхъ интересахъ правительства, покажетъ дальнѣйшее изученіе рукописныхъ матеріаловъ Сибирскаго приказа; то, что недавно извлекъ изъ нихъ Буцинскій, представляетъ дѣло, во всякомъ случаѣ, въ болѣе мрачныхъ краскахъ, чѣмъ можно заключить по изложенію автора.

3. Механизмъ податнаго обложенія и раскладки.

Этому предмету посвящена вся вторая глава изслѣдованія, одна изъ самыхъ обширныхъ и, несомнѣнно, наиболѣе оригинальныхъ въ трудѣ А. С. Лаппо-Данплевскаго. Изученію окладныхъ и рас-

кладочныхъ единицъ XVII в. предпослано изслѣдованіе о правительственныхъ документахъ, устанавливавшихъ окладъ: о «народныхъ переписяхъ» (179—219). По скольку авторъ касается въ этомъ отдѣлѣ предыдущихъ вѣковъ, мы уже разсматривали его взгляды въ первой половинѣ рецензіи. Въ предѣлахъ XVII в. несомнѣнная заслуга автора заключается въ томъ, что онъ первый точно различилъ типы писцоваго матеріала XVII в., писцовыя и переписныя книги, и указалъ главнѣйшіе моменты, когда тѣ и другія составлялись по всей Россіи: именно, 1620-е и 1680-е годы для писцовыхъ и 1646—48 и 1676—78 для переписныхъ книгъ. Недостатки же этого отдѣла сводятся къ тому, что авторъ не далъ достаточно детальной мотивировки составленія тѣхъ и другихъ въ указанные имъ годы и не поставилъ эти общія переписи въ связь съ специальными задачами и потребностями правительства въ каждый изъ названныхъ моментовъ. Нѣкоторыя указанія этого рода, впрочемъ, сдѣланы авторомъ, но большею частію указаны не финансовыя причины; въ случаѣ же приведенія финансовыхъ мотивовъ, какъ разъ съ наблюденіями автора приходится не соглашаться. Сюда относится соображеніе (стр. 183, прим. 1), что «писцовыя книги конца 20-хъ годовъ, можетъ-быть, отчасти вызваны были введеніемъ *подворной подати*». Мы увидимъ далѣе, что подъ «подворной податью» авторъ напрасно разумѣетъ здѣсь подать съ «живущей четверти»; но и введеніемъ живущей четверти писцовыя книги 1620-хъ годовъ не могли быть вызваны, такъ какъ эта окладная единица была введена въ своемъ новомъ смыслѣ уже во время производства переписи.

Другое замѣчаніе автора, что «перепись 40-хъ годовъ составлена въ виду правительственнаго оклада, падавшаго на живущую четверть» (186), скорѣе могло бы быть отнесено къ писцовымъ 20-хъ годовъ, а предыдущее, наоборотъ, — къ этимъ переписнымъ 40-хъ годовъ: такъ какъ послѣднія, дѣйствительно, имѣли въ виду подворную подать. Упомянувъ про эти два мнѣнія автора, мы уже отмѣтили этимъ самый существенный недостатокъ его характеристики писцовыхъ и переписныхъ книгъ: не смотря на самое обстоятельное описаніе различій между тѣми и другими (186—190), авторъ, какъ намъ кажется, не уловилъ основной фискальной причины ихъ разницы, — именно не замѣтилъ того обстоятельства, что писцовыя книги предназначались для раскладки податей *по сохамъ*, а переписныя — для раскладки ихъ *по дворамъ*. Онъ до такой степени увѣренъ, что переписныя книги служили также для сошной

раскладки, что, не находя въ нихъ перевода на сошное письмо, считаетъ нужнымъ дать этому, по его мнѣнію, пробѣлу — особое предположительное объясненіе: онъ думаетъ (201), что послѣ составленія писцовыхъ 1620-хъ годовъ — при составленіи переписныхъ 1640-хъ годовъ съ писцовъ была, «вѣроятно», снята обязанность подводить эти итоги и возложена на центральную администрацію, о чемъ есть и прямое указаніе относительно *писцовыхъ* (а не переписныхъ) 1680-хъ годовъ. Это смѣшеніе задачъ переписныхъ книгъ съ писцовыми составляетъ одну изъ коренныхъ ошибокъ автора и во многихъ случаяхъ затруднило ему, какъ увидимъ, пониманіе явленій финансовой исторіи XVII в.

Кромѣ характеристики типовъ писцоваго матеріала, отдѣлъ о переписяхъ содержитъ еще очень подробное изображеніе всѣхъ стадій переписи, къ которому мы не можемъ ничего добавить (193—213). Замѣтимъ только, что отвлеченныя рубрики, въ которыхъ вращается это изображеніе, нѣсколько обезличиваютъ употребленный въ дѣло матеріалъ: основной мыслью изложенія остается и здѣсь сравненіе условій переписи XVII в. съ рациональными условіями статистики населенія; авторъ показываетъ, что переписи XVII в. не удовлетворяли современнымъ требованіями періодичности, повсемѣстности и одновременности (192, 205), не сопровождались научнымъ анализомъ почвы и оцѣнкой хозяйства (206); «поэтому нѣтъ возможности считать писцовыя книги такимъ же точнымъ источникомъ свѣдѣній, коковы современныя статистическія данныя». Съ этимъ вполне можно согласиться, съ той, впрочемъ, оговоркой, что сужденіе о достовѣрности «современныхъ статистическихъ данныхъ» не можетъ быть столь же суммарнымъ, какъ сужденіе о писцовомъ матеріалѣ XVII в. Достовѣрность первыхъ зависитъ отъ безконечно разнообразныхъ цѣлей и средствъ ихъ собиранія; достовѣрность вторыхъ провѣрялась ежедневной фискальной практикой, въ которой были заинтересованы обѣ стороны: показанія ихъ были, въ буквальномъ смыслѣ, «живыми цифрами». Правильнѣе поэтому было бы сравнивать писцовый матеріалъ XVII в. не съ современной статистикой вообще, а съ официальной регистрацией современныхъ финансовыхъ учреждений.

Считая писцовый матеріалъ не вполне достовѣрнымъ источникомъ уже по самому способу его составленія, авторъ останавливается затѣмъ на разсмотрѣніи тѣхъ причинъ недостовѣрности (207—13), которыя вытекали изъ невѣжества или недобросовѣстности писцовъ. Несомнѣнно, что указываемыя авторомъ причины и во-

обще приемы регистраціи XVII в. давали возможность значительному количеству населенія уклоняться отъ внесенія въ податные списки. Но рядомъ съ этими причинами, понижавшими итоги переписей сравнительно съ дѣйствительностью — существовали еще другаго рода причины, поднимавшія, напротивъ, цифры переписей *выше* численности наличнаго населенія. Дѣло въ томъ, что правительство, строго наблюдавшее за тѣмъ, чтобы *приростъ* платежныхъ силъ области немедленно регистрировался воеводой, почти всегда игнорировало *убыль* этихъ силъ сравнительно съ состояніемъ ихъ, записаннымъ въ писцовой или переписной книгѣ. Въ результатѣ устанавливался совершенно условный счетъ платежныхъ единицъ, при которомъ наличное населеніе постоянно платило «навальное сошное письмо» или вносило подати «за пустые дворы». Авторъ, конечно, правъ, что въ самый моментъ составленія переписи полученное ею количество населенія «слѣдуетъ считать за минимумъ того, что должно было бы быть» (214). Но можно думать, что часто уже вскорѣ послѣ ея окончанія этотъ минимумъ превращался въ максимумъ и оставался такимъ до слѣдующей переписи ¹⁾.

Переходимъ къ слѣдующему отдѣлу, посвященному изученію окладныхъ единицъ, т. е. сохи, выти, живущей четверти и двора (219—262). Разъясняя различія въ величинѣ сохъ, авторъ останавливается на вопросѣ, чѣмъ опредѣлялось качество земель въ XVII в., и приходитъ къ заключенію, что дѣленіе земель на добрыя, среднія и худыя вызывалось не столько различіемъ въ составѣ и качествахъ почвы, сколько степенью доходности извѣстнаго участка и притомъ по сравненію лишь съ ближайшими мѣстностями, такъ что одна и та же по качеству земля въ одной мѣстности могла считаться доброй, а въ другой оказаться худой (222—5). Обращаясь затѣмъ въ величинѣ сохъ разныхъ сословій ²⁾, авторъ отмѣчаетъ, что пропорціи сохи доброй, средней и худой земли — пныя относительно каждаго сословія: въ помѣстныхъ земляхъ соха худой земли въ $1\frac{1}{2}$ раза больше доброй, въ черныхъ — въ $1\frac{2}{5}$, въ монастырскихъ въ $1\frac{1}{3}$ раза. Для объясненія такой разницы авторъ предлагаетъ весьма остроумную догадку, что правительство руководилось при этомъ дѣйствительной разницей въ колебаніяхъ доходности земель разныхъ

---

¹⁾ Замѣтимъ кстати, что выраженіе «послѣ писцовъ» (200) значитъ, всего вѣроятнѣе, — послѣ предыдущей переписи.

²⁾ Черная соха — добр. 500, сред. 600, худой 700 четв., монастырская — 600—700—800; помѣстная и дворцовая—800—1000—1200.

сословій: наибольшая доходность отличалась отъ наименьшей сильнѣе въ помѣстныхъ земляхъ, чѣмъ въ черныхъ, сильнѣе въ черныхъ, чѣмъ въ монастырскихъ; авторъ напоминаетъ при этомъ, что «помѣстья и вотчины лежали главнымъ образомъ въ средней и южной полосѣ, черныя земли — въ сѣверной, а монастыри частью въ средней, частью въ пустынныхъ мѣстахъ сѣверной» (227). Мы не рѣшаемся, однако, присоединиться къ этой догадкѣ; подобный расчетъ кажется намъ заразъ и слишкомъ тонкимъ, потому что принимаетъ въ соображеніе разницу въ колебаніяхъ доходности на $\frac{1}{10}$ и на $\frac{1}{15}$, — и слишкомъ грубымъ, такъ какъ основанъ на слишкомъ общемъ и даже нѣсколько проблематичномъ сопоставленіи разныхъ предѣловъ колебанія доходности земель въ разныхъ полосахъ Россіи — съ черезчуръ схематичнымъ распредѣленіемъ по разнымъ полосамъ земель разныхъ сословій. Ни эта тонкость, ни эта грубость не были во вкусѣ Московскаго правительства, такъ какъ для первой оно было слишкомъ мало склонно къ теоретизированію, а для второй слишкомъ практично. Выше мы высказали предположеніе, что, понижая разницу сохъ монастырскихъ, съ 600—750—900 (какъ слѣдовало бы по пропорціи одобриванія помѣстной сохи) на 600—700—800, правительство просто хотѣло еще болѣе увеличить тяжесть монастырскаго обложенія, т. е. проводило дальше тотъ же принципъ, по которому уменьшило вообще размѣры монастырскаго сохи, Могло оказать тутъ вліяніе и удобство употребленія круглыхъ чиселъ — 500—600—700—800.

Переходя отъ сохи къ «выти», авторъ принимаетъ взглядъ Бѣляева, справедливо отмѣтившаго частно-хозяйственное значеніе выти и болѣе непосредственное отношеніе ея къ плательщику, чѣмъ большой московской сохи. Но авторъ, по нашему мнѣнію, не справился съ вопросомъ объ отношеніи выти къ сохѣ, что, впрочемъ, объясняется, главнымъ образомъ, его незнакомствомъ съ порядками XVI в. До середины XVI в., какъ мы говорили выше, соха и выть были двумя параллельными единицами, отчасти и примѣнявшимися на разныхъ категоріяхъ земель: выть на дворцовыхъ, соха — на помѣстныхъ и монастырскихъ земляхъ. При этомъ, собственно говоря, только послѣдняя (т. е. соха) была настоящей податной окладной единицей, выть же представляла чисто-хозяйственное дѣленіе, — жеребій, надѣлъ, выдѣленный хозяиномъ и обложенный хозяйскимъ *оброкомъ*; правда, что будучи таковой по своему *происхожденію*, она могла однако употребляться и для цѣлей собственно-правительственнаго обложенія. Далѣе, выть уже въ пер-

вой половинѣ XVI в. оказалась довольно устойчивой единицей, представлявшей въ большинствѣ случаевъ ту же величину, какъ и въ XVII в.: 12—14—16 четвертей доброй, средней и худой земли. Слѣдовательно, размѣры выти уже въ то время вовсе не колеблются такъ, какъ предполагалъ Бѣляевъ и, вѣроятно, подъ его вліяніемъ А. С. Лаппо-Данилевскій¹⁾. Соха напротивъ, какъ мы нашли выше, колебалась до тѣхъ поръ, пока уложеніе 1551 года не сообщило ей точно опредѣленной величины. Послѣ такого опредѣленія, сохѣ и выти вовсе не надо было приравниваться другъ къ другу; ихъ отношеніе было опредѣлено простымъ ариѳметическимъ расчетомъ, записаннымъ, какъ мы видѣли, во вторую редакцію сошнаго руководства XVI в. Такимъ образомъ, всѣ разсужденія автора о «противорѣчии другъ другу» сошнаго и вытнаго счета, о «шаткости» «самыхъ основныхъ принциповъ податной системы XVII столѣтія», основанной на совмѣщеніи этихъ двухъ будто-бы несомѣстимыхъ счетовъ, о томъ, какъ «и въ первой половинѣ XVII в. размѣры выти продолжали измѣняться подъ вліяніемъ разнообразныхъ мѣстныхъ условій, тогда какъ соха стала приобрѣтать характеръ «постоянной величины»; наконецъ, «о превращеніи вытей въ однообразныя единицы» «уже въ началѣ правленія царя Михаила» — всѣ эти соображенія падаютъ сами собой (229—30). На сѣверѣ московская выть, точно, столкнулась, но не съ сохой, а съ новгородской *сошкой*; на послѣднюю, дѣйствительно, приходилось самое разнообразное количество вытей²⁾: но только это вовсе не значитъ, что «превращеніе выти въ постоянную поземельную мѣру повлекло за собой образованіе неравномѣрныхъ сохъ, не соотвѣтствовавшихъ однообразной московской сохѣ»; сошка существовала раньше, чѣмъ стали измѣрять ее вытью; примѣненіе выти на сѣверѣ только должно было вытѣснить старинную сошку, чѣмъ, какъ извѣстно автору, дѣло и кончилось. Неясность представленія автора объ этомъ процессѣ обнаруживается въ слѣдую-

---

¹⁾ Необходимо, впрочемъ, прибавить что *фактически* небольшія колебанія выти должны были существовать въ силу причинъ какъ агрономическихъ, такъ и народохозяйственныхъ. Будучи хозяйственнымъ надѣломъ крестьянской семьи, а не официально фиксированной податной единицей, выть должна была сообразоваться какъ съ топографическими условіями земельного участка такъ и съ наличными рабочими силами семьи. Выше (стр. 32) мы приводили примѣръ, въ которомъ монастырскія власти прямо разрѣшаютъ увеличить или уменьшить норму надѣла въ зависимости отъ количества рабочей силы.

²⁾ Лаппо-Данилевскій, стр. 231, примѣч. и Гос. Хоз., 19, прим. 4.

щей фразѣ: «размѣры сошки едва-ли были постоянными (навѣрное, не были), тѣмъ болѣе (?), что съ опредѣленіемъ величины выти сошка *стала* постоянно видоизмѣняться, что и послужило причиною ея отмѣны». Если размѣры сошки ранѣе не были постоянными, то какъ можно говорить, что она *стала* колебаться только послѣ опредѣленія величины выти?

А. С. Лаппо-Данилевскій переходитъ затѣмъ къ объясненію «одобриванія» (233—38). Объясненіе это выходитъ у него нѣсколько туманнымъ по той причинѣ, что онъ суживаетъ сферу объясненія, ограничиваясь примѣненіемъ одобриванія къ помѣстнымъ окладамъ; такимъ образомъ, общее значеніе и основной смыслъ одобриванья ступшевываются въ его изложеніи. Авторъ полагаетъ даже, что «одобриваніе и наддача вызваны были потребностями помѣстной системы и первоначально, какъ кажется, примѣнялись, главнымъ образомъ, къ помѣстьямъ» (236). Такимъ образомъ, онъ не замѣчаетъ, что самое различеніе размѣровъ сохъ разныхъ качествъ земли уже было однимъ изъ примѣненій одобриванія, и притомъ самымъ важнымъ въ финансовомъ отношеніи. Различеніе это онъ принимаетъ, какъ существующій фактъ; «цѣлесообразность» же операціи одобриванія ищетъ въ другомъ примѣненіи его — къ измѣренію служилыхъ окладовъ. Но и въ этой спеціальной области употребленія одобриванія онъ сводитъ объясненіе на одинъ еще болѣе спеціальнѣйшій случай. Въ общемъ своемъ значеніи и здѣсь одобриваніе было, какъ вездѣ, счетной операціей, имѣвшей цѣлью установить справедливое соотвѣтствіе между землями разныхъ качествъ. Всякій служилый участокъ низшаго сорта земли долженъ быть выраженъ въ единицахъ высшаго сорта, и въ этомъ послѣднемъ выраженіи идетъ въ счетъ служилаго оклада, на который имѣетъ право служилый человѣкъ. Какъ извѣстно, очень рѣдко служилый человѣкъ владѣлъ въ дѣйствительности полнымъ размѣромъ своего оклада; но право его на полученіе полного оклада тѣмъ не менѣе существуетъ и при удобномъ случаѣ можетъ быть осуществлено, напр. если умретъ какой-нибудь родственникъ и освободится его участокъ, если откроются свободныя земли въ сосѣдствѣ, что особенно часто бывало при межеваніи. Авторъ и беретъ для объясненія одобриванія послѣдній случай: реальную прирѣзку новаго количества земли къ старому. Но и этотъ случай онъ спеціализируетъ еще болѣе: онъ ставитъ условіемъ, чтобы послѣ наддачи фиктивный размѣръ участка оставался тотъ же, какимъ былъ въ дѣйствительности до наддачи, т. е., напр., чтобы къ

133 четв. *средней* земли прибавить такое количество, которое вмѣстѣ съ старымъ участкомъ равнялось бы 133 же четвертямъ *доброй* земли. Нужно признать, что такой специальный случай былъ довольно типичнымъ въ практикѣ Московскаго государства: дѣло въ томъ, что служилыя дачи въ окладъ отводились, повидимому, иногда безъ справки съ качествомъ земли отводимаго участка, т. е. безъ различенія качества земли отдѣлялось известное количество четвертей, предполагая, что земля добрая. Въ такихъ случаяхъ писцу предстояло встрѣтиться съ жалобами служилаго человѣка на неравномѣрность его дачи съ дачами лучшей земли; писцовыя инструкции давали обыкновенно разрѣшеніе въ такихъ случаяхъ произвести одобряваніе, и *иногда* — произвести его именно по примѣру, приведенному авторомъ, т. е. одобрить землю въ размѣрахъ стараго участка.

Такъ бывало, если возлѣ находились свободныя «примѣрныя» земли. Но какъ дѣлалось, если примѣрныхъ земель не оказывалось? Мы знаемъ, что одобрить можно было и безъ всякой прирѣзки, просто уравнивъ наличный участокъ *меньшему* количеству земли лучшаго сорта. Но это было невыгодно для правительства, такъ какъ въ такомъ случаѣ уменьшалась доля оклада, дѣйствительно выданная служилому человѣку, и увеличивалась доля, которую слѣдовало добавить. Естественно, поэтому, что въ такомъ случаѣ правительство предпочитало оставить земли неодобренными, т. е. продолжать игнорировать качество земли. Въ 1630 г. былъ представленъ государю докладъ о пополненіи нѣкоторыхъ пробѣловъ писцоваго наказа 1627 г. Въ докладѣ между прочимъ указывались оба различенные нами выше способы одобряванія: «а только тѣ земли одобрить, и за ними изъ дачъ земли *убудеть*, а *иные* земли одобрятца изъ *примѣрныхъ* земель». Въ отвѣтъ на этотъ докладъ послѣдовалъ приговоръ 19 марта 138 г., въ которомъ принято было только второй способъ одобряванія — посредствомъ прирѣзки, а первый — посредствомъ вычета — отвергнуть: «у которыхъ людей въ ихъ дачахъ примѣрные земли не будетъ, и за тѣми людьми указали тѣ ихъ помѣстныя земли писать противъ ихъ дачъ, не одобрявая землю, потому что одобрить земли не изъ чего; — а *изъ дачъ земли не убавить*» ¹⁾. Этотъ принципъ принято было, слѣдовательно, съ 1630 г.; онъ перешелъ и въ Уложеніе (XVI, 48). Но ни раньше, въ

---

¹⁾ В. Н. Сторожевъ. Указная книга Помѣстнаго приказа. М. 1889 стр. 98—9.

XVI в., ни въ тѣхъ самыхъ писцовыхъ 1620 гг., изъ которыхъ беретъ свой примѣръ авторъ, ни позже въ XVII в., одобряніе не было ограничиваемо случаемъ прирѣзки. При составленіи новыхъ писцовыхъ книгъ 1680-хъ годовъ, одобряніе распространено было и на случаи убавки оффиціальнымъ распоряженіемъ новаго писцоваго наказа (1684 г. П. С. З. № 1074, § 20): «а будетъ гдѣ въ дачахъ примѣрныхъ земель не будетъ, и тѣ земли *одобрявать изъ старыхъ дачъ*; а сколько четей и дачъ у кого въ одобряваньи будетъ, и тѣ чети съ тѣхъ людей, за кѣмъ тѣ земли одобрены будутъ, сымать и *изъ окладовъ выложить*».

Итакъ, напрасно А. С. Лаппо-Данилевскій свелъ операцію одобряванія къ одобряванію помѣстныхъ земель, и напрасно также въ одобряваніи помѣстныхъ земель онъ ограничился однимъ только случаемъ реальной прирѣзки. Къ финансовому одобряванію ни то, ни другое никакого отношенія не имѣютъ, такъ какъ помѣстныя земли платили въ XVII в. вообще не съ пашни, одобренной или неодобренной.

Далѣе авторъ останавливается на примѣненіи сохи къ посадскому обложенію (238—40) и отмѣчаетъ, между прочимъ, что посадскій «дворъ» также измѣрялся извѣстной земельной площадью, на которой стоялъ; нормальнымъ размѣромъ была площадь въ 900 кв. сажень; меньшая площадь выражалась долями цѣлаго двора: половиной, четвертью двора и т. д. Однако же, этимъ указаніемъ, отнесеннымъ притомъ въ примѣчаніе (238), и ограничивается авторъ, заинтересовавъ, но не удовлетворивъ читателя, который желаетъ знать, имѣли-ли эти размѣры двора какое-либо отношеніе къ его платежной силѣ. Повидимому, и самъ авторъ не имѣетъ опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ: по крайней мѣрѣ свое примѣчаніе онъ кончаетъ словами, что эти выраженія «полдвора, четверть двора и т. д... гораздо чаще встрѣчаются въ XVI в. и началѣ XVII в., чѣмъ впоследствии, когда сошное письмо стало замѣняться живущей четвертью, и зависимость двора отъ земельного участка едва-ли принималась во вниманіе». Думаемъ, что едва-ли это замѣчаніе вѣрно; напомнимъ, что руководство для вычисленія площади двора какъ разъ не входитъ въ составъ редакцій книги сошнаго письма, отнесенныхъ нами къ XVI в.; его нѣтъ и въ передѣлкѣ 1629 г.; напротивъ, оно помѣщено въ книгѣ сошнаго письма при Уложеніи и переписано въ спискѣ 1709 г. Принявъ мнѣніе автора, мы должны были бы заключить, что это руководство стало вводиться въ сошныя книги, послѣ того какъ потеряло всякое прак-

тическое примѣненіе. Между тѣмъ, по крайней мѣрѣ на одинъ случай такого примѣненія оно само же и указываетъ. «И только по государеву указу велѣно будетъ взять на государеву службу съ тѣхъ мелкихъ дворовъ противъ большаго четвероугольнаго двора съ круглыхъ съ 30 сажень, а съ дробныхъ съ 900 сажень¹⁾ даточнаго человѣка съ лошадыю и телѣгою; и (въ случаѣ если) въ тѣхъ мелкихъ дворахъ сверхъ дробныхъ 900 сажень перешло въ лишкѣ 30 сажень и (съ) тѣхъ переходящихъ сажень имати въ государеву казну деньгами съ сажени по чему государь укажетъ²⁾». Извѣстныя распоряженія XVII в. о подворныхъ сборахъ даточныхъ назначаютъ денежный сборъ, правда, не за переходящія сажени, а за переходящія дворы; затѣмъ они относятся къ дворамъ не только городскимъ, но и уѣзднымъ; но замѣтимъ, что и сошная книга не говоритъ, чтобы «дворовая мѣра» была специально свойственна городу. Намъ извѣстенъ также и другой случай, когда размѣры (посадскихъ) дворовъ принимались во вниманіе при уплатѣ подати тоже экстренней и подворной, какъ предыдущая: въ 1638 г. московскіе писцы получили наказъ описать въ городѣ Москвѣ «дворы и дворовая земля и огороды и измѣрить, что въ которомъ дворѣ длинниковъ и поперечниковъ будетъ сажень,... чтобъ про то было вѣдомо для городского и засѣчнаго дѣла³⁾». Итакъ, раскладка пропорціонально размѣрамъ двора, несомнѣнно, встрѣчается при взиманіи экстренныхъ *подворныхъ* сборовъ XVII в. Съ другой стороны, мы имѣемъ столь же несомнѣнные случаи, когда при *сошной* раскладкѣ размѣры двора въ расчетъ не принимались. Такъ, въ писцовой книгѣ 1625 г. тщательно измѣряются длинники и поперечники посадскихъ дворовъ, но при

---

1) На стр. 222 авторъ говоритъ, что десятина равна была $80 \times 30 = 2400$ кв. саженьямъ «дробнымъ», или 3200 кв. саженьямъ «круглымъ». Но терминъ «дробный» и означаетъ «квадратный», такъ что обѣ десятины выражены здѣсь въ «дробныхъ» саженьяхъ; «круглая» же мѣра получалась отъ измѣренія «вокругъ» и равнялась $\frac{1}{4}$ периметра; т. е. тѣ же десятины состояли изъ $\frac{80 + 30}{2} = 55$ сажень круглыхъ или $\frac{80 + 40}{2} = 60$ сажень круглыхъ.

2) Временникъ XVII, 72.

3) Читенія въ О. И. и Др. Р. 1890, III: Сообщение В. Эйнгорна «О переписныхъ книгахъ города Москвы и наказъ писцамъ 1638 г.». Вѣроятно, этотъ сборъ имѣетъ связь съ «подымной» податью для городского дѣла въ 2 р. съ двора, взимавшейся въ этомъ году. См. Гос. Хоз., стр. 67.

обложеніи — площадь двора никакого значенія не имѣетъ ¹⁾. Это и естественно, такъ какъ при сошной раскладкѣ посадское населеніе разверстывало между собой платежи не по размѣрамъ двора, а по животамъ и промысламъ.

Связывая дворовую мѣру именно съ *сошной* раскладкой и считая послѣднюю упраздненной со времени введенія подворной подати, авторъ просто примѣняетъ къ данному случаю свое общее представленіе о финансовой роли сошнаго письма и подворной подати. Сошное письмо для него есть орудіе взиманія «поземельнаго налога», и опредѣленіе платежной силы двора величиной его площади есть примѣненіе того-же «поземельнаго счета» (238). Для автора а priori ясно, что то и другое должно было пасть одновременно. Причины этого паденія онъ также конструируетъ а priori съ помощью извѣстной уже намъ мысли о развитіи русскихъ городовъ изъ селъ. «Исключительный характеръ сошнаго письма не допускалъ возможности вполнѣ удовлетворительнаго его примѣненія къ промышленному и торговому населенію. Сошное письмо выросло на земледѣльческой почвѣ. Правильное его примѣненіе обусловлено было исключительно зависимостью экономическаго благосостоянія тягльца отъ размѣровъ обрабатываемой имъ пашни. Вотъ почему, когда опредѣляющимъ началомъ такого благосостоянія въ нѣкоторыхъ классахъ населенія сталъ не только земельный участокъ, но и размѣры его промышленной дѣятельности или торговыхъ оборотовъ, сошное письмо оказалось недостаточнымъ. Въ примѣненіи къ посаду оно въ сущности превратилось въ своего рода подворную подать» (243). Въ этой аргументаціи мы не понимаемъ самаго главнаго: въ чемъ именно состоялъ тотъ «исключительный характеръ» сошнаго письма, который дѣлалъ невозможнымъ «примѣненіе его къ промышленному и торговому населенію»? Самъ авторъ признаетъ же въ концѣ этой цитаты, что сошное письмо уже приспособилось къ

¹⁾ Арх. М. Юст. Писцов. книга Рязани, № 399; при сопоставленіи дворовыхъ площадей съ количествомъ денежнаго оклада, въ который положены нѣкоторые плательщики, получаемъ, напр., слѣдующія цифры:

площадь двора	176	кв. саж.	(22 X 8)	окладъ	10 к.
»	»	232	»	»	1 р. 20 »
»	»	264	»	»	6 »
»	»	275 ¹ / ₂	»	»	9 »
»	»	348	»	»	9 »
»	»	368	»	»	30 »
»	»	960	»	»	4 »

особому положенію города; въ сущности, разъ уже соха стала фиктивной единицей, въ сошномъ письмѣ ничего и не оставалось специфически земледѣльческаго; въ окладномъ отношеніи совершенно безразлично было, состоитъ-ли соха изъ опредѣленнаго количества дворовъ или четвертей пашни; въ томъ и другомъ случаѣ соха представляла для правительства репартиціонный принципъ — и ничего кромѣ него. Но допустимъ на минуту, что «соха» все еще сохраняетъ какую-то связь съ земледѣліемъ; допустимъ, что въ городѣ ея паденіе вызвано именно ростомъ торгово-промышленнаго класса; въ такомъ случаѣ, чѣмъ объяснить появленіе подворной подати въ *уездѣ*, гдѣ населеніе, разумѣется, не переставало быть земледѣльческимъ? А вѣдь именно эту *всеобщую* подворную подать, а не спеціально городскую, предстоитъ объяснить историку прямаго обложенія.

Авторъ чувствуетъ, конечно, и самъ недостаточность своей мотивировки и необходимость другихъ объясненій паденія сошнаго письма; онъ находитъ ихъ, во первыхъ, въ «неудобствѣ примѣненія сошнаго письма ко все болѣе расширявшейся территоріи государства и къ возрастающему количеству обработанныхъ пашень, требовавшихъ измѣренія». Какія именно части территоріи здѣсь разумѣются, почему правительство затруднялось измѣрять новыя пашни и затруднялось-ли оно вообще этимъ, — все это остается неизвѣстнымъ, вслѣдствіе чего и объясненіе не достигаетъ цѣли, такъ какъ не заключаетъ въ себѣ опредѣленнаго реального содержанія. Столь же неудачнымъ кажется намъ и другое объясненіе перехода отъ сошнаго письма къ подворной подати, именно, ссылка на «упадокъ земледѣлія», какъ результатъ смутнаго времени. По мнѣнію автора «уцѣлѣвшіе землевладѣльцы имѣли очень небольшое количество паханной земли» (243); это «малое количество обработанной пашни доводило взимаемая съ нея подати до незначительныхъ размѣровъ»; между тѣмъ «подворная подать сразу могла повысить размѣры государственныхъ доходовъ», не отягощая пашни, «съ которой уже не приходилось платить большинство податей»; такимъ образомъ и произошла «реформа, въ силу которой съ конца 20-хъ годовъ сошное письмо стало замѣняться дворовымъ числомъ» (244—5). Объясненіе это бьетъ мимо цѣли уже по той причинѣ, что, какъ сейчасъ увидимъ, сошное письмо вовсе не стало замѣняться «дворовымъ числомъ» въ концѣ 20-хъ годовъ. Мы увидимъ, напротивъ, что дѣйствительная реформа этого времени вызвана была именно увеличеніемъ запашки. Но если-бы даже и дѣйстви-

тельно подворная подать была введена именно въ этотъ моментъ, не совсѣмъ понятно, что могло отъ этого выиграть правительство? Пустѣли отъ обстоятельствъ смутнаго времени, конечно, не однѣ пашни, а вмѣстѣ съ ними и дворы, и мы не знаемъ, какимъ образомъ, проигравъ въ количествѣ обложенной пашни, правительство могло выиграть въ количествѣ облагаемыхъ дворовъ тѣхъ же самыхъ плательщиковъ. Облегчить положеніе плательщиковъ можно было только уменьшеніемъ податей, а не измѣненіемъ въ способѣ ихъ взиманія съ тѣхъ же плательщиковъ; между тѣмъ мы видѣли не уменьшеніе, а огромный ростъ податей послѣ смутнаго времени. Какимъ образомъ простая переменна окладной единицы могла разь и увеличить доходы казны и облегчить положеніе земледѣльческаго класса, — для насъ совсѣмъ непонятно. Но что же произошло въ дѣйствительности въ концѣ 20-хъ годовъ?

Обстоятельствомъ, смутившимъ А. С. Лаппо-Данилевскаго было, кромѣ его общей идеи о древнемъ «поземельномъ налогѣ», долженствовавшемъ смѣниться подворнымъ, — открытіе имъ въ переписи 1620-хъ годовъ новой окладной единицы, «живущей четверти». Открытіе это есть въ значительной степени заслуга А. С. Лаппо-Данилевскаго ¹⁾ и представляется намъ однимъ изъ самыхъ важныхъ результатовъ его работы. Довольно естественно, что этимъ открытіемъ авторъ воспользоваться для доказательства своей любимой мысли. Дѣло въ томъ, что когда перепись уже была начата, правительство распорядилось класть въ сошное письмо на помѣстныхъ и монастырскихъ земляхъ — по извѣстному количеству крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ на «живущую» или «платежную» четверть пашни. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній установилась и опредѣленная цифра тѣхъ и другихъ дворовъ, приходившаяся въ разныхъ мѣстностяхъ и на разныхъ категоріяхъ земель на «живущую четъ» сошнаго письма. Такова сущность факта, впервые описаннаго авторомъ и, несомнѣнно, въ высшей степени важнаго. Къ сожалѣнію, и въ этомъ случаѣ авторъ взялъ живущую четверть, какъ готовое явленіе, и не обратилъ надлежащаго вниманія на ея происхожденіе. Не выяснивъ происхожденія живущей четверти, авторъ не имѣлъ возможности оцѣнить какъ слѣдуетъ и ея финансовой роли и ея отношеній къ сошному письму и подворной подати. Въ своей

---

¹⁾ См. впрочемъ В. О. Ключевскаго, Подушная подать и отѣна холопства. Р. Мысль. 1886, X, стр. 13.

работѣ (17—22) мы старались сдѣлать соответствующія поправки и доказать, что 1) живущая четверть произошла изъ сошнаго письма и была однимъ изъ способовъ его примѣненія; 2) что она не была введена повсемѣстно и рядомъ съ нею сохранялось сошное письмо въ прежнемъ видѣ до самаго конца столѣтія; 3) что она не имѣла ничего общаго съ подворной податью и введеніемъ послѣдней уничтожалась въ той же степени, какъ и сошное письмо. Здѣсь мы воспользуемся случаемъ для дальнѣйшаго развитія тѣхъ же положеній.

Прежде всего, въ моментъ реформы 1630—31 гг. живущая четверть, какъ платежная единица, вовсе не была какой-либо новостью. Мы указывали прежде на то обстоятельство, что въ концѣ XVI в. служилое населеніе окраинъ платило не съ полного размѣра своихъ помѣстьевъ, а только съ *живущихъ* четвертей распаханной пашни, оставляя въ сторонѣ перелогъ и дикое поле. Обычное количество распаханной пашни было, дѣйствительно, такъ ничтожно въ этихъ мѣстностяхъ, что его *нельзя было выразить даже въ самыхъ мелкихъ дробяхъ сохи*, употребительныхъ при сошномъ счетѣ. $\frac{1}{32}$ сохи въ 800 четвертей равнялась 25 четв. пашни; $\frac{1}{24}$ — $33\frac{1}{3}$ четв.; а паханной пашни у этихъ помѣщиковъ было всего отъ одной до четырехъ четвертей. Такъ какъ они платили только съ этихъ 1—4 четв., то для нихъ уже надобно было сдѣлать и раздробительный расчетъ платежей, подобный тому, который мы приводили выше по грамотѣ 1607 г.¹⁾ При разореніи смутнаго времени на положеніи окраинъ оказались и центральныя мѣстности и въ виду запустѣнія земель не только служилаго класса но и духовенства, и дворцовыхъ, пришлось и здѣсь различать «живущее» отъ «пустаго» и разрѣшать—послѣ спеціального «дозора»—платежи съ одного «живущаго». Въ результатѣ такихъ разрѣшеній, случай, когда помѣщики и вотчинники владѣли *многими землями*, (а платили за нихъ) *за малыя чети*», долженъ былъ сдѣлаться весьма обыкновеннымъ и въ центрѣ Россіи²⁾. Но условія, при которыхъ даны были эти льготы, мѣнялись; окраины переставали быть окраинами, разоренное населеніе центра до нѣкоторой степени оправилось отъ опу-

---

¹⁾ Рум. муз. отписка Гарелина, 7115, марта 27: Костромской губ. старосты взяли съ вотчины Головцына съ 8 четей ямскихъ денегъ — въ 10 рублей съ сохи — 3 алтына 2 деньги, да корму въ 40 алтынъ 16 ден. съ сохи — 3 деньги.

²⁾ См. Сторожева, Указная кн. Пом. прик. 56—8, гдѣ это владѣніе «многими землями за малыя четверти» прямо поставлено въ связь съ «новыми дозорными» и въ противоположность съ «старыми писцовыми книгами».

стошеній смутной эпохи къ тому времени, когда вернулся изъ польскаго плѣна патр. Филаретъ и задумалъ новую перепись. Чтобы понять, какъ могла явиться у правительства мысль о реформѣ, достаточно заглянуть въ результаты этой переписи: выберемъ нѣсколько случаевъ изъ тѣхъ образчиковъ переписи, которые были представлены правительству раньше того времени, когда оно рѣшилось на эту реформу:

Кашинскій у. писцовая 1628—9 г.; итогъ: «пашни паханой и лѣсу пашеннаго середніе земли 3.085¹/₃ чети, и изъ того числа въ живущемъ 1³/₄ чети». *Воронежск. у.* 1629: за четырьмя монастыри на посадѣ и въ уѣздѣ монастырскихъ 63 дв., а людей въ нихъ прикащиковъ и монастырскихъ всякихъ работниковъ и дѣтенышевъ 83 челов.; крестьянскихъ 31 дв., людей въ нихъ 53 челов., бобыльскихъ 46 дворовъ, людей 59 челов. Пашни паханной и перелогомъ и дикаго поля 1360 четв. въ полѣ. И изъ того числа въ живущемъ 8¹¹/₁₆ чети ¹).

Записанныя въ платежъ живущія чети составляли, какъ видимъ, уже слишкомъ большое несоотвѣтствіе съ общимъ количествомъ владѣемой земли, и ничтожность ихъ количества рѣзко противорѣчила значительной цыфрѣ рабочихъ дворовъ, поселенныхъ на этой землѣ. Если правительство не хотѣло вернуться къ прежнему обложенію *полнаго* сошнаго письма, что было бы, вѣроятно, уже слишкомъ рѣзкимъ отягощеніемъ плательщиковъ и слишкомъ крутымъ переверотомъ въ ихъ положеніи; если оно не могло, далѣе, отдѣлнить дѣйствительно обработанной земли отъ несомнѣнно пустой, можетъ-быть, по недостатку точныхъ данныхъ, — то оставался, въ самомъ дѣлѣ, единственный способъ опредѣлить платежную способность каждаго владѣнія: количествомъ поселенныхъ въ его предѣлахъ крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ. По особому, свойственному Московскому государству консерватизму, Московское правительство оставило старое названіе «живущей четверти пашни», но приравняло ее опредѣленному количеству дворовъ и, такимъ образомъ, получило новую окладную единицу, столь же мало похожую на прежнюю, какъ мало походила «соха», опредѣленная извѣстнымъ количествомъ четвертей, — на старую соху — единицу рабочей силы.

---

¹) Арх. М. Юст. Кашин. у. писцов. № 173, л. 590 и Воронежск. писцов. книги, издан. Воронежск. губерн. стат. ком. Воронежъ 1891, стр. 231. Количество такихъ примѣровъ можно увеличить по желанію.

Размѣры новой единицы опредѣляются прямыми правительственными распоряженіями 1630 и 1631 г., напечатанными В. Н. Сторожевымъ въ изданіи «Указной книги Помѣстнаго приказа» А. С. Лаппо-Данилевскій приводитъ ихъ въ приложеніи (стр. 530—31). Въ текстѣ же онъ опредѣляетъ размѣры живущей четверти на основаніи самихъ писцовыхъ (248—55). Слѣдовало бы при этомъ точнѣе раздѣлить матеріалъ, представляемый писцовыми книгами законченными до распоряженій 1630—31 г., отъ писцовыхъ, имѣвшихъ уже эти распоряженія въ виду и цитировавшихъ даже его иногда въ началѣ своего текста; есть наконецъ и промежуточный типъ писцовыхъ, составленныхъ, повидимому, раньше указовъ, но оставившихъ пробѣлы для внесенія перевода на живущія четверти и внесшихъ этотъ переводъ позднѣе ¹⁾. Естественно, что въ писцовыхъ, законченныхъ ранѣе, врядъ-ли можно искать соотвѣтствія между количествомъ дворовъ и живущихъ четвертей. Между тѣмъ авторъ не дѣлаетъ этой предварительной сортировки матеріала (ср. 252, прим. 1 и стр. 533). Несмотря на это, главные выводы его основаны на такомъ значительномъ количествѣ данныхъ, что они, кажется, не пострадаютъ нисколько отъ дальнѣйшаго пересмотра матеріала. Сюда именно относятся его заключенія, что количество дворовъ живущей четверти колебалось 1) въ связи съ хозяйственнымъ состояніемъ дворовъ, 2) въ зависимости отъ техническихъ приѣмовъ четвертнаго счета (251—2): послѣднія колебанія выражались въ счетѣ дворовъ десятиными и двадцатыми долями четверти, или осьмиными, шестнадцатыми, судя по тому, какъ удобнѣе было для полученія обычныхъ дробей старинной сошной арпюметики. Но не всё колебанія размѣровъ живущей четверти удастся автору объяснить такимъ образомъ, и онъ самъ признаетъ, что «встрѣчаются случаи, едва-ли поддающіеся классификаціи». Значительная часть такихъ случаевъ, кажется, можетъ быть отнесена на долю болѣе ранняго матеріала (до 1630—31 г.); но и въ матеріалѣ послѣ 1631 г. не мало встрѣчается колебаній, и для насъ непонятныхъ.

Другое наше положеніе, — что живущая четверть не была введена повсемѣстно, собственно говоря, вполне признаетъ и самъ авторъ. «Къ чернымъ волостямъ и дворцовымъ селамъ, замѣчаетъ онъ, счетъ живущими четвертями, повидимому, не примѣнялся» (250, прим. 1). Къ дворцовымъ селамъ онъ, положимъ, примѣнялся, но къ чернымъ волостямъ не примѣнялся навѣрное, и, такимъ об-

---

¹⁾ Сюда напр. относится Арх. М. Юст. Костр. у., кв. 132 года, №№ 209 и 210.

разомъ, весь сѣверъ Россіи остался при старомъ сошномъ письмѣ: послѣднее обстоятельство авторъ, какъ сейчасъ увидимъ, совершенно игнорируетъ.

Наконецъ, что особенно важно для нашей цѣли, платежъ съ живущей чети не былъ подворной податью, вопреки постоянному утверженію автора. Живущая четъ разсматривалась какъ примѣненіе того же сошнаго письма, какъ $\frac{1}{800}$ сохи; въ этомъ мы могли неоднократно убѣдиться при переводѣ окладовъ старыхъ и вновь возникавшихъ податей съ сохи на живущую четверть¹⁾. Болѣе мелкая, чѣмъ соха, эта окладная единица была особенно удобна въ приложеніи къ мелкимъ размѣрамъ владѣльческаго участка; затѣмъ, приравненная извѣстному количеству дворовъ, она давала владѣльческой землѣ огромное податное преимущество передъ ѡерной: съ одной четверти, т. е. съ полудесятины — черносошный крестьянинъ русскаго сѣвера долженъ былъ платить столько же, сколько землевладѣлецъ остальной Россіи платилъ съ 7—10 крестьянскихъ дворовъ, т. е. считая обычный крестьянскій надѣлъ (выть) въ 6 десятинъ доброй земли — съ 42—60 десятинъ (въ одномъ полѣ). Позднѣе, какъ мы видѣли, эта неравномѣрность была нѣсколько сглажена при дальнѣйшихъ повышеніяхъ податныхъ окладовъ; но все же разница продолжала оставаться огромной. Несомнѣнно, такимъ образомъ, что даже увеличивъ податныя тягости землевладѣльцевъ сравнительно съ предъидущимъ временемъ, живущая четверть всетаки сохранила для нихъ крайне привилегированное положеніе въ «распредѣленіи податнаго бремени». Эти наблюденія выясняютъ, слѣдовательно, и формальное тожество и огромное реальное различіе между обложеніемъ по сохамъ и по живущимъ четвертямъ; они дѣлаютъ понятнымъ почему одна и та же подать представляется страшной тяжестью при взиманіи ея съ сохи (на сѣверѣ) и не вызываетъ ропота при взиманіи съ живущей четверти. Эти же замѣчанія выясняютъ и первостепенную финансовую роль сѣвера и завѣдовавшихъ имъ четей (новгородской и устюжской).

Не замѣтивъ происхожденія живущей четверти изъ сошнаго письма и тѣснѣйшей связи ея съ послѣднимъ, А. С. Лаппо-Данилевскій чрезвычайно затруднилъ себѣ пониманіе финансовой исторіи XVII в. Прежде всего дальнѣйшая судьба самого сошнаго письма сдѣлалась для него весьма неясной. Онъ, конечно, долженъ былъ признать тотъ фактъ, что «хотя къ концу 30-хъ годовъ XVII в. сошное письмо стало *мало-по-малу* замѣняться подворной податью,

---

¹⁾ См. выше, стр. 90—91, 92—93, прим. 1, 95, 116.

однако оно не вполне утратило свое значеніе въ позднѣйшее время (240)». Но въ чемъ состояла эта позднѣйшая роль сошнаго письма, авторъ сказать не можетъ. Онъ старается, правда, уловить ее на трехъ частныхъ случаяхъ, но заключеніе, сдѣланное имъ изъ первыхъ двухъ, не идетъ дальше самыхъ этихъ случаевъ и даже непонятно помимо нихъ; третій же случай приводитъ его къ невѣрному выводу, что иногда «сошное письмо продолжало употребляться въ виду большаго его соответствія съ *характеромъ* даннаго налога»: именно, стрѣлецкій хлѣбъ въ натуральномъ видѣ продолжалъ вѣдаться съ сошнаго письма даже въ 70-хъ годахъ XVII в., а при переводѣ его на деньги и самыя деньги вѣмались съ живущей чети пашни, напр. въ поморскихъ и вятскихъ городахъ до 1679 г.». Эти утвержденія основаны на указанныхъ уже нами недоразумѣніяхъ автора по поводу исторіи стрѣleckой подати: «стрѣлецкій хлѣбъ въ натуральномъ видѣ» какъ разъ собирался съ тѣхъ мѣстностей, которыя не сохранили сошнаго письма въ чистомъ видѣ, а платили съ «живущей четверти» (именно здѣсь напрасно употребляемой авторомъ какъ синонимъ сошнаго письма); а съ сошнаго письма въ старомъ его видѣ какъ разъ платился не стрѣлецкій *хлѣбъ*, а старая *денежная* стрѣлецкая подать. Отмѣтивъ ранѣе самъ, что «живущая четверть» не проникала въ черныя волости, авторъ уже изъ этого одного могъ бы вывести заключеніе, что тамъ, — т. е. на всемъ сѣверо-востокѣ, сохранилось старое сошное письмо; по документамъ видно, что оно употреблялось тамъ до самаго конца столѣтія и не только для платежа стрѣлецкой подати, но и для всѣхъ остальныхъ репартиціонныхъ налоговъ. Не подозрѣваетъ авторъ и того, что совершенно такую же роль играла и живущая четверть въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она замѣнила старое сошное письмо: т. е. и съ нея платились *всѣ* подати старой репартиціонной системы. Послѣ того, что мы говорили выше о переводѣ всѣхъ старыхъ окладовъ съ сохи на живущую четверть (по расчету $\frac{1}{800}$), уже само собой ясно, что съ сохи и съ живущей четверти не могли вѣдаться разные налоги, и не было никакой нужды сохранять въ одномъ и томъ же мѣстѣ обѣ единицы, когда вторая съ финансовой точки зрѣнія была только инымъ выраженіемъ первой. Такъ какъ, слѣдовательно, съ обѣихъ, несомнѣнно, вѣмались однѣ и тѣ же подати, то естественно, авторъ ставитъ себя въ очень затруднительное положеніе, полагая, что та и другая служили «для различнаго рода налоговъ и повинностей», и пытается опредѣлить, для какихъ именно. «Важнѣйшіе виды прямыхъ налоговъ, говоритъ онъ,

какъ-то: данныя, полонянничныя, ямскія, стрѣleckiя деньги и деньги ратнымъ людямъ на жалованье уже взиmались въ это время съ новой податной единицы, введенной въ употребленіе до конца 30-хъ годовъ,—съ *живущей четверти и двора*» (241). Въ такомъ случаѣ съ сошнаго письма не взиmалось ничего, такъ какъ тутъ перечислены всѣ подати, подлежащія прежде сошной раскладкѣ. На дѣлѣ всѣ тѣ изъ перечисленныхъ податей, которыя платились съ «живущей четверти», платились и съ сошнаго письма въ другихъ мѣстностяхъ; единственная же подать, платившаяся съ двора (деньги ратнымъ людямъ на жалованье), не платилась ни съ сохи, ни съ живущей четверти. Авторъ провелъ границу не тамъ, гдѣ она шла въ дѣйствительности: отдѣливъ живущую четверть рѣзкою чертою отъ сошнаго письма, съ которымъ она была въ финансовомъ отношеніи тождественна, онъ, напротивъ, слилъ ее съ дворомъ, — т. е. съ окладной единицей существенно различнаго характера. Эта единица, — дворъ, дѣйствительно, употреблялась для пныхъ налоговъ, чѣмъ соха и живущая четверть: съ нея стали сбираться новые экстренные сборы— «новоприбылыя тягла», тогда какъ всѣ старые продолжали взиmаться по прежнему съ сошнаго письма—или въ старомъ видѣ цѣлой сохи или въ раздробленномъ видѣ — живущей четверти. Въ теченіе вѣка на новую единицу — дворъ переводятся затѣмъ и всѣ старые налоги, и только съ ихъ переводомъ въ концѣ столѣтія роль сошнаго письма оказывается окончательно сыгранной. До тѣхъ же поръ, до перевода на дворъ полонянничныхъ въ 1649 г., стрѣleckихъ и ямскихъ въ 1679 г. и до уничтоженія «данныхъ» въ томъ же 1679 г., сошное письмо и живущая четверть продолжаютъ служить по-старому основаніемъ податной раскладки и взиmанія, и большею частію даже въ томъ самомъ количествѣ, какое установлено еще писцовыми книгами 1620-хъ и 1630-хъ годовъ. Такъ въ приведенныхъ выше примѣрахъ помѣстье Костюриныхъ платило въ первыя десятилѣтія XVII в. съ $2\frac{1}{4}$ живущихъ четвертей; послѣ приравненія живущей четверти опредѣленному количеству дворовъ въ данномъ случаѣ съ 1638—9 г., въ этомъ помѣстьѣ оказалось $1\frac{1}{4}$ четверти и съ этого числа идутъ всѣ обычные платежи (по отпискамъ) вплоть до 1677 г., т. е. до составленія новой переписи, послужившей основаніемъ для окончательнаго введенія подворной подати. Точно также Шуя платитъ до 1636 г. съ $15\frac{1}{4}$ живущихъ четвертей, а съ 1637 г. устанавливается новое количество платежныхъ единицъ— 25 четей и остается въ употребленіи до 1679 года. Съ этихъ поръ Костюрины платятъ съ 18 дворовъ, а Шуя съ 203 дворовъ по

новой переписи ¹). Этому обстоятельству, т. е. сохраненію практическаго значенія писцовыхъ книгъ 1620-хъ и 1630-хъ годовъ въ теченіе столѣтія, мы обязаны въ значительной степени и сохраненіемъ большаго числа ихъ до нашего времени. Но въ концѣ столѣтія, въ тотъ самый моментъ, когда сошное письмо теряло практическое значеніе, его роль (т. е. и сохи и живущей четверти) до такой степени мало считалась устарѣвшей, что задумано было составленіе новыхъ писцовыхъ (1680-хъ годовъ), и самый переводъ старыхъ податей на дворъ первоначально долженъ былъ имѣть характеръ временной мѣры ²).

Полагая, что введеніе живущей четверти было рѣшительнымъ шагомъ къ упраздненію сошнаго письма, и считая платежъ съ живущей четверти — подворной податью, авторъ, естественно, сосредоточилъ все свое вниманіе на концѣ 20-хъ годовъ XVII ст. Послѣдствіемъ этого было то, что дѣйствительный процессъ вытѣсненія сошнаго письма и живущей четверти настоящей подворной податью, процессъ, начавшійся только послѣ введенія живущей четверти, въ значительной степени ускользнулъ отъ вниманія автора; а по этой причинѣ и основной смыслъ постепеннаго роста подворнаго обложенія остался, какъ мы думаемъ, непонятымъ.

Желанной цѣлью правительства при введеніи подворной подати было, по мнѣнію автора, увеличеніе поступленій и поднятіе земледѣлія (259, ср. 244). Первое необходимо признать даже а priori, такъ какъ увеличеніе поступленій составляло (прежде еще болѣе, чѣмъ теперь) цѣль всякой крупной финансовой операціи. Разница между нами и авторомъ заключается тутъ лишь въ томъ, что онъ считаетъ непосредственной причиной реформы — уменьшеніе количества запашки во время смуты (выше стр. 116), а мы — увеличеніе этого количества — на окраинахъ съ конца XVI в., а въ центрѣ — въ ближайшіе годы послѣ смутнаго времени. Фактъ такого увеличенія лучше всего засвидѣтельствованъ самимъ авторомъ: въ приложеніи X онъ приводитъ рядъ цифръ, показывающихъ значительный ростъ земледѣльской культуры съ 1615 до 1628 года. Правда, эти данныя представляются ему въ текстѣ, какъ *сльдствіе* реформы (259); въ приложеніи онъ выражается нѣсколько сдержаннѣе: «это развитіе (количества запашекъ) нельзя, конечно, всецѣло приписывать введенію подворной подати (живущей четверти); но,

---

¹ Ср. относительно Устюжской четверти таблицу на стр. 92. Гос. Хоз.

² См. Гос. Хоз., 85.

быть можетъ, оно совершалось не безъ его вліянія» (542). Трудно понять, однако, какъ могла оказать въ 1615—1628 гг. вліяніе реформа, которая только введена была въ 1630—31 г.: здѣсь, какъ и при вычисленіи размѣровъ живущей четверти, авторъ какъ бы игнорируетъ законодательныя распоряженія, приведенныя имъ (съ таблицей В. Н. Сторожева) въ приложеніи VIII; кажется, впрочемъ и въ этомъ приложеніи указы 1630 и 1631 гг. не представляются ему *новыми* распоряженіями; но тогда, къ какому же именно моменту приурочиваетъ онъ «введеніе подворной подати въ концѣ 20-хъ годовъ»?

Итакъ, поднятіе земледѣлія и увеличеніе запашекъ не было «желанной цѣлью» реформы 1630—31 гг., а, наоборотъ, ея причиной. И во всякомъ случаѣ все, что говорится и авторомъ и нами для объясненія *этой* реформы, не имѣетъ еще никакого отношенія къ объясненію введенія подворной подати. Вслѣдъ за приведенными наблюденіями, авторъ дѣлаетъ, правда, еще одно, весьма важное, и какъ мы думаемъ, совершенно вѣрное: «подворная подать, по этому наблюденію, способствовала повышенію средней населенности тяглаго двора» (259). Такъ какъ живущая четверть тоже измѣрялась послѣ реформы 1631 г., опредѣленнымъ количествомъ дворовъ, то, конечно, владѣльцу было выгодно не отводить новыхъ дворовъ и сосредоточивать рабочее населеніе въ наименьшемъ количествѣ ихъ, увеличивая этимъ самымъ ихъ населенность.

Въ этомъ случаѣ, такимъ образомъ, введеніе живущей четверти могло имѣть, и, вѣроятно, имѣло одинаковое вліяніе съ подворной податью. Но въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ *послѣдствій* подворной подати, а не съ ея причинами. Такъ какъ все, что говорится авторомъ о *причинахъ* послѣдней, относится собственно не къ ней, а къ живущей четверти, то мотивировку введенія *подворной* подати приходится считать отсутствующей. Между тѣмъ, эта мотивировка выясняется до нѣкоторой степени изъ самыхъ случаевъ примѣненія подворной подати. Съ сошнаго письма и живущей четверти, какъ мы уже знаемъ, взымались всѣ *обычныя* подати. Напротивъ, дворъ является единицей обложенія для экстренныхъ сборовъ, преимущественно военнаго характера. Первымъ повсемѣстнымъ сборомъ этого рода, сколько мы знаемъ, былъ «подымный сборъ» 1638 и 1639 гг. (Гос. Хоз. 67—8). Уже прямо для цѣлей подворнаго обложенія предпринята была, какъ думаемъ, и перепись 1646—48 г.; она и послужила немедленно по окончаніи для новаго экстреннаго сбора и для перевода на дворъ

одной изъ постоянныхъ податей — полонянничныхъ денегъ¹⁾. Выгоды подворнаго обложенія вытекали изъ того обстоятельства, что дворовая перепись привлекала къ обложенію новые разряды плательщиковъ, которые при сошномъ письмѣ писцовыхъ книгъ оказывались «въ избыли». Его неудобства состояли въ томъ, что при новой перепискѣ выкидывались изъ счета и изъ платежа пустые дворы, за жителей которыхъ платила по писцовымъ книгамъ та тяглая группа, къ которой они принадлежали. За то взиманіе подворной подати, какъ налога съ менѣе репартиціоннымъ характеромъ, было болѣе доступно непосредственному контролю администраціи и могло быть изъято изъ вѣдѣнія автономной областной раскладочной организаціи. Такимъ образомъ, при налогахъ *старыхъ*, гдѣ важно было сохранить прежнее количество плательщиковъ, игнорируя ихъ убыль, и заставляя платить за убылыхъ — ихъ сочленовъ (по старому окладу), — при налогахъ *обычныхъ*, гдѣ не было нужды въ немедленномъ поступленіи сбора и гдѣ можно было предоставить взиманіе обычному ходу, — выгоднѣе было сохранить старое сошное и четвертное обложеніе. Напротивъ, при «новоприбылыхъ тяглахъ», гдѣ и количество платежа и количество плательщиковъ впервые опредѣлялось, — при экстренныхъ сборахъ на спеціальныя нужды, гдѣ нужна была точность и своевременность поступленій, выгоднѣе было прибѣгнуть къ новой окладной единицѣ. Эти соображенія должны объяснить и сохраненіе стараго сошнаго письма и появленіе подворной подати.

Мы только-что приписали послѣдней менѣе репартиціонный характеръ, чѣмъ сошному письму. Въ этомъ случаѣ мы опять сталкиваемся съ рѣзко противоположнымъ мнѣніемъ автора. «Въ равномерномъ окладѣ (дворовой подати), говоритъ онъ, гораздо рѣзче выразился репартиціонный характеръ организаціи прямаго обложенія» (505). Въ виду такого столкновенія мнѣній, обратимся къ экспертизѣ специалистовъ и воспользуемся для этой цѣли книгой, которой пользовался и самъ А. С. Лаппо-Данилевскій и которая оказала значительное вліяніе не только на его общіе взгляды, но даже на его оцѣнку явленій русской финансовой исторіи. «Налоги раскладочные (репартиціонные), говоритъ В. А. Лебедевъ²⁾ — тѣ, которые опредѣляются въ общемъ итогѣ, а количество ихъ

---

¹⁾ Госуд. хоз., стр. 72—73.

²⁾ Финансовое право, I, 2, 464. Ср. И. И. Янжула. Основныя начала финансов. науки, 266.

(окладъ), приходящееся на каждого плательщика, опредѣляется раскладкою, дѣлаемою или особыми выборными комиссіями или самими обществами плательщиковъ. Оклады здѣсь, слѣдовательно, *не одинаковы*, а измѣняются съ измѣненіемъ числа плательщиковъ и числа податныхъ единицъ; неподвижною или мало-подвижною остается лишь общая сумма налога. Въ налогахъ окладныхъ (квотативныхъ), наоборотъ, законъ опредѣляетъ прямо окладъ лица или податной единицы, и сложениемъ этихъ частныхъ окладовъ получается уже общая сумма налога». Прилагая это опредѣленіе къ сошному и подворному обложенію, мы находимъ: 1) что назначеніе извѣстной суммы на соху предполагаетъ дальнѣйшую раскладку ея между плательщиками, притомъ связанными круговой порукой, при которой измѣненіе количества плательщиковъ не вліяетъ на измѣненіе платимаго ими количества налога. 2) Что назначеніе извѣстной суммы на дворъ *само по себѣ* не предполагаетъ дальнѣйшей раскладки и составляетъ опредѣленный *quotum* на каждого плательщика. Такимъ образомъ, *по идеѣ* дворовая подать есть квотативная, въ противоположность раскладочной сошной. Не смотря на это, квотативной ее считать нельзя, такъ какъ въ *своемъ осуществленіи* она превращается въ ту же репартиціонную: извѣстная сумма дворовъ тяглой группы складывается, и вычисляется соотвѣтствующее количество подворной подати; затѣмъ, это общее количество распределяется вновь между дворами уже по обычному раскладочному принципу — по животамъ и промысламъ. Мы не будемъ приводить позднѣйшихъ примѣровъ, когда такой характеръ дворовой подати становится несомнѣннымъ. Но и въ самомъ началѣ, когда количество дворовъ спеціально высчитывается для извѣстнаго сбора, равенство платежей ихъ остается фиктивнымъ. Мы упоминали выше про сборъ 1638 г., какъ про первый извѣстный намъ примѣръ дворовой подати. При Устюжскомъ соборѣ было девять дворовъ церковнослужителей; съ нихъ слѣдовало по 2 р. съ двора — 18 руб. На дѣлѣ они платятъ эти 18 р. вовсе не равными долями, а «по церковному доходу»: протопопъ — 3 р. 27 коп.; протодьяконъ съ ключаремъ — 2 р. 46 коп.; четыре попа и два дьякона — по 64 коп. съ двора ¹⁾. Такимъ образомъ, квотативный характеръ подворной подати не сохранился при самомъ ея появленіи. Но отсюда далеко еще до утвержденія, что подворная подать, *какъ равномерная*, была крайнимъ проявленіемъ репартиціоннаго принципа. Представляя

---

¹⁾ Р. Ист. Библ. XII, 206.

раскладку общинѣ, репартиціонный принципъ именно уничтожалъ всякую возможность равномерности, и введеніе равномернаго оклада для каждаго двора нельзя не считать ослабленіемъ репартиціоннаго принципа.

Между тѣмъ это представленіе о какой-то связи репартиціоннаго принципа съ равномерностью обложенія играетъ важную роль въ общихъ воззрѣніяхъ автора. «Правительство, какъ извѣстно, равномерно окладывало всякаго налогоплательщика. . . . Въ репартиціонной системѣ оно находило средство къ централизаціи, ибо ею уравнивало обязанности различныхъ областей къ государству, стягивало распредѣленіе этихъ обязанностей въ главный центръ и ставило въ непосредственную зависимость отъ этого центра возможно большее количество нерѣдко весьма мелкихъ территориальныхъ единицъ» (504). «Постепенное установленіе репартиціонной системы находилось въ связи съ усиленіемъ централизаціи и поглощеніемъ лица государствомъ. Индивидуальныя особенности каждаго налогоплательщика не принимались во вниманіе; онѣ сглаживались подъ могучимъ вліяніемъ общихъ государственныхъ потребностей» (281—82). «Итакъ, милитаризмъ въ связи съ монархическимъ принципомъ. . . . вызывалъ образованіе репартиціонной системы». Въ этихъ мѣстахъ заключается, съ точки зрѣнія автора, самый главный выводъ всей его книги. Съ нашей точки зрѣнія, мы не можемъ не замѣтить, что формулировка этого вывода существенно пострадала отъ только-что указаннаго терминологическаго недоразумѣнія. Что такое репартиціонная система и какая можетъ быть связь ея съ усиленіемъ государственной власти и развитіемъ централизаціи? Репартиціонная система не только не вызывается силой государственной власти, но, напротивъ, предполагаетъ ея безсиліе: безсиліе органовъ финансовой администраціи въ дѣлѣ обложенія и раскладки, или, еще болѣе, — полное отсутствіе этихъ органовъ. Не имѣя своихъ собственныхъ органовъ, правительство организуетъ областное населеніе въ тяглыя группы, передаетъ имъ поневолѣ часть своихъ функцій, связываетъ ихъ обязательной круговой порукой, и такимъ образомъ является — съ очень давнихъ поръ въ Россіи — репартиціонная система. Съ развитіемъ государственности всѣ элементы этой системы должны постепенно оказаться лишними. Самое это развитіе государственности есть фактъ безспорный, и его признаки изображены авторомъ совершенно вѣрно; правъ авторъ и въ томъ, что въ организаціи прямаго обложенія одно изъ самыхъ главныхъ проявленій усиленія

государственности есть подворная подать, приближающая правительство къ плательщику; но и подворная подать и другіе указы-ваемые авторомъ признаки свидѣтельствуютъ не объ «установленіи репартиціонной системы», а объ ея «упадкѣ». Замѣнивъ «установленіе» и «образованіе репартиціонной системы» — «упадкомъ репартиціонной системы» во всѣхъ соотвѣтствующихъ мѣстахъ цитированныхъ фразъ, мы могли бы вполне согласиться съ выводомъ автора.

Покончивъ съ механизмомъ обложенія, мы прямо переходимъ къ механизму раскладки, такъ какъ промежуточный отдѣлъ о «составленіи окладныхъ росписей и смѣтныхъ списковъ» удобнѣе будетъ рассмотреть вмѣстѣ съ главой о центральной администраціи. Начало слѣдующаго отдѣла, посвященное составу областной финансово-вой администраціи, тоже можно соединить съ относящимся къ тому же предмету содержаніемъ главы «о взиманіи податей».

Податная раскладка обычныхъ сборовъ предоставлена была всецѣло мѣстнымъ тяглымъ группамъ; естественно, что наиболѣе характерной и наиболѣе удобной для наблюденія является она въ черныхъ волостяхъ, какъ группахъ наиболѣе обширныхъ. Съ черныхъ волостей и начинается А. С. Лаппо-Данилевскій изученіе процесса мірской раскладки (290—97). Впервые онъ различаетъ въ этомъ процессѣ — операціи «развода» и «разруба». Разводъ есть «предварительный актъ мѣстной раскладки», «обнимавшей иногда цѣлую землю, чаще ограничивавшейся однимъ уѣздомъ». Послѣ развода платежей между податными группами уѣзда, волостями, производился дальнѣйшій «разрубъ» или «разметъ» внутри каждой отдѣльной группы — ея выборными властями. Иногда основаніемъ разруба служили размеры участка, принадлежавшаго плательщику: въ такомъ случаѣ доля cadaго опредѣлялась измѣреніемъ участка — «вервленіемъ», результаты котораго заносились въ веревныя книги. Иногда же доля платежа cadaго опредѣлялась не извѣстнымъ количествомъ веревокъ, а условной цифрой денегъ, колебавшейся пропорціонально животамъ и промысламъ плательщиковъ. Изложеніе послѣднаго приѣма раскладки вышло уавтора нѣсколько сбивчиво, вслѣдствіе двухъ причинъ. Во первыхъ, одновременно съ объясненіемъ этого приѣма онъ хотѣлъ объяснить и «денежный счетъ» книгъ сошнаго письма т. е. то приравненіе долей сохи извѣстнымъ количествамъ денегъ, съ помощью котораго, какъ мы видѣли ранѣе, сложеніе дробей замѣнялось сложеніемъ цѣлыхъ чиселъ. Конечно, между этимъ «денежнымъ счетомъ» и выраженіемъ платежей окладовъ отдѣль-

ныхъ плательщиковъ въ условной цыфрѣ денегъ не было ничего общаго. Можно бы было думать, что въ «денежномъ счетѣ» доли сохи выражались величиной какой-нибудь платимой съ нихъ подати; но авторъ, высказавъ это предположеніе, совершенно основательно находитъ «болѣе вѣроятнымъ», что выбираемая для денежнаго счета цыфры денегъ опредѣлялись «простыми удобствами въ соотвѣтствіи цѣлыхъ частей данной величины съ дробными дѣленіями сошнаго письма». Объ этомъ удобствѣ говорятъ и сами сошныя книги ¹⁾. Напротивъ, выраженіе податнаго оклада извѣстнымъ числомъ денегъ очень часто основывалось на дѣйствительномъ разложеніи какой-нибудь подати, обыкновенно «дани»; отсюда и очень употребительный терминъ «данный окладъ», уплата «по данному окладу».

Другая причина неясности изложенія автора заключается въ томъ, что онъ недостаточно отчетливо изложилъ роль денежнаго оклада въ процессѣ разруба. Денежный окладъ, разъ опредѣленный, становился общимъ основаніемъ разверстки всѣхъ налоговъ; разрубить каждый изъ нихъ между отдѣльными плательщиками пропорціонально установленному количеству денежнаго оклада было уже дѣломъ простаго ариѳметическаго разсчета. Авторъ очень хорошо это знаетъ (294), но не принимаетъ во вниманіе при своемъ изображеніи разруба; поэтому у него, напр., оказывается, что «подати не всегда разрубались ежегодно. Встрѣчаются указанія на то, что мірская раскладка могла производиться черезъ два, три года». Очевидно, уплата податей не могла стоять два, три года подъ рядъ; дѣло идетъ не о разрубѣ податей, а именно о составленіи новаго «мірскаго окладнаго списка» или «окладныхъ книгъ», составлявшихся, конечно, періодически, какъ и «веревныя книги». Смѣшивая эту предварительную операцію составленія списка съ дѣйствительной раскладкой текущихъ платежей по списку уже составленному, авторъ считаетъ мірскую раскладку «неопредѣленной и сложной операціей, производившейся отдѣльно и разновременно для каждой подати» (297); говоритъ о «путаницѣ» и «несовершенствѣ» мірской раскладки и т. д.; все это имѣло бы смыслъ, если бы дѣйствительно каждую подать приходилось распредѣлять на дворъ съизнова; но

---

¹⁾ Ср. напр. Рум. муз. Ундольск. № 833, л. 58: «держися денежнаго счету: познаешь, которая доля съ которою слагается. . . ; а соху или выть *не клади въ рубль* (такъ какъ, очевидно, въ этой цыфрѣ нѣтъ производителя— 3): разочти соху или выть въ 20 алт. (т. е. 120 денегъ=2. 2. 2. 3. 5.), — сведешь и малыя крохи. . . деньгами противъ денегъ».

разъ всѣ эти частныя распредѣленія зависѣли отъ основныхъ, заранѣе условленныхъ и записанныхъ въ «книги» пропорцій, — конечно, онѣ не могли вызывать ни затрудненій, ни путаницы. Авторъ, по видимому, и отсутствіе точной регламентаціи мірской раскладки склоненъ считать ея несовершенствомъ: т. е. отсутствіе определенныхъ сроковъ развертки, развертку одной и той же подати въ нѣсколько приемовъ и въ самыхъ разнообразныхъ сочетаніяхъ съ другими податями: но все это вызывалось, очевидно, мѣстнымъ удобствомъ для самихъ плательщиковъ и дѣлало мірскую раскладку только болѣе гибкой и практичной.

«Вереvныя книги» и «окладной списокъ» служили строго-репартиціонной системѣ; но существовалъ въ черныхъ волостяхъ еще третій способъ раскладки, при которомъ репартиціонный характеръ подати въ значительной степени утрачивался, и который слѣдовательно, соотвѣтствовалъ по значенію подворной подати. Именно, иногда правительство, какъ бы соединяя разводъ и разрубъ въ одинъ актъ, прямо дѣлило соху на болѣе мелкія единицы, *выти*, внутри которыхъ разрубъ, если и имѣлъ мѣсто, пріобрѣталъ существенно иной характеръ и не могъ обезпечить, во всякомъ случаѣ, пропорціональности обложенія между отдѣльными вытами¹⁾. Естественно, что такой «сошный разводъ», сводившійся къ сошной «развыткѣ» всего чаще сопровождался неудобствами и злоупотребленіями. Въмѣсто того, чтобы по «данному окладу облагаться въ сваль», плательщики распредѣлялись «въ мелкія выти — дворами», причемъ болѣе зажиточныя группы, конечно «передъ средними и младшими жили въ великой льготѣ», платя съ ними одинаково, а не пропорціонально своимъ животамъ²⁾. Любопытно, что и употреблялся этотъ способъ обложенія въ черныхъ волостяхъ приблизительно въ тѣхъ же случаяхъ, какъ подворная подать въ остальныхъ частяхъ Россіи — именно для экстренныхъ сборовъ и повинностей³⁾. Указываемый типъ раскладки, не отмѣченный авторомъ, былъ уже замѣченъ Чичеринымъ⁴⁾; самъ А. С. Лаппо-Данилевскій приводитъ одинъ случай такого «вытнаго развода» (стр.

---

¹⁾ Само собою разумѣется, что слово «выть» имѣетъ здѣсь общій смыслъ (доля) и не имѣетъ ничего общаго съ употребленіемъ термина «выть», какъ частновладѣльческаго надѣла.

²⁾ А. А. Э. IV, № 6.

³⁾ А. А. Э. III, № 145.

⁴⁾ Обл. учр. 537.

294—5, прим. 2), но считаетъ его повидимому, обыкновеннымъ раз-рубомъ.

Слѣдующія страницы (298—306) относятся скорѣе къ исторіи податныхъ классовъ и податной администраціи, чѣмъ къ механизму мірской раскладки. Минуя ихъ, переходимъ къ изображенію податной раскладки на посадѣ. «Мірская раскладка на посадѣ, какъ замѣчаетъ А. С. Лаппо-Данилевскій, въ значительной мѣрѣ напоминала такую же раскладку въ уѣздѣ» (314). Разницы вызывались, конечно, тѣмъ обстоятельствомъ, что объектомъ обложенія вмѣсто земли былъ здѣсь дворъ, а источникомъ обложенія—вмѣсто земледѣльской торгово-промышленная дѣятельность. Сообразно этимъ различіямъ, авторъ внимательно изучаетъ условія, при которыхъ посадскій дворъ подлежалъ обложенію (306—308), рассматриваетъ примѣненіе «денежнаго платежа» (терминъ, какъ мы видѣли, невѣрно употребляемый авторомъ) къ посадскому разубу (309—310) и затѣмъ останавливается на раскладкѣ специально свойственнаго посаду «лавочнаго оброка» (310—311). «Такъ какъ оброкъ, говоритъ авторъ, первоначально взимался съ государевой земли и падалъ *равномѣрнымъ окладомъ* на всѣ лавки, то онъ и раскладывался торговыми людьми *соотвѣтственно торговымъ оборотамъ каждаго*» (рѣчь идетъ о концѣ XVI в.¹). Мы не совсѣмъ понимаемъ это «такъ какъ»; равномѣрный окладъ здѣсь, конечно, имѣлъ только счетное значеніе: послѣ раскладки «соотвѣтственно торговымъ оборотамъ каждаго», онъ превращался въ пропорціональный. Всего чаще однако эти пропорціональные размѣры лавочнаго оброка указываются и самими писцовыми XVI в., т. е. фиксируются самимъ правительствомъ, вѣроятно, безъ мірской раскладки²). Такимъ образомъ, замѣчаніе А. С. Лаппо-Данилевскаго, что «уже въ писцовыхъ книгахъ 20-хъ годовъ равномѣрный оброкъ на лавки смѣняется пропорціональнымъ» (310), является черезчуръ запоздалымъ. Очевидно, уже въ XVI в. лавочный оброкъ имѣлъ характеръ промысловаго налога и не подлежалъ въ большинствѣ случаевъ мірской раскладкѣ; будучи результатомъ частнаго соглашенія прави-

---

¹) Кромѣ цитаты автора, см. еще Калачова Писц. книги, I, 2, 340, 343, (дворцовыя села). Н. Д. Чечулинъ. Города Моск. госуд. 66, 167, 265, 280.

²) Н. Д. Чечулинъ, 84, 87, 88, 99, 104, 128, 132—33, 148—пустыя лавки отдаются на оброкъ псковскими дьяками «т. е. чиновниками государевыми», какъ замѣчаетъ совершенно справедливо г. Чечулинъ, 180—81, 194, 209—лавка пустая, отдають ее въ наемъ изъ амбарщины таможенники на государя, 219, 223, 241, 250—51, 266.

тельственаго чиновника (дьякъ и таможникъ въ приведенныхъ примѣрахъ) съ нанимателемъ торговаго помѣщенія, онъ не подходилъ подъ понятіе тягла: посадскіе тяглецы, за исключеніемъ, вѣроятно, случаевъ, когда имъ предоставлено было самимъ верстаться лавочнымъ оброкомъ, не отвѣчали за уплату оброка круговой порукой, не платили за пустыя лавки и не распоряжались отдачей ихъ новымъ нанимателямъ.

Слѣдующія страницы разсматриваемаго отдѣла (311—317) опять не имѣютъ ближайшаго отношенія къ механизму мірской раскладки, и мы можемъ перейти къ обзору мнѣній автора относительно финансовой администраціи.

4. Финансовая администрація.

а. Областная.

Въ этомъ отдѣлѣ своей работы А. С. Лаппо-Данилевскій имѣлъ такихъ предшественниковъ, какъ Чичеринъ и Градовскій; печатный матеріалъ онъ долженъ былъ найти здѣсь въ значительной степени исчерпаннымъ, а рукописный по отношенію именно къ этому отдѣлу не обѣщаетъ особенно богатой добавочной жатвы. Не вина автора, поэтому, если самое старательное накопленіе матеріала все-таки не дало ему возможности представить здѣсь какіе-либо крупные новые выводы. Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ признать вмѣстѣ съ М. А. Дьяконовымъ, что и въ этой области авторъ «не ограничился простымъ сводомъ добытыхъ выводовъ», а «освѣжилъ ихъ новымъ матеріаломъ», отчасти дополняющимъ, отчасти и исправляющимъ наши старыя свѣдѣнія. Въ частности, авторъ изучаетъ составъ и дѣятельность выборныхъ органовъ мѣстнаго финансоваго управленія по раскладкѣ (283—290, 303—306) и взиманію податей (318—337), затѣмъ разсматриваетъ дѣятельность по раскладкѣ (315—317) и взиманію (337—351) правительственныхъ органовъ—воеводъ и приказныхъ людей. Въ особомъ отдѣлѣ разсматривается дѣятельность тѣхъ и другихъ по доставкѣ податей, а также случаи доставленія податей въ Москву помимо органовъ областной администраціи—самими плательщиками (351—361). Общій выводъ изъ сгруппированныхъ данныхъ получился у автора отрицательный: онъ отмѣчаетъ случайность и неопредѣленность въ составѣ, организаціи и дѣятельности органовъ выборнаго самоуправления (336—37), въ предѣлахъ воеводской компетенціи (350—51), въ движеніи податныхъ суммъ изъ областныхъ учреждений въ

центральныя (361). Рѣшаемся думать, однако, что эта случайность и неопредѣленность есть до нѣкоторой степени послѣдствіе того приѣма автора, о которомъ мы говорили въ началѣ рецензіи и который особенно ярко проявляется въ этомъ отдѣлѣ книги. Авторъ здѣсь накопилъ весьма значительную массу единичныхъ фактовъ, но не занялся ихъ предварительной критикой, отдѣленіемъ въ нихъ индивидуальныхъ чертъ отъ общихъ, и ограничился простымъ сопоставленіемъ ихъ. Характеръ изложенія, получившагося при такомъ сопоставленіи, можно видѣть изъ слѣдующаго небольшого примѣра: «Центромъ, куда стекались сборы съ данной волости, служила, вѣроятно, волостная земская изба, а можетъ-быть, и приходская церковь. Было, однако, и специальное выраженіе для означенія такого центра. Староста «клалъ» деньги, полученные имъ за наемъ общинной земли,—всей братьѣ «на столецъ». Во владѣніяхъ Троице-Сергіева монастыря была земля Оглоблина, которая тянула къ «столицу къ Залѣсью всѣми потугами» (322). Ни одинъ изъ сопоставленныхъ здѣсь фактовъ не подлежитъ, конечно, критикѣ. Критиковать можно было бы ихъ сопоставленіе, если бы авторъ обязывалъ себя этимъ сопоставленіемъ къ извѣстному выводу. Но вывода здѣсь тоже нѣтъ, по крайней-мѣрѣ непосредственнаго. Однако же это и не простое изложеніе фактовъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ мы узнали бы, въ какихъ случаяхъ центромъ поступленій бывала приходская церковь, узнали бы также, что «столецъ» упоминается въ грамотѣ XVI в. и не можетъ быть съ помощью простаго «однако» ни сопоставленъ, ни противуполагаемъ волостной избѣ. Въ томъ видѣ, какъ изложены эти факты въ приведенномъ отрывкѣ,—они потеряли свой индивидуальный смыслъ и не приобрѣли общаго: авторъ, вѣроятно, хочетъ сказать этимъ сопоставленіемъ,—какъ онъ прямо говоритъ во многихъ подобныхъ случаяхъ, — что никакого постояннаго центра поступленій въ волости не было, но едва-ли не вѣрнѣе будетъ заключить, что никакого вывода изъ столь отрывочныхъ сопоставленій сдѣлано быть не можетъ. Накопленный авторомъ матеріалъ, несомнѣнно можетъ пригодиться для послѣдующихъ изслѣдователей, подъ условіемъ возстановленія фактовъ въ ихъ цѣлости по цитируемымъ авторомъ источникамъ; но пока этотъ матеріалъ не употребленъ ни для какого построенія, критикѣ здѣсь нечего дѣлать. Можно только еще разъ напомнить, что хаосъ въ матеріалѣ не даетъ права заключать о хаосѣ въ жизни, какъ часто бываетъ склоненъ дѣлать А. С. Лаппо-Данилевскій.

в. Центральная.

И эта часть изложенія страдаетъ, хотя въ меньшей степени, только-что указаннымъ недостаткомъ. Авторъ продолжаетъ держаться того же мнѣнія объ общей неопредѣленности, хаотичности, безформенности старой русской административной системы. Въ области, гдѣ, конечно, только и можно было представить *общее описаніе* безчисленныхъ отдѣльныхъ случаевъ, эта неопредѣленность, какъ мы видѣли, явилась результатомъ не совсѣмъ осторожнаго сопоставленія отдѣльныхъ чертъ, свойственныхъ каждому изъ этихъ случаевъ въ отдѣльности. При изслѣдованіи центрального административнаго механизма задача значительно упрощается: изслѣдователь имѣетъ передъ собой одинъ индивидуальный фактъ, и выводы должны основываться на его вѣрномъ изображеніи. Состояніе матеріала здѣсь также нѣсколько иное, чѣмъ въ сферѣ областной администраціи. Не говоря уже о болѣе мелкихъ дѣленіяхъ, о дѣятельности сѣзжей избы XVII в., мы можемъ судить въ огромномъ большинствѣ случаевъ только по входящимъ, отчасти по исходящимъ бумагамъ, т. е. по частнымъ, болѣе или менѣе единичнымъ случаямъ. Московскій финансовый приказъ, кромѣ текущей переписки, сохранилъ намъ и свою канцелярскую регистратуру, по которой съ гораздо большимъ удобствомъ и полнотой мы можемъ изучать ежедневный нормальный ходъ административнаго механизма. Вѣроятно, по случайнымъ причинамъ, отъ которыхъ не застрахованъ никакой изслѣдователь при современномъ состояніи архивовъ, авторъ на эту регистратуру, такъ наз. *книги* приказовъ, обратилъ наименѣе вниманія, занявшись главнымъ образомъ изученіемъ болѣе труднаго, сложнаго и менѣе благодарнаго для данной цѣли матеріала *столбцовъ*. Такимъ образомъ, часто ему приходилось заключать о дѣятельности приказа косвеннымъ образомъ послѣ хлопотливаго и все-таки далеко неполнаго подбора фактовъ,— тамъ, гдѣ регистратура приказа давала прямой и вполнѣ ясный, опредѣленный отвѣтъ.

Не смотря, однако, на прежнее представленіе о хаотичности московской администраціи, не смотря на эту ошибку въ выборѣ матеріала, изложеніе послѣдней, пятой, главы, посвященной центральной администраціи, отличается несравненно большимъ единствомъ, чѣмъ отдѣлы объ областной администраціи. Единство это даетъ изложенію классификація приказовъ по ихъ происхожденію и характеру, предложенная Градовскимъ и примѣненная А. С. Лаппо-

Данилевскимъ къ исторіи финансовыхъ приказовъ. По классификаціи Градовскаго, первыми явились въ исторіи московской администраціи приказы дворцоваго характера, затѣмъ, послѣ расширенія территоріи Московскаго государства, приказы территориальные и, наконецъ, съ развитіемъ правильной государственной организаціи, приказы систематическіе, распредѣлившіе между собой спеціальныя отрасли дѣятельности. Въ этой общей формулировкѣ можно вполнѣ согласиться съ классификаціей Градовскаго; она становится спорной только въ дальнѣйшихъ подробностяхъ, которыхъ здѣсь не будемъ касаться. Вѣрная въ общемъ, она, несомнѣнно, останется вѣрной и въ приложеніи къ исторіи финансовой администраціи: мы сами старались указать въ нашей работѣ эпоху безраздѣльнаго господства «дворца» въ финансовомъ управленіи; опредѣлить моментъ выдѣленія изъ него финансовыхъ округовъ, отданныхъ въ управленіе новымъ приказамъ территориальнаго характера — четьямъ; — прослѣдить, наконецъ, процессъ спеціализаціи и систематизаціи финансоваго управленія въ XVII в.

А. С. Лаппо-Данилевскій ставитъ классификацію Градовскаго въ спеціальную связь съ «распредѣленіемъ поступлений» между различными приказами. Соотвѣтственно тремъ стадіямъ развитія учрежденій, онъ старается установить три «принципа» распредѣленія поступлений: принципъ вотчинный, территориально-сословный и принципъ систематизаціи поступлений. Такъ какъ потребность систематизаціи и есть, другими словами, потребность болѣе правильнаго распредѣленія поступлений, то, конечно, появленіе систематическихъ приказовъ надо считать появленіемъ новаго принципа распредѣленія поступлений. Старымъ по отношенію къ нему принципомъ будетъ, — опять-таки совершенно справедливо, принципъ территориальный, т. е. поступленіе всѣхъ податей съ извѣстной области въ то учрежденіе, которому эта область подвѣдомственна. Конечно, термины стараго и новаго имѣютъ здѣсь вполнѣ относительный смыслъ: распредѣленіе спеціальныхъ сборовъ по спеціальнымъ приказамъ является въ свою очередь старымъ принципомъ сравнительно съ принципомъ единства кассы, осуществленнаго до извѣстной степени каммеръ-коллегіей, а территориальный принципъ обновляется послѣ уничтоженія территориальныхъ приказовъ съ объединеніемъ сборовъ въ губерніи. Вполнѣ неудачное положеніе занимаетъ только «вотчинный принципъ» по отношенію къ дворцовой финансовой администраціи. Для автора установленіе этого принципа есть, конечно, лишь дальнѣйшій выводъ изъ извѣстнаго намъ

взгляда, что дворцовое хозяйство представляло древнѣйшій типъ хозяйства государственнаго. Перечисливъ учрежденія, сформировавшіяся для завѣдыванія различными отдѣлами дворцоваго хозяйства—ловчій, сокольничій, конюшенный приказъ, казенный дворъ, приказъ Большаго Дворца (слѣдовало бы прибавить также мастерскія и Оружейную палату), авторъ замѣчаетъ, что они «представляли довольно обширную группу учреждений, которая въ финансовомъ отношеніи завѣдывала значительнымъ количествомъ земель;» «такое финансовое значеніе дворцовыхъ учреждений, прибавляетъ онъ, обнаруживаетъ вліяніе вотчиннаго принципа на распредѣленіе поступленій между центральными учреждениями: среди приказовъ съ государственнымъ характеромъ все еще продолжали служить финансовыми центрами учрежденія, которыя вели свое происхожденіе отъ великокняжеской псарни, птични, конюшни, погреба, поварской и кладовой» (452—53).

Это заключеніе, прежде всего, производитъ то впечатлѣніе, что вся группа названныхъ приказовъ сохранила въ XVII в. видную финансовую роль. На дѣлѣ, какъ хорошо извѣстно автору, финансовое значеніе имѣлъ одинъ Большой Дворецъ. Далѣе, читатель долженъ подумать, что доходы Большаго Дворца поступали въ него именно по *вотчинному* принципу, и авторъ прямо говоритъ, что въ дворцовыхъ земляхъ великій князь собиралъ доходъ «какъ частный хозяинъ». Въ дѣйствительности, оиать-таки ему хорошо извѣстно, что и съ дворцовыхъ земель Большой Дворецъ получалъ «кромѣ частно-хозяйственныхъ сборовъ» и «прямые налоги» и «завѣдывалъ отправленіемъ повинностей, имѣвшихъ государственный характеръ». (446). Вопреки этимъ фактамъ, авторъ продолжаетъ проводить свою тенденцію — искать для доходовъ Большаго Дворца частно-хозяйственнаго происхожденія; и благодаря только этой предвзятой идеѣ, ему приходится встрѣтить рядъ затрудненій, рѣшаемыхъ въ духѣ той же основной идеи. Такъ, находя въ составѣ дворцоваго вѣдомства города и слободы, онъ объясняетъ ихъ присутствіе здѣсь тѣмъ, что города разрослись изъ дворцовыхъ сель, а слободы «были первоначально заселены княжескими холопами». Въ виду большаго количества городовъ, вѣдавшихся Большимъ Дворцомъ (36 по Флетчеру), онъ высказываетъ однако и дополнительное предположеніе, что «другіе города могли поступить въ зависимость отъ Большаго Дворца во время приобрѣтенія и покоренія московскимъ великимъ княземъ другихъ областей и княженій». Однако и съ этимъ предположеніемъ трудно

согласиться: 36 городовъ царской «вотчины» Флетчера слѣдуетъ скорѣе сопоставить съ извѣстнымъ спискомъ городовъ, взятыхъ въ опричнину (44 названія, но въ томъ числѣ многія волости и пригороды) ¹⁾. Причина приписки ихъ къ вѣдомству Большого Дворца совершенно ясна: это — расширившіяся потребности государева обихода: «а съ которыхъ городовъ и волостей доходу не достанетъ на его государскій обиходъ, и *иные* города и волости *имати*» ²⁾. Приписка городовъ къ Большому Дворцу при учрежденіи опричнины составила переворотъ въ значеніи этого учрежденія. До нея Большой Дворецъ уже потому не былъ исключительно вѣдомствомъ дворцоваго хозяйства, что ему подчинялись въ финансовомъ отношеніи и всѣ остальные земли; въ него вносились изстари и всѣ государственныя подати. Вскорѣ послѣ учрежденія опричнины долженъ былъ начаться тотъ процессъ выдѣленія финансовыхъ вѣдомствъ, который мы старались прослѣдить въ своей работѣ и который повелъ въ концѣ концовъ къ сокращенію компетенціи Большого Дворца до предѣловъ дворцоваго вѣдомства. Но ни раньше, ни послѣ этого, поступления Большого Дворца не ограничивались дворцовыми сборами, а распространялись также и на государственныя подати, и трудно было бы объяснить съ точки зрѣнія автора, когда поступления послѣдняго рода шли въ Большой Дворецъ именно по «вотчинному принципу». Государственныя подати не сдѣлались же, конечно, государственными только тогда, когда вмѣсто Большого Дворца стали поступать въ чети? Иначе пришлось бы считать частно-хозяйственными тѣ изъ нихъ, которыя и послѣ этого момента сохранились въ дворцовомъ вѣдомствѣ: именно, подати съ большей части монастырскихъ земель. Самъ авторъ, разумѣется, признаетъ, что эти доходы великій князь (напомнимъ, что по мысли автора рѣчь идетъ о древнѣйшей эпохѣ) «могъ получать лишь какъ государь» (449). Вслѣдъ за Милютинымъ и Горчаковымъ авторъ выводитъ подчиненіе этихъ земель Большому Дворцу изъ древнѣйшей подсудности монастырей по жалованнымъ грамотамъ дворецкому; «подсудность дворецкому естественнымъ образомъ повлекла за собой и финансовую подвѣдомственность». Но подчиненіе это только устанавливало прямую связь монастыря съ центральнымъ учрежденіемъ, великокняжескимъ «дворцомъ», московскимъ или удѣльнымъ, и освобождало

---

¹⁾ См. Р. Ист. Сб. III, 255, Алекс. Невск. лѣтопись.

²⁾ Ibid. 256.

плательщика отъ сношеній съ представителями древнѣйшей областной администраціи, данщикомъ и городовымъ прикащикомъ (или нѣсколько позднѣе, намѣстникомъ и волостелемъ); косвенно же, черезъ областныхъ чиновниковъ, подчинялись Дворцу и всѣ остальные плательщики.

Итакъ, если «вотчинный принципъ» означаетъ у автора «частнохозяйственный принципъ», то никогда подати не поступали въ Дворецъ исключительно — или даже хотъ бы преимущественно — по вотчинному принципу. Если же термину «вотчины» и придавать значеніе дворцоваго вѣдомства, то Большой Дворецъ сталъ «вотчиной» только послѣ суженія своей первоначальной компетенціи и одновременно сдѣлался настоящимъ *территориальнымъ* приказомъ. Въ этомъ смыслѣ между нимъ и другими территориальными приказами, къ которымъ теперь переходимъ, нѣтъ связи преемства, а скорѣе связь одновременнаго происхожденія путемъ дифференціаціи первоначально единаго княжескаго управленія.

Автору (вслѣдъ за Градовскимъ) появленіе территориальныхъ приказовъ представляется не въ видѣ дифференціаціи или внутренняго роста центральныхъ учреждений, а въ видѣ, такъ сказать, ихъ механическаго нарастанія. Происхожденіе этого втораго ряда финансовыхъ учреждений объясняется именно какъ Градовскимъ, такъ и А. С. Лаппо-Данилевскимъ, какъ результатъ перенесенія въ Москву мѣстныхъ областныхъ правительствъ послѣ подчиненія соотвѣтственныхъ областей. Съ большей послѣдовательностью, хотя и съ меньшей осторожностью, чѣмъ его предшественникъ, А. С. Лаппо-Данилевскій старался разрѣшить нѣкоторые вопросы, естественно вытекающіе изъ этой теоріи. Если, дѣйствительно, чети суть перенесенныя въ Москву правительства древнихъ княжествъ, то гдѣ же слѣды этого въ ихъ территориальномъ составѣ? А. С. Лаппо-Данилевскій находитъ, что Владимірской чети «подвѣдомственны были обломки бывшаго Владимірскаго княженія», но рядомъ съ этимъ «нѣсколько городовъ, частью приобрѣтенныхъ московскими великими князьями отъ великаго Новгорода и Рязани, частью вошедшихъ въ предѣлы территоріи Московскаго государства при покореніи Тверскаго великаго княженія и переходѣ къ великому князю московскому князей Бѣлевскихъ, Одоевскихъ, Новосильскихъ и Воротынскихъ» (456). Не говоря о нѣкоторыхъ погрѣшностяхъ этого перечня (Бѣлевъ и Новосиль входили въ Галицкую четъ, а Одоевъ въ Костромскую, см. прилож. XI у автора), о томъ что ни тверскіе, ни рязанскіе, ни

новгородскіе города не вошли цѣликомъ въ одну Владимірскую четъ, а разбились между всѣми, — что разумѣтъ авторъ подь «бывшимъ Владимірскимъ княженіемъ»? Владѣнія которой изъ княжескихъ линій, пошедшихъ отъ Всеволода III и побывавшихъ на владимірскомъ столѣ, надо считать территоріей княжества Владимірскаго? Врядъ-ли авторъ найдетъ на этотъ вопросъ такой отвѣтъ, который примирилъ бы насъ съ теоріей происхожденія Владимірской чети, хотя бы изъ «обломковъ» Владимірскаго великаго княженія. Авторъ продолжаетъ: «въ предѣлахъ области, подлежавшей вѣдомству Костромской четверти, еще видны слѣды Костромскаго, Переяславскаго и Серпуховскаго княженій; рядомъ съ ними встрѣчаются, однако, немногіе города изъ другихъ областей». Мы, вообще говоря, очень мало знаемъ о составѣ названныхъ княженій; но предположимъ, что пригороды Костромы XVII в. (Буй, Кадый, Любимъ, Судиславль) существовали уже во времена Костромскаго удѣльнаго княженія, присоединимъ къ Переяславскому княжеству Нерехту ¹⁾ и сочтемъ въ составѣ Серпуховскаго княжества Малоярославецъ ²⁾. Такимъ образомъ, въ трехъ княжествахъ мы получимъ девять городовъ (считая между ними 4 пригорода), вошедшихъ въ составъ Костромской чети, а всего въ ней числится 22 (къ списку автора 545 стр. надо прибавить Серпуховъ); остальные 13 разбросаны на огромномъ пространствѣ (на западѣ Торопецъ, на югѣ Козельскъ, Лихвинъ и Одоевъ, на востокѣ Кадомъ); два изъ нихъ смѣло могли бы фигурировать въ качествѣ «обломковъ» еще двухъ княжествъ, Ярославскаго и Муромскаго. Правда, города ярославскихъ удѣловъ разбросаны по другимъ округамъ; но вѣдь и изъ Серпуховскаго княжества не вошли многіе города: Боровскъ вѣдался въ Владимірской чети, Перемышль — въ Большомъ Дворцѣ, — не говоря о другихъ городахъ, менѣе прочно связанныхъ съ серпуховскимъ княженіемъ.

И такихъ, какъ видимъ, довольно сомнительныхъ слѣдовъ авторъ не рѣшается искать въ другихъ четьяхъ; между городами Устюжской четверти, и по его мнѣнію, «трудно прослѣдить территориальную связь»; что касается Галицкой чети, къ ней «присоединены были города, не имѣвшіе между собой ничего общаго въ территориальномъ отношеніи».

Намъ кажется, что рядъ такихъ отвѣтовъ составляетъ со сто-

¹⁾ Экземплярскій. Великіе и удѣльные князья сѣверной Руси въ татарскій періодъ. Спб. 1891. II, 3 и 261.

²⁾ Экземплярскій, II, 296.

роны автора косвенное признаніе въ неудачѣ дать надлежащія подтвержденія защищаемой имъ теоріи. Если такъ мало сходства между территоріями четей и территоріями древнихъ княженій и если авторъ все-таки стоитъ на мысли объ ихъ внутренней связи, естественно является цѣлый рядъ вопросовъ: какія измѣненія должны были совершиться съ администраціей княженій, чтобы послѣдняя превратилась въ администрацію четей? Когда всѣ эти перемѣны, по мнѣнію автора, оставившія слѣды, по нашему же мнѣнію, не оставившія никакихъ слѣдовъ старыхъ дѣлений, — когда онѣ успѣли совершиться, въ силу какихъ обстоятельствъ? Градовскій отвѣчалъ на послѣдніе вопросы, что Москвѣ было невыгодно удерживать границы старыхъ княженій, и она перераспредѣлила города. Вѣроятно, отголосокъ того же аргумента слѣдуетъ видѣть въ словахъ автора, что «ближайшія сосѣднія къ Москвѣ древнія княженія» — «стояли слишкомъ близко къ Москвѣ для того, чтобы по покореніи своемъ не подчиниться, хотя бы отчасти, вліянію московской централизаціи, которая не благопріятствовала областной самостоятельности». Повидимому, авторъ не замѣчаетъ, что ставитъ этотъ аргументъ въ опасное сосѣдство съ другимъ, который его уничтожаетъ. Новгородскій приказъ и Казанскій дворецъ — вѣдомства окраинъ, «выработавшихъ два самостоятельныхъ типа цивилизаціи» и, слѣдовательно, отличавшихся наибольшей областной самостоятельностью; именно, въ силу этого, по мнѣнію автора, они сохранили непрерывность своей старой территоріи. Итакъ, въ случаяхъ совершенной безопасности отъ какого-бы то ни было сепаратизма — Москва не благопріятствовала областной самостоятельности, а въ случаяхъ наибольшей опасности она ея не боялась? Не естественнѣе-ли будетъ заключить, что эта самостоятельность осталась тамъ, гдѣ была, и не сохранилась тамъ, гдѣ ея не было?

Перемѣны, которыя предстоитъ объяснить, чтобы понять превращеніе княженій въ чети, не ограничиваются, однако, перетасовкой *территорій*. Если чети суть бывшія княженія, необходимо показать еще, какимъ образомъ онѣ сдѣлались учрежденіями чисто финансовыми. Развивая идеи Градовскаго, авторъ объясняетъ это слѣдующимъ образомъ (454). Все *нетяглое* населеніе старыхъ княженій было стянуто къ Москвѣ, поставлено въ непосредственныя отношенія къ московскому управленію. Такимъ образомъ, въ вѣдѣніи областной чети осталось только *тяглое* населеніе; этимъ самымъ она «утеряла» свой територіальный характеръ и «полу-

чила значеніе, главнымъ образомъ, финансоваго учрежденія». Весьма остроумное и стройное объясненіе это прежде всего однако разрушается тѣмъ фактомъ, что чети никогда не получали сословнаго характера, какъ утверждаетъ вслѣдъ за Градовскимъ А. С. Лаппо-Данилевскій; будучи учрежденіями финансовыми, онѣ вѣдали всѣ классы въ финансовомъ отношеніи; населеніе нетяглое было таковымъ только въ смыслѣ *личной* свободы отъ податей, а не въ смыслѣ свободы своихъ уѣздныхъ владѣній, и самъ авторъ признаетъ, что «служилый человекъ находился въ извѣстныхъ отношеніяхъ къ областной чети... на столько, на сколько являлся владѣльцемъ (тяглою) земли». Конечно, тамъ, гдѣ населеніе было сплошь тяглымъ, на сѣверѣ, вѣдомство чети (Новгородской, Устюжской) получало болѣе цѣльный характеръ; но и по отношенію къ болѣе пестрому населенію центра, гдѣ четь даже въ финансовомъ отношеніи конкурировала съ другими приказами (Большимъ Приходомъ, Новой четью, Ямскимъ приказомъ), она все-таки не приобрѣла характера сословнаго.

Предполагаемыя переменны въ характерѣ вѣдомства четей авторъ пытается привести въ непосредственную связь съ измѣненіемъ ихъ территоріальнаго состава. Упомянувъ о томъ, что четь «въ XVII в. утратила» свой старый характеръ, стала сословной и приобрѣла финансовое значеніе, — онъ непосредственно за этимъ прибавляетъ: «такое значеніе сглаживало прежнее территоріальное дѣленіе, сперва опредѣлявшее предѣлы вѣдомства областной чети, тѣмъ болѣе, что это значеніе уже успѣло ослабѣть подъ вліяніемъ сословныхъ ограниченій» (454). Довольно неопредѣленный смыслъ этой фразы, кажется, получаетъ нѣкоторое разъясненіе въ слѣдующей: «Тогда-то подвѣдомственность города (съ уѣздомъ) стала опредѣляться не только его принадлежностью къ извѣстной области, но и *размѣрами и свойствами* получаемыхъ съ него доходовъ». Итакъ, перераспредѣленіе городовъ между четями произошло подъ вліяніемъ размѣровъ и свойствъ доходовъ отдѣльныхъ городовъ? Дѣйствительно, по крайней мѣрѣ къ «размѣрамъ» доходовъ отдѣльныхъ городовъ и къ связи ихъ съ распредѣленіемъ городовъ между четями авторъ еще разъ возвращается (465 — 67). Онъ задается уже прямо на этотъ разъ вопросомъ, не распредѣлялись-ли города между четями такъ, чтобы уравнивать доходы разныхъ четей. Но такъ какъ достаточно самыхъ общихъ свѣдѣній о финансовыхъ оборотахъ четей, чтобы заключить, что никакого равенства въ доходахъ четей не существовало, то и авторъ не колеблется

отвѣтитъ на свой вопросъ отрицательно: разница въ доходахъ разныхъ городовъ «не только не уравнивала, но увеличивала различіе въ размѣрахъ доходовъ, поступавшихъ въ разныя четверти» (465—67). Такимъ образомъ, по собственному заключенію автора, размѣры дохода извѣстнаго города на отнесеніе его къ той или другой чети никакого вліянія не имѣли. Что касается «свойства» доходовъ того или другаго города, къ этому вопросу авторъ болѣе не возвращается, и мы не знаемъ, что онъ о немъ думаетъ. Конечно свойства доходовъ могли быть въ разныхъ городахъ и уѣздахъ различны: въ городѣ болѣе промышленномъ мы найдемъ болѣе большой процентъ поступленія таможенныхъ и кабацкихъ денегъ, въ сѣверномъ уѣздѣ — стрѣлецкую подать, на сѣверо-востокѣ — сибирскіе отпуски, на инородческомъ юговостокѣ — ясакъ, медовый оброкъ; но всѣ эти мѣстныя особенности, несомнѣнно, не играли никакой роли въ распредѣленіи городовъ по четямъ. Такимъ образомъ, ни наблюденія надъ территоріальнымъ составомъ четей, ни гипотеза о развитіи ихъ сословно-финансоваго характера изъ первоначальнаго территоріально-административнаго, ни предположенія о всевозможныхъ причинахъ, политическихъ и финансовыхъ, могшихъ оказать вліяніе на перераспредѣленіе городовъ между четями, не даютъ достаточнаго матеріала для обоснованія теоріи происхожденія ихъ изъ областныхъ правительствъ.

Переходя къ изображенію авторомъ четей XVII ст., мы встрѣтимся съ тѣмъ же недостаткомъ, о которомъ говорили выше. Авторъ дѣлаетъ заключенія объ установленномъ порядкѣ по единичнымъ случаямъ, подборъ которыхъ всегда будетъ неполонъ-сколькo бы авторъ ни накоплялъ ихъ, и пользоваться которыми нѣтъ надобности при существованіи болѣе надежныхъ источниковъ. Такъ, чтобъ отвѣтитъ на вопросъ, какія именно подати уплачивались въ чети, авторъ подбираетъ рядъ свидѣтельствъ о взносѣ той или другой подати и затѣмъ перечисляетъ эти свидѣтельства относительно каждой чети отдѣльно; единственное обобщеніе, которое онъ при этомъ себѣ дозволяетъ, состоитъ въ замѣчаніи, что «съ городовъ, вѣдаемыхъ въ той или другой чети, поступали самыя разнообразныя подати». Между тѣмъ знакомство съ приходными книгами четей избавило бы его отъ необходимости клеить картину изъ кусочковъ, рискуя оставить ее неполной и даже остаться въ невѣдѣніи, на сколько она полна или неполна, — тогда какъ есть совершенно полныя и многочисленныя свѣдѣнія о цѣломъ. Кое какія данныя этого рода нашлись и въ «столбцахъ»,

болѣе извѣстныхъ автору; но онѣ опять-таки были поняты авторомъ, какъ единичные случаи, и индивидуальное въ нихъ не отдѣлено отъ общаго. Такой характеръ носить пересказъ содержанія двухъ приходныхъ книгъ Устюжской четверти 1672 г. и Владимірской 1670 г., на стр. 459.

Не выяснивъ, такимъ образомъ, степени полноты, однообразія и устойчивости финансовыхъ поступленій четей, авторъ, естественно, не могъ дать вѣрной характеристики ихъ финансоваго значенія. Какъ самый составъ поступленій, такъ и распредѣленіе поступленій между четами кажется ему болѣе неопредѣленнымъ и колеблющимся, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ. Развивая свой взглядъ на эту неопредѣленность, онъ тщательно отмѣчаетъ всѣ случаи колебаній въ территориальномъ составѣ четей. Такихъ случаевъ набирается при самомъ обстоятельномъ изученіи, какому подвергъ свой матеріалъ А. С. Лаппо-Данилевскій, десять за цѣлый вѣкъ ¹⁾. Ко-

¹⁾ Стр. 443: «подати съ г. Боровска... должны были поступить въ ту четъ, какую государь укажетъ». По справкѣ съ источникомъ, указаннымъ у автора (Арх. М. Ю. дозорн. кн. Боровска, кн. 399, л. 368) оказывается, что дѣло идетъ объ *оброкъ* съ *одного* монастыря; оброкъ этотъ велѣно вносить «въ который приказъ государь укажетъ»; самый же Боровскъ въ это время, какъ и всегда, принадлежалъ къ Владимірской чети; и на самой этой дозорной находимъ надпись (л. 344): «съ книги въ Володимерской чети—положилъ подьячій NN». Въ прилож. XI (стр. 550). Боровскъ тоже помѣщенъ въ списокъ переходящихъ городовъ, и тоже по недоразумѣнію: онъ смѣшанъ здѣсь съ Боровой, иринадлежащей къ Великороссійскому приказу. Другой примѣръ (стр. 467), переходъ Соломенской волости (железные заводы Виніуса, Акема, Марселиса) изъ одного учрежденія въ другое, тоже къ дѣлу не относится. Какъ дворцовая, она вѣдалась Бол. Дворцомъ, затѣмъ, по мнѣнію автора, перешла въ вѣдомство Оружейной палаты, оттуда въ Пушкарскій, Посольскій и, наконецъ «снова стала платить подати» въ Бол. Дворецъ. Изъ документовъ, на которые ссылается авторъ, видно (Доп. къ А. И. V, № 77), что Бол. Дворецъ *все это время* считалъ Соломенскую волость «противъ иныхъ дворцовыхъ селъ» (стр. 400) — остающейся въ своемъ финансовомъ вѣдомствѣ. Переходъ въ Оруж. палату вообще не былъ переходомъ въ другое вѣдомство; въ Пушкарскій эта волость перешла (всего на 2½ мѣсяца) именно въ тотъ моментъ, когда была «взята на государя»; наконецъ, и подчиненіе Посольскому приказу, воплѣ естественное, такъ какъ Марселисъ былъ иностранецъ, не устраняло подчиненія Бол. Дворцу. Итакъ, этотъ случай скорѣе всего доказываетъ именно устойчивость территориальныхъ вѣдомствъ XVII в. Несомнѣнны переходы: Бѣлоозера изъ Галицкой, Дмитрова изъ Устюжской и Большихъ и Малыхъ Солей — изъ Костромской чети — въ Большой Дворецъ; Мосальска (у автора ошибочно: Мещовска), Карачева и Орла—въ Разрядъ. Подвѣдомственность Вязьмы и Касимова (кромѣ Устюжской чети и Казанскаго Дворца)—Посольскому приказу, и Олонца, кромѣ Новгородской чети, Большому Дворцу (ср. стр. 472) могла быть еще *одновременной*.

нечно, въ составѣ губерній нашего вѣка можно было бы насчитать такихъ измѣненій во много разъ больше, но никто не будетъ выводить отсюда заключенія о неустойчивости и неопредѣленности ихъ территоріальнаго состава. Такимъ образомъ, мы совершенно согласны съ окончательнымъ выводомъ автора, что «не слѣдуетъ придавать слишкомъ большаго значенія такимъ колебаніямъ;... большинство городовъ до эпохи преобразованій оставалось въ вѣдомствѣ одной и той же четверти» (468).

Переходя къ *расходамъ* четей, авторъ очень хорошо разъясняетъ значеніе ихъ какъ центральныхъ кассъ, изъ которыхъ денежная наличность распредѣлялась по ассигновкамъ на спеціальныя нужды (461—65). Въ другомъ мѣстѣ онъ отмѣчаетъ нѣкоторую случайность этихъ ассигновокъ, т. е. неустановленность источниковъ, изъ которыхъ покрывались одни и тѣ же расходы (443). Слѣдовало бы, однако, въ послѣднемъ случаѣ сдѣлать различіе между разными категоріями расходовъ. Для удовлетворенія нѣкоторыхъ изъ нихъ существовали, какъ мы знаемъ, спеціальныя подати: стрѣлецкія, ямскія, полоняничныя, конскія деньги: является вопросъ, — употреблялись ли онѣ дѣйствительно на свое прямое назначеніе? Авторъ знаетъ случаи такого употребленія, но трактуетъ ихъ, по своему обыкновенію, какъ единичныя, и выводитъ изъ нихъ очень нерѣшительное заключеніе, что «извѣстная часть сборовъ могла.... выдаваться изъ... четей... въ... учрежденія, завѣдывавшія расходами на тотъ родъ государственныхъ потребностей, которыя удовлетворялись спеціально для этого назначенными сборами» (464). При болѣе опредѣленномъ представленіи о финансовой компетенціи четей, авторъ могъ бы выразиться рѣшительнѣе: этого рода подати и собиралось четями для передачи въ спеціальныя учрежденія; иногда передавались частями, иногда съ прибавкой другихъ сборовъ, но во всякомъ случаѣ въ общемъ достигали своего назначенія¹⁾. Среди остальныхъ расходовъ надо также отличать производимые на мѣстѣ отъ производимыхъ въ Москвѣ, окладные отъ неокладныхъ; по отношенію къ каждой изъ этихъ категорій степень устойчивости ассигновокъ окажется различной. Доказательства въ изобиліи можно найти въ тѣхъ же прихода-расходныхъ книгахъ и въ смѣтныхъ спискахъ четвертей.

Мы уже говорили выше, что Большой Дворецъ, послѣ своего сокращенія до предѣловъ дворцоваго вѣдомства, былъ, въ сущно-

---

¹⁾ Ср. Гос. Хоз. 73, прим. 1.

сти, такимъ же территориально-финансовымъ приказомъ, какъ и чети. Еще Градовскій замѣтилъ, что «территориальный принципъ» примѣнялся также во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда надо было непосредственно обезпечить содержаніе какой-нибудь отрасли администраціи¹⁾; въ этихъ случаяхъ и нефинансовые приказы получали свою финансовую территорію, т. е. извѣстное количество городовъ, доходы съ которыхъ поступали въ ихъ распоряженіе. А. С. Лаппо-Данилевскій по справедливости считаетъ нужнымъ подробнѣе остановиться въ ряду такихъ приказовъ на Разрядѣ. Въ своей работѣ (Гос. Хоз. § 22) мы старались выяснитъ, какъ сложилось территориальное вѣдомство Разряднаго приказа: мы пришли къ заключенію, что оно явилось послѣ выдѣленія четей, т. е. не ранѣе послѣдней трети XVI в.; что до устройства Бѣлгородской черты оно состояло изъ такъ называемыхъ «польныхъ» городовъ, которые послѣ организациіи черты (1636—1650) раздѣлились на города въ чертѣ, на чертѣ и за чертой; затѣмъ, подъ вліяніемъ войнъ за Малороссію, внутри этого вѣдомства сложились (въ 1663—5) военные округа Сѣвскаго и Бѣлгородскаго полка. А. С. Лаппо-Данилевскій въ разныхъ мѣстахъ своей книги также высказываетъ наблюденія, параллельныя нашимъ (268, 439, прим. 3, 469—471); но, строя эти наблюденія на единичныхъ и отрывочныхъ данныхъ, онъ не чувствуетъ себя на достаточно твердой почвѣ и въ общихъ своихъ выводахъ колеблется, подчиняясь, въ сущности, принятымъ въ литературѣ воззрѣніямъ. Не зная времени происхожденія территорій Сѣвскаго и Бѣлгородскаго полка и времени появленія столовъ Разряднаго приказа, онъ вполне присоединяется къ мнѣнію Загоскина о неопредѣленности территориальнаго состава этихъ полковъ и вслѣдъ за нимъ свободно говоритъ о Бѣлгородскомъ, Сѣвскомъ и даже Кіевскомъ столахъ задолго до того времени, когда они дѣйствительно появились²⁾. Мы должны, впрочемъ, оговориться, что

---

1) Мѣстн. Упр., 235.

2) Увѣренность автора въ довольно раннемъ существованіи этихъ столовъ отразилась въ неосторожномъ цитированіи матеріала въ прим. 5, стр. 470; такъ онъ цитируетъ несуществующую «книгу приходную... по Сѣвскому столу» 1670 г.; въ подлинникѣ этотъ документъ называется книгой приходной «всякимъ разряднымъ доходамъ»; тутъ рядомъ съ городами Сѣвскаго полка находимъ и города Бѣлгородскаго полка и Заоцкіе, а о «столахъ», какъ и слѣдуетъ ожидать, ничего не говорится. Двѣ другія ссылки не могли быть провѣрены по документамъ, такъ какъ оказались невѣрными; но не можетъ быть сомнѣнія, что и въ этихъ случаяхъ терминъ «Бѣлгородскій столъ» не прочтенъ

въ данномъ случаѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, противопоставляемъ мнѣнію автора наши собственные выводы, опубликованные уже послѣ выхода въ свѣтъ его диссертациі.

Въ изображеніи слѣдующаго, третьяго, момента исторіи финансовыхъ учрежденій авторъ продолжаетъ—и на этотъ разъ вполне основательно—слѣдовать Градовскому. «Значеніе четверти (вѣрнѣе сказать вообще: территоріально-финансовыхъ приказовъ) въ приказной системѣ Московскаго государства стало падать, когда явились попытки систематическаго распредѣленія поступленій по центральнымъ учрежденіямъ» (473). Но мы опять не можемъ присоединиться къ мысли Градовскаго, усвоиваемой авторомъ въ ближайшей слѣдующей фразѣ: «эта систематизація стала обнаруживаться, повидимому, на почвѣ сословныхъ разграниченій». Въ доказательство этой мысли авторъ приводитъ прежде всего Большую Казну, въ которой были вѣдомы, по словамъ Котошихина «многихъ городовъ торговые люди»; но въ примѣчаніи самъ онъ выписываетъ и другую половину свидѣтельства Котошихина — что въ Большой Казнѣ собираютъ съ этихъ городовъ также и «съ крестьянъ и съ бобылей тягло, и подати, и откупы и иные поборы», т. е. всѣ подати съ тяглаго населенія извѣстныхъ городовъ, приписанныхъ къ приказу: какъ видимъ, Большая Казна, по составу своихъ плательщиковъ, не отличается отъ другихъ территоріально-финансовыхъ приказовъ. Впрочемъ, мы должны прибавить, что и намъ, какъ и автору, не удалось опредѣлить территоріальнаго вѣдомства Большой Казны; и общій характеръ ея поступленій представляется намъ на столько неяснымъ, что мы не рѣшаемся вѣрится свидѣтельству Котошихина. Въ концѣ вѣка Большая Казна уже совершенно яснымъ образомъ сосредоточиваетъ въ себѣ дѣйствительно спеціальныя поступленія, — но не спеціально съ городского сословія: въ нее поступаютъ косвенные сборы, которые, конечно, собираются преимущественно въ городахъ и преимущественно людьми городского класса, но во всякомъ случаѣ не могутъ быть названы сословными. Напомнимъ также, что косвенные сборы взимаются въ то же время и въ другихъ территоріальныхъ приказахъ, и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ спеціально, именно въ Большомъ Приходѣ (таможенные) и Новой четверти (кабацкіе); но авторъ не связываетъ этой спеціализаціи съ выдѣленіемъ городского

авторомъ въ документахъ, а введенъ имъ самимъ. О времени происхожденія столовъ Разр. приказа, см. Госуд. Хоз. 298, пр. 1; 336—337, прим. 3; 350; прим. 1.

сословія ¹⁾). Былъ, дѣйствительно, моментъ, когда косвенные сборы и вѣдомство городского сословія слились въ одномъ учрежденіи — Петровской Ратушѣ; но и тогда не поступления специализировались «на почвѣ сословныхъ разграниченій», а скорѣе наоборотъ, сословное разграниченіе явилось послѣдствіемъ специализаціи поступленій.

Второй примѣръ, приводимый авторомъ вслѣдъ за Градовскимъ, въ доказательство той же мысли о сословномъ происхожденіи специальныхъ финансовыхъ приказовъ, есть Монастырскій приказъ. Конечно, Монастырскій приказъ есть сословный, точно также какъ и приказъ Большаго Дворца, съ которымъ онъ былъ связанъ съ начала вѣка по 1648 г. и вновь съ 1677 по 1701 г. Но ни тотъ, ни другой не суть специальные финансовые приказы того типа, который долженъ былъ «подорвать значеніе областныхъ приказовъ ²⁾». Вѣдая извѣстную территорію и получая съ нея всѣ государственныя подати, они отличаются отъ областныхъ приказовъ только тѣмъ, что съ подвѣдомственныхъ имъ земель на ряду съ общегосударственными налогами собираются также и владѣльческіе доходы; но, конечно, этого рода специализація не имѣетъ ничего общаго съ «систематическимъ распредѣленіемъ поступленій» оба приказа явились вмѣстѣ съ другими территоріально-финансовыми приказами, и если просуществовали дольше ихъ, то отнюдь не въ силу новаго принципа систематизаціи поступленій, а вопреки ему, такъ какъ для полного его осуществленія они являлись препятствіемъ.

Итакъ, систематизація поступленій не имѣла ничего общаго съ «сословными разграниченіями», а сословныя разграниченія нисколько не соотвѣтствовали систематизаціи поступленій. Таковъ, въ сущности, выводъ и самого автора: «сословныя различія, говоритъ онъ послѣ приведенія разобранныхъ двухъ примѣровъ, не могли служить надежною основою для распредѣленія поступленій;... болѣе естественнымъ принципомъ распредѣленія поступленій могли послужить различія въ характерѣ податей» (475), — единственныя, о которыхъ только и можетъ идти рѣчь въ рассматриваемомъ отдѣлѣ.

---

¹⁾ Градовскій въ этомъ случаѣ осторожнѣе говоритъ о «сосредоточеніи организаціи городскихъ классовъ въ *нѣсколькихъ* приказахъ, число которыхъ постепенно сокращалось». Мѣстн. Упр. 233.

²⁾ Градовскій, 233.

Переходя къ систематизаціи приказовъ по характеру поступлений, авторъ совершенно основательно указываетъ на выдѣленіе въ особые приказы, Большой Приходъ и Новую четъ, косвенныхъ поступлений. Мы можемъ добавить, что и въ данномъ случаѣ выдѣленіе происходило въ предѣлахъ извѣстной территоріи, но за то на этой территоріи оба приказа дѣйствительно вступили въ сильную конкуренцію съ вѣдомствомъ четей; этой конкуренціей объясняется меньшее финансовое значеніе центральныхъ четей, Владимірской, Костромской и Галицкой ¹⁾).

Остается, однако, разъяснить, какъ давно появилась эта спеціализація косвенныхъ сборовъ: по нѣкоторымъ признакамъ она сопровождала уже самое образованіе четей, и въ такомъ случаѣ придется признать, что по крайней-мѣрѣ три названныя чети появились на свѣтъ уже значительно «подорванными» въ своемъ финансовомъ значеніи.

Авторъ переходитъ далѣе къ спеціализаціи поступлений ямскихъ, полоняничныхъ и стрѣleckихъ денегъ. Недостаточно отчетливое представленіе объ исторіи этихъ податей отзывается и здѣсь довольно многочисленными недоразумѣніями. «Въ первой четверти XVII в., говоритъ авторъ, ямскія деньги поступали въ Большой Приходъ, подобно полоняничнымъ, но затѣмъ стали собираться въ Ямскомъ приказѣ.... Впрочемъ, едва-ли возможно вполне точно опредѣлить, когда Ямской приказъ замѣнилъ въ этомъ отношеніи Большой Приходъ, и замѣнилъ-ли онъ его вполне. Есть указанія, что съ одного и того же поселенія, напр. съ г. Шуи, ямскія деньги взимались попеременно, то въ то, то въ другое изъ этихъ учреждений». Основное недоразумѣніе этихъ замѣчаній заключается въ томъ, что авторъ не различаетъ здѣсь большихъ и малыхъ ямскихъ. Последнія собирались въ XVII в. въ Большомъ Приходѣ — по традиціи XVI в., въ концѣ котораго Большой Приходъ былъ главнымъ финансовымъ учрежденіемъ, выдѣлившимся изъ Дворца и подчинявшимъ себѣ чети. Ранѣе этого выдѣленія ямскія деньги поступали и прямо во Дворецъ ²⁾). Изъ Большаго Прихода получалъ ихъ и Ямской приказъ въ 1610—1613 г. ³⁾). Когда же въ 1616—17 г. появилась новая ямская подать, то взиманіе ея съ самаго начала

---

¹⁾ Гос. Хоз. 308: списокъ городовъ, косвенные сборы которыхъ вѣдались Новой Четью и Большимъ Приходомъ.

²⁾ Арх. М. Ю. Мон. гр. Пошех. у. № 9703.

³⁾ А. И. II, № 355.

передано было прямо Ямскому приказу. Это различіе въ поступленіи большихъ и малыхъ ямскихъ, собственно, извѣстно и самому автору (стр. 15); и тѣмъ страннѣе, что забывъ о немъ здѣсь (на стр. 477), онъ утверждаетъ, что «тѣ же деньги» (въ тѣ же годы) собирались съ Шуй и въ Ямской приказъ и въ Большой Приходъ; между-тѣмъ Гарелинскія отписки, изъ которыхъ онъ извлекъ этотъ выводъ, не даютъ никакого повода къ смѣшенію: малыя ямскія, частію прямо такъ названныя въ нихъ, частію легко отличимыя по размѣру своего оклада и по соединенію съ пищальными деньгами, постоянно поступаютъ здѣсь въ Большой Приходъ, а большія ямскія — въ Ямской приказъ.

По отношенію къ полонянничнымъ деньгамъ, у автора нѣтъ прямыхъ ошибокъ, но есть обычная неопредѣленность: авторъ сопоставляетъ единичные случаи, не сводя ихъ къ общему порядку и къ общимъ основаніямъ. «Въ началѣ XVII вѣка полонянничныя деньги поступали въ Большой Приходъ (приводится грамота 1582 г. и 1610—13), затѣмъ въ Посольскій приказъ... Вскорѣ затѣмъ (послѣ 1678 г.) встрѣчаются извѣстія о поступленіи полонянничныхъ денегъ вмѣстѣ съ ямскими въ Ямской приказъ. Полонянничныя деньги, какъ извѣстно, далеко не всегда поступали прямо въ Посольскій приказъ,... а переводились сюда... изъ четей. Впрочемъ, есть прямыя указанія на выдачу отписей въ пріемѣ полонянничныхъ денегъ (вмѣстѣ съ ямскими) изъ Ямскаго приказа въ 1680 и слѣдующихъ годахъ» (478). Всѣ эти свѣдѣнія не даютъ намъ точнаго понятія объ исторіи поступленія полонянничныхъ денегъ, и не столько потому, что онѣ довольно хаотично изложены, сколько потому, что авторъ не знаетъ общихъ основаній совершающихся перемѣнъ. Большой Приходъ собиралъ полонянничныя до сформированія четей. затѣмъ ихъ взиманіе перешло къ послѣднимъ (и вообще къ терригоріально-финансовымъ приказамъ), и уже собранныя здѣсь полонянничныя деньги передавались для соотвѣтствующаго расхода Посольскому приказу. Реформа 1679 г. слила полонянничныя съ ямскими въ одинъ общій окладъ — 5—10 коп. съ двора и передала взиманіе ихъ Ямскому приказу¹⁾: вотъ почему автору съ 1680 г. «встрѣчались извѣстія» о ихъ уплатѣ въ Ямской приказъ.

То же впечатлѣніе случайности, несоотвѣтствующее дѣйстви- тельному положенію дѣла, оставляютъ и сообщенія автора о поступленіи стрѣлецкихъ денегъ. Авторъ очень хорошо знаетъ, что

---

¹⁾ Гос. Хоз. 8.

«стрѣleckія деньги поступали главнымъ образомъ въ четверти и отсюда переводились въ приказъ Стрѣleckій» (479). Но онъ ограничиваетъ дѣйствіе этого правила «первой половиной XVII в.» и затѣмъ въ предѣлахъ этой половины приводитъ рядъ исключеній: когда стрѣleckія деньги шли «прямо въ Стрѣleckій приказъ». Изъ четырехъ приведенныхъ случаевъ, въ одномъ ¹⁾ ничего не говорится о поступленіи въ Стрѣleckій приказъ: подать собирается для мѣстнаго расхода и тратится на мѣстѣ. Три другіе случая относятся къ мѣстностямъ (Бѣлоозеро, Кашира — у автора опечатка: Кашинъ — и Суздаль), гдѣ стрѣleckая подать не была регулярнымъ денежнымъ налогомъ: въ двухъ случаяхъ прямо и говорится въ источникахъ, что она берется за хлѣбъ ²⁾

Такимъ образомъ приведенныя мѣста не представляютъ отклоненія отъ дѣйствующаго порядка поступленія стрѣleckой подати, Что касается второй половины XVII в., авторъ думаетъ, что уже «въ 1660-хъ годахъ въ Стрѣleckій приказъ поступали стрѣleckія деньги, взимаемая со всего государства». etc. На сколько мы знаемъ, въ 1660-хъ годахъ ровно ничего не измѣнилось въ дѣйствовавшемъ порядкѣ: приведенное сообщеніе автора есть перефразировка свидѣтельства Котошихина (VII, § 5); но Котошихинъ не говоритъ, чтобы эти стрѣleckія деньги поступали непосредственно въ Стрѣleckій приказъ; напротивъ, онъ сопоставляетъ ихъ сборъ со сборомъ полонянничныхъ, которыя уже несомнѣнно поступали въ то время въ областные приказы и только оттуда направлялись въ Посольскій. Авторъ приводитъ и другіе случаи: но въ одномъ изъ нихъ ³⁾ говорится не о поступленіи стрѣleckихъ денегъ въ Стрѣleckій приказъ, а о расходѣ ихъ изъ Стрѣleckаго приказа въ Смоленскъ; другіе относятся къ тому времени, когда стрѣleckія деньги дѣйствительно стали поступать въ Стрѣleckій приказъ, т. е. послѣ реформы 1672 г. Полагая, что это случилось уже въ 1660-хъ годахъ, авторъ не замѣчаетъ момента дѣйствительной перемѣны (1672 г.); не знаетъ онъ и о возвращеніи сбора стрѣleckихъ денегъ въ чети въ 1683 г.; между-тѣмъ въ исторіи четей это возвращеніе было важнымъ фактомъ, такъ какъ оживило ихъ и дало имъ возможность просуществовать до петровскаго времени.

Изученіе процесса систематизаціи финансовыхъ учреждений

---

¹⁾ Доп. къ А. И. II, 17.

²⁾ А. Ю. № 216, XVII и А. И. III, 132.

³⁾ Доп. къ А. И. V. № 60, I.

авторъ заканчиваетъ обзоромъ случаевъ сліянія разныхъ приказовъ (483—89); факты подобраны очень полно; указаны и мотивы такого сліянія: личное благоволеніе царя къ извѣстнымъ лицамъ, военныя и дипломатическія соображенія, потребность увеличить доходы извѣстнаго учрежденія. Въ результатѣ этого обзора авторъ приходитъ къ выводу, что «соединеніе нѣсколькихъ приказовъ подъ однимъ управленіемъ было слишкомъ случайнымъ и непостояннымъ для того, чтобы повести къ образованію одного общаго финансоваго центра» (489, 488). Распоряженія о такихъ соединеніяхъ «имѣли нерѣдко лишь кратковременное значеніе, отмѣнялись вскорѣ послѣ своего появленія и не только не придавали стройности приказной системѣ, но иногда запутывали ее еще болѣе». Такимъ образомъ, въ массѣ сопоставленныхъ случаевъ авторъ не видитъ никакого общаго теченія. Онъ отмѣчаетъ только «слабые зародыши новаго начала въ объединеніи приказовъ, видные въ сліяніи не разнородныхъ, а однородныхъ учреждений въ болѣе сложныя группы» (488). Но это самое опредѣленіе «новаго начала» показываетъ намъ, что авторъ не вполне оцѣнилъ значеніе сліянія приказовъ въ процессѣ преобразования финансовыхъ учреждений XVII в. Смыслъ этого процесса долженъ былъ заключаться не въ сліяніи «однородныхъ» учреждений (въ сущности, всѣ финансовыя учрежденія XVII в. были однородны — территоріальны), а въ изучаемой самимъ авторомъ систематизаціи поступленій въ спеціальныхъ приказахъ и въ параллельномъ разрушеніи приказовъ территоріальныхъ. Сліяніе послѣднихъ въ общія группы къ концу вѣка свидѣтельствуетъ не объ осуществленіи въ нихъ новаго начала, а о паденіи стараго, о постепенной атрофіи старыхъ учреждений. Этой исторіи постепеннаго разрушенія старыхъ областныхъ приказовъ мы совсѣмъ не находимъ у автора; а только такая исторія и могла бы показать степень успѣха «новаго начала» къ концу столѣтія. Все, что можетъ сказать объ этомъ авторъ, сводится къ заключенію, что «самое распредѣленіе дѣлъ между приказами, завѣдывавшими спеціальными вѣтвями управленія, не успѣло выработаться, а отсюда проистекали тѣ значительныя колебанія и въ распредѣленіи выше указанныхъ поступленій по такимъ учреждениямъ» (482 — 3). «Колебанія» эти, какъ мы видѣли выше, оказались гораздо менѣе значительными, чѣмъ полагалъ авторъ; такимъ образомъ, и ходъ финансовой спеціализаціи и концентраціи приказнаго финансоваго управленія подвинулся къ концу вѣка въ дѣйствительности несравненно далѣе, чѣмъ склоненъ онъ заключать.

«Успѣшному развитію этихъ зачатковъ, говоритъ онъ въ концѣ концовъ, *помышалъ* рядъ тяжелыхъ войнъ конца XVII и начала XVIII в., а также преобразовательная дѣятельность великаго Петра». Нашъ выводъ былъ бы совершенно противоположенъ: мы думаемъ, что успѣшному и окончательному развитію этихъ зачатковъ *болѣе всего содѣйствовалъ* рядъ войнъ конца XVII и начала XVIII в., а также преобразовательная дѣятельность великаго Петра. Не будемъ возвращаться къ фактамъ, подтверждающимъ такой выводъ, такъ какъ мы имѣли случай подробнѣе говорить объ этомъ въ нашей работѣ.

Авторъ заканчиваетъ главу, а вмѣстѣ съ ней и изслѣдованіе свѣдѣніями о контрольныхъ учрежденіяхъ XVII в. и характеристикой приказныхъ людей и нравовъ. Совершенно основательно онъ видитъ зачатки государственнаго контроля въ специальныхъ ревизіонныхъ комиссіяхъ и въ приказѣ счетныхъ дѣлъ (490—92). Добавимъ только, что, по нашему представленію, приказъ Счетныхъ дѣлъ также не былъ постояннымъ учрежденіемъ, а такой же специальной комиссіей, контролировавшей раздачу полковаго жалованья во время войнъ за Малороссію (1654—66), хотя исполнявшей кромѣ того и другія ревизіонныя порученія ¹⁾.

Въ этой связи съ контрольной дѣятельностью XVII в. всего удобнѣе разсмотрѣть и отдѣлъ о финансовой отчетности, о «составленіи окладныхъ росписей и смѣтныхъ списковъ», — присоединенный авторомъ ко второй главѣ «о раскладкѣ податей» (262—82). Авторъ начинаетъ отдѣлъ съ характеристики смѣтнаго списка (отчета за истекшій годъ) и окладной росписи (бюджетнаго проекта на слѣдующій годъ); затѣмъ переходитъ къ изображенію отчетности воеводъ передъ центральнымъ управленіемъ (264—71): здѣсь онъ особенно останавливается на тѣхъ «зачаткахъ мѣстной централизаціи», которые выражались въ появленіи мѣстныхъ финансовыхъ центровъ, вѣдавшихъ финансовую отчетность *не по одному городу*, а по цѣлой области; совершенно основательно онъ отмѣчаетъ здѣсь и то обстоятельство, что централизація финансоваго управленія развивалась (въ областяхъ) подъ вліяніемъ военной организаціи (267). Далѣе авторъ переходитъ къ весьма важному вопросу о существованіи общихъ государственныхъ росписей (272—79). Здѣсь онъ указываетъ прежде всего на рядъ сводныхъ финансово-статистическихъ работъ, предпринимавшихся съ спе-

---

¹⁾ Госуд. хоз. 112.

ціальною цѣлю, — именно, чтобы опредѣлить общее количество дворовъ при назначеніи экстренной подворной подати. Конечно, «указаніями», хотя бы и «косвенными», «на возможность существованія общей государственной росписи», эти факты служить не могутъ. Далѣе авторъ собираетъ прямыя свидѣтельства о существованіи государственныхъ росписей. Первое изъ нихъ относится къ 1619 г., когда «предположено было сосчитать все наличныя суммы, которыя сохранились въ городахъ послѣ разоренія». Какъ видно уже изъ этихъ словъ, въ 1619 г. предпринята была также частная финансово-статистическая работа съ спеціальною цѣлю опредѣлить количество свободныхъ остатковъ городскихъ поступленій, какимъ могла располагать центральная администрація. Гораздо важнѣе указаніе на «годовую большую смѣту» 1623 — 24 г.: это первое несомнѣнное указаніе на существованіе общаго бюджета. Мы не сомнѣваемся, что это извѣстіе слѣдуетъ сопоставить съ тѣмъ образцовымъ порядкомъ, въ которомъ мы находимъ отчетность отдѣльныхъ приказовъ за это время; по всему видно, что съ 1620-хъ годовъ произошла реформа приказнаго дѣлопроизводства, заведены формы прихода-расходныхъ книгъ, смѣтныхъ списковъ и другихъ документовъ; весьма вѣроятнымъ кажется намъ, что въ ряду этихъ нововведеній и сводная «годовая большая смѣта» заняла свое постоянное мѣсто въ приказной регистратурѣ. Къ сожалѣнію, тѣ же соображенія, — именно общій *habitus* сохранившагося приказнаго производства — приводятъ насъ къ заключенію, что заведенный порядокъ продержался недолго: съ сороковыхъ годовъ мы уже не встрѣчаемъ въ сохранившихся документахъ прежней полноты и отчетливости, а въ 1650-хъ и 1660-хъ гг. находимъ полное разстройство стараго порядка и не замѣчаемъ, чтобы сложился новый. Если эти впечатлѣнія, получаемыя при изученіи регистратуры сохранившихся приказовъ, не случайны, то можно опасаться, что и упоминаніе о годовой смѣтѣ 1624 г. не свидѣтельствуетъ о непрерывномъ составленіи бюджетныхъ росписей за болѣе позднее время. А. С. Лаппо-Данилевскій нашелъ указаніе, что въ 1646 г. велѣно было составлять въ четьяхъ смѣтные списки для сведенія ихъ въ одну общую вѣдомость; но такъ какъ мы не знаемъ, было-ли послано одновременно распоряженіе объ этомъ и въ другія учрежденія, то и не можемъ пока заключать, что имѣлось въ виду составленіе общей росписи. Впрочемъ, судя по общему настроенію новаго правительства въ это время, очень вѣроятно, что именно тогда почувствовалась опять надобность въ годовой смѣтѣ для

предполагавшихся реформъ: припомнимъ, что среди этихъ реформъ проектировалась введеніе единого налога, долженствовавшего своими размѣрами замѣнить всѣ другіе; подобный расчетъ, хотя бы совершенно приблизительный, нельзя было, конечно, сдѣлать безъ государственной росписи. Какъ бы то ни было, — была-ли составлена въ этомъ году государственная роспись или ее постигла та же судьба, какъ и единый налогъ, — послѣ этого времени мы опять ничего не знаемъ о бюджетныхъ росписяхъ вплоть до 1680 г., бюджетную роспись котораго намъ посчастливилось найти въ Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ. Авторъ считаетъ возможнымъ изъ существованія этой росписи заключить, что «съ 1680-хъ годовъ такія росписи несомнѣнно существовали» (274). Къ сожалѣнію, и этого мы не рѣшаемся пока утверждать, такъ какъ подозрѣваемъ, что роспись 1680 г. составлена специально въ виду обширныхъ финансовыхъ реформъ этого года. Впрочемъ, этотъ вопросъ, — была-ли роспись 1680 г. единовременной мѣрой или же она только случайно сохранилась изъ ряда подобныхъ ей, — можетъ быть рѣшенъ только дальнѣйшимъ изученіемъ. Пока намъ кажется болѣе вѣроятнымъ, что составленіе регулярныхъ росписей началось только съ 1701, съ учрежденія Ближней канцеляріи (хотя и тогда вновь прервалось съ 1710) ¹⁾.

Мы не будемъ останавливаться на «заключеніи» автора, слишкомъ краткомъ (501 — 507) и не прибавляющемъ новыхъ чертъ къ тѣмъ общимъ выводамъ, которые мы разсмотрѣли въ соответственныхъ мѣстахъ рецензіи.

Переходя къ общему сужденію о книгѣ А. С. Лаппо-Данилевскаго, мы прежде всего должны подчеркнуть наше личное положеніе относительно изслѣдованія автора. Значительная часть нашихъ возраженій противъ защищаемыхъ имъ взглядовъ сдѣлана съ точки зрѣнія нашихъ собственныхъ противоположныхъ или вообще несогласныхъ воззрѣній; еще не успѣвшихъ сдѣлаться въ свою очередь предметомъ специальной критики, а отчасти и впервые высказываемыхъ въ этой рецензіи. Критика слишкомъ часто переходитъ въ полемику въ представляемомъ нами разборѣ, чтобы мы могли претендовать на роль безпристрастнаго судьи: мы пред-

---

¹⁾ Роспись 1680 г. и таблицы по росписямъ Ближней канцеляріи см. въ приложеніяхъ къ Госуд. хоз.

ставляемъ лишь одну изъ сторонъ и охотно признаемъ, что окончательный приговоръ по поводу обсуждавшихся здѣсь спорныхъ пунктовъ принадлежитъ третьимъ лицамъ.

Оставивъ въ сторонѣ этотъ личный элементъ нашихъ суждений, мы въ главномъ совершенно присоединяемъ къ общему мнѣнію спеціальной критики о книгѣ А. С. Лаппо-Данилевскаго. Существенное содержаніе печатныхъ отзывовъ передано нами во введеніи къ рецензіи; заканчивая ее, мы прибавимъ, что и сами имѣли случай представить одинъ изъ такихъ отзывовъ, не разошедшійся съ общимъ мнѣніемъ критики. Позволимъ себѣ воспользоваться нѣкоторыми мѣстами этого отзыва для сужденія о достоинствахъ изслѣдованія А. С. Лаппо-Данилевскаго; нѣкоторыя замѣчанія о ея недостаткахъ прибавимъ къ этому отзыву на основаніи настоящей рецензіи.

Книга А. С. Лаппо-Данилевскаго принадлежитъ, несомнѣнно, къ числу самыхъ замѣчательныхъ явленій въ русской исторической литературѣ послѣдняго времени. Выборъ темы показываетъ, что авторъ находится въ курсѣ очередныхъ вопросовъ русской исторической науки. Исторія русскаго государственнаго хозяйства есть вопросъ столько-же важный, сколько и почти вовсе не затронутый изученіемъ до настоящаго времени.

Небольшое количество болѣе значительныхъ работъ, которыя можно было бы назвать въ этой области, во первыхъ, преслѣдуютъ преимущественно спеціально техническія задачи, во вторыхъ, написаны уже лѣтъ тридцать тому назадъ и, въ-третьихъ, основаны на очень скудномъ и исключительно печатномъ матеріалѣ. Не смотря на это, было бы невѣрнымъ утверждать, что авторъ не имѣлъ предшественниковъ: вопросы государственнаго хозяйства на столько выдвигались впередъ самою жизнью XVII в., что съ ними должны были считаться всѣ наиболѣе крупныя работы по исторіи учреждений, которой наиболѣе интересовались лучшіе изъ нашихъ изслѣдователей за послѣднее тридцатилѣтіе. Такіе выдающіеся историки-юристы, какъ Чичеринъ, Градовскій, подготовили путь къ разработкѣ и русской финансовой исторіи; слѣдуетъ признать, что ихъ работы, — особенно послѣдняго, — значительно повліяли какъ на постановку темы, такъ и на общія точки зрѣнія разбираемаго изслѣдованія. Но г. Лаппо-Данилевскій избралъ вопросы государственнаго хозяйства Московской Руси центральнымъ предметомъ изученія и изучалъ финансовую исторію Россіи въ связи съ ея *общей* государственной жизнью: въ этомъ заключается особенность

его темы по отношенію съ одной стороны къ историкамъ-юристамъ, съ другой стороны — къ изслѣдованіямъ спеціально-финансоваго характера.

Къ разработкѣ этой темы А. С. Лаппо-Данилевскій приступилъ съ весьма солидною подготовкой. Какъ видно изъ его книги, онъ основательно знакомъ съ современной финансовой теоріей и съ важнѣйшими сочиненіями по финансовой исторіи разныхъ странъ Европы; затѣмъ онъ обнаруживаетъ на каждой страницѣ замѣчательную эрудицію и начитанность въ области русскихъ печатныхъ источниковъ. Но что особенно важно при подобной темѣ и что даетъ автору особенное преимущество передъ его предшественниками — это обширное знакомство съ рукописными источниками, хранящимися въ московскихъ архивахъ Министерства Иностр. Дѣлъ и Министерства Юстиціи и въ С.-Петербургской Публичной Библіотекѣ. Цѣлые отдѣлы, — и самые цѣнные, — только и могли быть разработаны на основаніи этихъ рукописныхъ данныхъ.

Такимъ образомъ, авторъ сдѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы поставить себя въ наилучшія условія для успѣха предпринятой работы. Если не смотря на это, результаты работы не всегда вышли наилучшими, то причинъ мы должны искать не въ обстановкѣ работы, а въ самомъ ходѣ ея выполненія. Въ самомъ выборѣ архивнаго матеріала онъ не всегда былъ счастливъ: не всегда нападалъ на тотъ именно матеріалъ, который могъ поставить его на наилучшій для его темы наблюдательный пунктъ. Въ большей степени отвѣтственнымъ является авторъ за тѣ выводы, которые онъ часто позволялъ себѣ дѣлать изъ этой сравнительной неполноты своего матеріала: отъ случайности свѣдѣній онъ слишкомъ часто дѣлалъ заключенія о случайности самыхъ явленій XVII в. Склонность къ заключеніямъ такого рода является, впрочемъ, у автора и помимо неполноты матеріала, какъ послѣдствіе его общихъ точекъ зрѣнія, слишкомъ далекихъ отъ конкретныхъ явленій XVII вѣка. Потребность отыскивать общій смыслъ въ изучаемыхъ имъ деталяхъ явленій составляетъ, конечно, одну изъ самыхъ симпатичныхъ сторонъ изслѣдованія автора; но, къ сожалѣнію, его общія точки зрѣнія не всегда стоятъ въ органической связи съ детальнымъ изслѣдованіемъ; не вытекая непосредственно изъ матеріала, онѣ иногда даже препятствуютъ автору внимательно наблюдать свой матеріалъ въ его ближайшей обстановкѣ; взятые отдѣльно отъ этой обстановки и лишенные своего временнаго и мѣстнаго значенія, наблюдаемые факты часто получаютъ въ изложеніи автора

болѣе отрывочный и случайный характеръ, чѣмъ они имѣютъ въ контекстѣ, въ цитируемыхъ имъ источникахъ.

Наконецъ, и въ окончательной стадіи работы, въ построеніи самаго изложенія, можно указать нѣкоторые недостатки; мы говорили выше о несовѣтѣ удачномъ планѣ книги, лишившемъ автора возможности самостоятельно трактовать важнѣйшіе отдѣлы его темы и подчинившемъ изложеніе второстепенному классификаціонному признаку, который притомъ не могъ быть вполне выдержанъ. Мы не будемъ прибавлять къ этому перечню недостатковъ тѣ взгляды автора на самый предметъ, съ которыми высказали выше свое несогласіе: это значило бы предупреждать результатъ дальнѣйшихъ преній по намѣченнымъ спорнымъ пунктамъ.

✓ Не смотря на указанные недостатки, главнымъ образомъ методическаго свойства, изслѣдованіе А. С. Лаппо-Данилевскаго, какъ по количеству и новизнѣ собраннаго имъ матеріала, такъ и по цѣнности многихъ выводовъ автора, составляетъ крупный шагъ впередъ въ изученіи русской финансовой исторіи и можетъ быть признано вполне заслуживающимъ преміи графа Уварова.

ПРИЛОЖЕНИЕ I.

Списокъ писцовыхъ и дозорныхъ *) книгъ XV — XVI в.

Списокъ составленъ, главнымъ образомъ, на основаніи монастырскихъ грамотъ Коллегіи Экономіи, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи и расположенныхъ по уѣздамъ, съ одной общей нумераціей. Простая ссылка на № подразумѣваетъ именно этотъ источникъ. Другіе источники указаны въ соответствующихъ мѣстахъ **). Звѣздочка означаетъ, что сохранился, въ выпискѣ или въ цѣломъ, и самый текстъ книги.

Годъ.	Уѣздъ.	Названіе книги и имена писцовъ.	Источникъ.
6970—7001	Бѣжецк. верхъ	Писцы кн. Андрея Вас. (Большаго) Углицкаго: 1) Митя Демидовъ, 2) Исакъ Дубровинъ — писалъ весь Бѣж. в. 3) Жит. Исаковъ сынъ Дубровина	Өед. Чех. I, 70.
6973	Костромской.	Костромскія книги Михайлова (Борисовича) письма Волинскаго	Өед. Ч. I, 36; Бѣл. л. 309; А. Ю. № 8.
6990	Нижегородск.	*Книги ключа Новгорода Нижняго письма Ө. Киселева	Бѣл. л. 294 об.
ок. 6993	Бѣлозерскій.	«Какъ Бѣлоозеро досталось в. князю, писцы писали Ө. Алабышъ да Вас. Далматовъ»	Өед. Ч. I, 24. А. Ю. № 5.
между 6996—7009 6998 ***)	Галицкій.	«Писали Галичъ писцы Вас. Башина да Верещага»	Р. Ист. Сборн. V, 16, 17.
	Бѣлозерскій.	Въ Бѣлоозерѣ писцы в. князя Мих. Дм. Шапкинъ, Ив. Голова Семеновъ и Захаръ Микулинъ	Ө. Чех. I, 9.
		Ихъ же судебныя разбирательства . . .	А. Ю. №№ 3, 5, 6.
до 7000	Владимірскій.	Книги письма Алексѣя Полуехтова . . .	Бѣл. л. 249 об.

*) Межевыя и приправочныя исключены изъ списка.

***) Өед. Чех. = Акты относящіяся до гражданской расправы древней Россіи, Өедотова Чеховскаго т. I, 1860 г. Кіевъ. Бѣл. = Сборникъ Бѣляева № 1620 въ Румянц. музеѣ. А. Ю. = Акты Юридическіе. А. А. Э. = Акты Археогр. Экспедиціи. А. И. = Акты историческіе. Доп. = Дополненія къ А. И. Калач. = Писцовыя книги Моск. госуд. XVI в., изд. Геогр. Обществомъ подъ ред. Калачова. Арх. = Арх. Юстиціи, писцовыя.

****) Годъ опредѣляется грамотой кн. Ив. Андр. 6943 + 55.

Годъ.	Уѣздъ.	Названіе книги и имена писцовъ.	Источникъ.
7000	Тверскія владѣнія.	«Князь в. Ив. В. послалъ тверскіе земли писати по московски въ сохи: а писалъ Тверь — кн. Ѡ. Алабышъ (ср. Калач. I, 2, 50), а Старицу писалъ — Борисъ Кутузовъ, а Зубцовъ да Опоки — Дм. Пѣшковъ, а Клинь — Петръ Лобанъ Заболоцкой», а Холмъ и Новой городокъ — Андр. Карамышевъ, а Кашинъ — Вас. Карамышевъ	П. С. Р. Л. VIII, 223; Никон. л. VI, 130.
»	Звенигородск.	Письмо кн. Вас. Голенина	Бѣл. л. 25—28.
»	Переясл. За-лѣсскій.	Писецъ кн. Вас. Ив. Голенинъ	№ 8825; А. А. Э. I, № 143.
»	Новгородъ.	Писцовыя книги, не дошедшія до насъ	Неволинъ, пятины, 11.
7001—7011	Бѣж. верхъ.	Писали весь Бѣжецкій верхъ вел. кн. писцы Вас. Башина да Ал. Вокшеринъ	
7004	Новгородъ, Обонежская пятина.	*Книги писцовыя Юрья Сабурова	Невол., пятины, 12.
»	Деревская пятина.	*Книги писцовыя Прокофья Скуратова и Петра Волка Борисова	Невол. пятины 12, и прил. VIII, Новг. писц. книги, томы I и II.
до 7006	Галицкій.	Книги данныя Данила Ивановича (родоначальникъ Даниловыхъ Барх. кн. II, 156)	Бѣл. л. 329 об.
7006	Юрьева Польскаго. Коломенскій.	*Книги письма Конст. Григор. Заболоцкаго . . . . . Онъ же судить въ Коломенской у.	Бѣл. л. 196. Ів. л. 126; Акты Бѣл. въ Рум. муз. № 19.
7006—7007	Новгородъ, Шелон. пят.	*Книги письма Матв. Ив. Валуева	Новгор. писц. кн. т. IV, 1—232 и Арх. кн. 705, л. 1—57, кн. 706, л. 1—36.
7007	Московскій.	*Писецъ кн. В. Голенинъ описалъ с. Пушкино и деревни	Бѣл. л. 48.
»	Владимірскій.	*Книги Владиміра города и уѣзда, письма Петра Григ. Заболоцкаго	Ів. л. 199 слѣд., л. 237 об.
7008	Каширскій.	Книги письма кн. Давида Даниловича Хромаго (и ссылка на предыдущія книги времени в. кн. Ив. Вас., «не вѣдаемъ, который писецъ тѣ книги писалъ»)	Ѡед. Ч. 100, 96.
»	Новгородъ, Вотская пятина.	*Книги письма Дм. Вас. Китаева и Никиты Губы Семенова с. Моклокова.	Новг. писц. кн. т. III и Врем. Общ. И. и Др. Р. т. XI и XII, Неволинъ, пятины прилож. I.
7009	Ростовскій. Дмитровскій.	*Книги ростовскія письма Вас. Мих. с. Чертенка Заболоцкаго да Дм. Давид. Загряжскаго . . . . . Онъ же судить въ Дмитров. у.	Бѣл. л. 9—15. Бѣл. акты, № 20.

Годъ.	Уѣздъ.	Названіе книги и имена писцовъ.	Источникъ.
7009	Ярославскій.	Судебное разбирательство Ярославскихъ писцовъ Як. Дмитр. Морозова и товар. его Ив. Тучка Вас. с. Долматова	Вахромѣевъ, княж. и царск. грам. Яр. губ., 6—8.
7010	Костромскій.	*Письмо Григ. Ром. Застолбскаго въ Костром. станахъ и волостяхъ.	Бѣл. л. 195 слѣд., л. 309, 317.
7011	Вологодскій.	Его же судебное разбирательство . . . . . *Книги Вологодскія письма Ѳ. Ѳ. Лепятина	А. Ю. № 8.
7012	Бѣлозерскій.	Его же судебное разбирательство . . . . . Писецъ Бѣлозерскій Вас. Гр. Наумовъ съ товарищами судить въ апрѣлѣ.	Бѣл. л. 208 слѣд. А. Ю. № 9.
до 7013	Пошехонскій.	Писаль Пошехонье Яковъ Кочергинъ.	А. Ю. № 11.
7013	Бѣлозерскій.	Писецъ Бѣлозерскій Вас. Гр. Наумовъ съ тов. судить	Бѣл. л. 376. Бѣл. л. 376, 395. Ѳед. Чех. I, 14.
»	Новгородъ, Шелон. пят.	*Списокъ съ писцовой книги дворцовыхъ земель въ Сумерск. погостѣ, письма и мѣры Обрѣска Ив. Микитина	Арх. кн. 705, л. 57 об. 706, л. 271—274.
7017	Бѣжец. верхъ.	Писали весь Бѣж. в. писцы кн. Семена Ив-ча, Ив. Даниловичъ да Третьякъ Лызловъ (дворцовый дьякъ)	Ѳед. Ч. I, 70. Ib. 21—22.
7019	Владиміръ.	Ихъ судебное разбирательство . . . . . *Книги гор. Владиміра посада письма дьяка Некраса Ив. Володимірова с. Харламова да дворцоваго дьяка Ѳ. Ходыки	Бѣл. л. 196.
»	Бѣлоозеро и Пошехонье.	Писали писцы Бѣлоозеро и Череповес и на Шекснѣ ѣзы (писецъ Бѣлозерскій и Пошехонскій) Ив. Микуличъ Заболотцкой да дьякъ Андр. Харламовъ . . . . . Они же судятъ въ апрѣлѣ.	Бѣл. л. 376, 374, 387. №№ 754, 755, А. Ю. № 15; Ѳед. Ч. I, № 24, № 55, № 65.
»	Балахонск. и Арзамас. у.	Писецъ Иванъ Захарьичъ (Овинова) да Суморокъ Путятинъ	Ѳед. Ч. 68, 209; Арх. Мин. Юст. Арзам. уѣз. № 232.
7021—26*)	Рязанск. у.	Писали Перевитскъ писцы Кузьма Ѳефилатьевъ и Данило Клобуковъ, — ихъ книги сошныя и оброчныя	Пискаревъ, грам. Рязан. края, 18—19.
7023	Малоярославецкій.	*Письмо Кирѣя Львова	№ 7697.
»	Новгородъ, Шелон. пят.	*Писцовыя книги письма дьяка Вас. Тетерина и дворцоваго Звяги Софопова	Доп. I, № 113.
7027	Старицкій.	Книги письма кн. Дмитрія Волконскаго.	С. Г. Гр. и Д. I, 527.
»	Верейскій.	Верейскія книги письма Григор. Мѣшка Валужева съ тов.	Ibid. I, 530.
7028	Переяславск.	*Письмо Вас. Григ. Морозова и Посника Сатина въ уѣздѣ и посадѣ	Бѣл. л. 29.

*) Хронологія опредѣляется тѣмъ, что это было при дворецкомъ Василии Андреевичѣ (Челяднинѣ).

Годъ.	Уѣздъ.	Названіе книги и имена писцовъ.	Источникъ.
7028	Нерехотскій.	Письмо Григ. Сем. Плещеева въ Нерехтѣ	Ів. л. 196.
»	Новаго Горо- дища.	Книги письма кн. Вас. Ростовскаго Голубаго, станы Нов. гор.	С. Г. Г. и Д. I, 527.
»	Московскій.	Книги письма кн. Андр. Ростовскаго въ М. у. и Замосковскихъ волостей.	Ів. 530, 531.
7032	Новгородъ, Шелонская пятина.	Списокъ съ писцовой книги дворцовыхъ волостей и тяглыхъ деревень письма и мѣры Григ. Никифоровича Волосатаго	Арх. кн. 706, л. 161—248.
7034	Старицкій.	Книги письма дворецкаго Ив. Ив. Колычова	С. Г. Г. и Д. I, 527.
7037	Владимірскій.	Книги (межевыя?) письма Дм. Ив. Волынскаго	№ 1791.
7038	Новаго горо- дища.	Книги письма Вас. Полукарпова Ромѣйкова	С. Г. Г. и Д. I, 527.
»	Холмской вол.	Его же книги	Ів.
»	Гороховской волости.	Въ окт. и ноябрѣ Пестрикъ Осютинъ и подьячій Карпъ Игнатъевъ разѣзжаютъ межи между дворцовыми и монаст. деревнями (ср. 7048 г.)...	Бѣл. Акты. №№ 48 и 49.
7039	Старицкій.	Книги письма Жука Прокофьева да Меншаго Ѳедорова дворцов. сель ..	С. Г. Г. и Д. I, 527.
7040	Переяславля- Залѣскаго.	Переяславскіе писцы И. Ѳ. Хидыршиковъ и Вас. Юр. Безобразовъ учили межу (октябрь)	№ 8836.
7041	Балахонскій (Нижегород- скій?).	Книги Мих. Жедринскаго да Карпа подьячаго	Ѳед. Ч. I, 214.
»	Галицкій.	Книги Семенова письма Соловцова	№ 3346. Ѳед. Ч. I, 39; Сборн. Тр. мон. № 532, Сол. Га- лицкая, 35.
7042	Галицкій.	Писецъ Сем. Гр. Соловцовъ разѣзжаетъ межи	№ 3348; Бѣл. акты, № 56.
7043	Бѣжецкій.	Андрей Сем. с. Карауловъ и подьячій Як. Сем. Щелкаловъ разѣхали межи	№ 1176.
»	Переясл.-Ря- занскаго.	Писцы Ив. Дм. Бобровъ да Ярецъ Андр. с. Нарманскаго дали на оброкъ бортовой ухажей	№ 9822.
»	Старицкій.	Книги письма Меншаго Ѳедорова да Копыта Григорьева, дворц. села ...	С. Г. Г. I, 527.
7044	Звенигородск.	* Письмо Василя Петровича	Бѣл. л. 25.
7045	Звенигородск.	Звенигородскіе писцы И. Д. Бобровъ и Зах. Андр. Посникъ (Сатинъ, да Ив. Мих. с. Колтырь Раковъ) разводятъ межи въ іюнѣ и іюлѣ	№№ 4684, 4685; Бѣл. л. 17, 18, 20, 22, 21.
»	Углицкій.	* Книги письма Сем. Бутурлина въ городск. стану, вотчина Тр. монаст. ...	Калач. I, 234.
7046	Звенигородск.	* Книги письма Ив. Дм. Боброва да Зах. Андр. Посника Сатина, да Ив. Мих. с. Колтыри Ракова	№ 4686.
»	Дмитровскій.	* Дмитровскія книги письма Ал. Сем. Упина Слизнева съ тов. (дек.)	№№ 3764, 3765, 3767.

Годъ.	Уѣздъ.	Названіе книги и имена писцовъ.	Источникъ.
7046	Бѣжецкій.	Его же судебныя разбирательства въ 7056—57 г. .... Писцы Дм. Козловъ с. Милославскій съ тов. разъѣзжаютъ межи (сент. — ноябрь).....	№№ 1214, 1215, 1221, 1222. №№ 1183, 1184, 1186.
7047	Вологодскій.	Писцы Ром. Игн. Образцовъ съ тов. писали въ волости Талшѣ.....	№ 11,801 (Суд. у.).
»	Новгородъ.	Писцовыя книги Инши Булгакова.....	Неволикъ, пят. 13.
»	Вотская пята.		
»	Шелонская п.	*Писцовая книга Григор. Собакина съ тов.	Невол. ib. и Новг. писц. кн. IV, 237—522 (безъ имени писца).
до 7048 (въ 7038?)	Владимірскій.	Книги писцовъ Андр. Языкова и Пестрика Осютина, писали однѣ дворовыя села, а не большое письмо ..	Өед. Чех. I, 91—92.
7048	Владимірскій.	Владимірскіе писцы Ром. Игн. Образцовъ (и Сем. Данил. с. Батюшкова) съ тов. учинили между ..	№ 1793.
»	Тверской.	*Книги письма Ив. П. Заболоцкаго и Мих. Ив. Усова-Татищева.....	Калач. I, 2, 40—140.
»	Московскій.	Андр. Ив. Писемскій и Никита Өеод. Евлашковъ разъѣзжаютъ межи въ Хотунской волости ..	Бѣл. Акты № 68.
7049	Вологодскій.	Вологодскіе писцы Тим. Андр. с. Карамышевъ и Никита Козловъ с. Милославскаго съ тов. дали льготу.....	А. И. I, № 295.
»	Романовскій и Пошехонск.	Писцы романовскіе и пошехонскіе Андр. Сем. Карауловъ и Никита Ив. с. Переяславцевъ развели между....	Өед. Ч. I, 116.
»	Бѣлозерскій.	Писцы Бѣлозерскіе Ө. Ө. Хидырщиковъ и Григ. Лукинъ (Клементьевъ) съ тов. судятъ и разъѣзжаютъ между (юль—осень).....	№ 780; Ө. Ч. I,
»	Тверской и Клинскій.	Тверской и Клинскій писецъ Ив. Петр. Заболоцкій съ тов. разъѣхалъ между.	№ 10.267 (Рузск. у.).
»	Бѣжецкій в.	Большіе писцы Рычко Ив. Плещеевъ, Вас. Карачаровъ да Григ. Татищевъ съ тов.	Өед. Ч. I, 185; А. Ю. № 156.
»	Кашинскій.	Большіе кашинскіе писцы кн. Дм. Дашковъ и Третьякъ Карачаровъ ..	Ө. Чех. I, 184, 188, 190.
7050	Каширскій.	Дописывали Кашир. у. писцы В. И. Бреховъ да Ив. Гр. с. Головнина съ товар.	Ө. Чех. I, 95—105.
»	Пошехонскій.	*Пошехонскія книги письма Андр. Сем. Караулова да Ник. Ив. с. Переяславцева.....	№ 9681.
»	Костромской.	Костромскіе писцы Поярокъ Ильичъ Квашнинъ и Бор. Алр. Ступишинъ отдають дворъ монастырю (22 ноября).....	№ 5005.
»	Владимірскій.	Писецъ Ром. Игн. Образцовъ съ тов. дали льготу и развели межи (окт. — февраль).....	№ 1794 и Ө. Ч. I, 92.

Годъ.	Уѣздъ.	Названіе книги и имена писцовъ.	Источникъ.
7051	Можайскій.	*Книги письма Алр. Сем. Упина Слизнева	№ 7613.
»	Замосковныя волости.	Онъ же разъѣхалъ межи (іюнь—сент.). Книги письма Ром. Дашкова и Ѳ. Одашева, Замосковн. Вохонской волости.	№№ 7611, 7612.
7052	Переясл. За-донскаго.	*Книги письма Ив. Ѳ. Хидырщикова съ товар.	А. А. Э. I, № 256.
»	Бѣлозерскій	*Книги Бѣлозерскія письма («большихъ писцовъ») Ѳ. Ѳ. Хидырщикова (и Гр. Лук. Клементьева) съ товар.	№№ 8850, 8851.
»	Владимірскій.	*Книги Владимірскія письма Ром. Игн. Образцова съ товар.	№№ 790, 857, Ѳ. Ч. I, 116; А. И. I, № 163.
»	Верейскій.	*Новыя книги Верейскія письма Степ. Ѳ. Сабурова съ товар.	№№ 1796, 1797, ср. С. Г. Г. и Д. I, 531.
»	Вышегородск.	*Новыя книги Вышегородскія письма Ст. Ѳ. Пильмова Сабурова съ товар.	№ 2335, С. Г. Г. Д. I, 530.
»	Волоколамск.	*Писцовыя книги письма В. И. Брехова да Ив. Гр. с. Головнина да Дм. Гр. с. Ковѣзина (село в. князя)	№ 2336.
7052	Вологодскій.	*Книги Вологодскаго писца Тим. Андр. Карамышева (да Микиты Козлова с. Милославскаго) съ тов.	№ 2432.
»	Суздальскій.	*Писцовыя книги письма Степана Отяева	№ 2585, 2586; Ѳ. Ч. I, 117; А. Ю. № 168; А. И. I, стр. 310.
до 7053	Вятскій.	Упоминаются «большіе писцы» на Вяткѣ и дополнительное послѣ нихъ письмо въ верхнемъ Слободскомъ городкѣ подъяч. Хомяка	№ 11,828; Ѳ. Ч. I, 242, А. И. I, №№ 167, 177, 148.
7053	Костромской.	*Книги Костромскія новаго письма Поярка Ильича Квашнина съ тов. .	А. А. Э. I, № 210.
»	Новгородъ.	*Пустые дворы писали: Деревская и Бѣжецкая пятина — А. Ѳ. Бабкинъ и подъяч. Нечай Игнатьевъ; Шелонская — Никита Владыкинъ и подъяч. Богданъ Рукавокъ; Вотская и Обонежская — Гаврило Мурановъ и подъяч. Ив. Алексѣевъ; также Бурундай Вас. с. Харламова и подъяч. Ушакъ Тухинскій	М 5007.
7055	Рязанскій.	Рязанскія писцовыя книги письма Мих. Годунова	А. А. Э. I, стр. 185.
7059	Московскій.	Книги письма писцовъ Ѳ. Старкова съ товар.	№ 9829.
»	Московскій.	Книги письма Андр. Лодыгина (и Ив. Челищева) съ тов.	№ 7164.
»	?	Книги письма Ив. Слизнева, с. Липки .	№№ 7164, 7160.
»	Двинскій.	Двинскіе писцы Ив. Петр. Заболоцкой да Дм. Ив. Темиревъ съ тов. даютъ на оброкъ земли.	С. Г. Г. и Д. I, 530.
»	Новгородъ, Вотская пят.	Писцовыя книги Ѳ. Терпигорева съ товар.	А. Ю. №№ 169, 170.
»	Шелонская п.	*Списокъ съ писцовой книги госуд. оброчныхъ земель письма и мѣры	А. А. Э. I, 389.

Годъ.	Уѣздъ.	Названіе книги и имена писцовъ.	Источникъ.
7059—61	Шелонская п.	Ив. Гр. Бѣлеутова и Алексѣя Жеребцова съ тов. .... *Книги письма Алексѣя Жеребцова (другихъ погостовъ)	Арх. кн. 706, л. 36 об. — 56. Новг. писц. кн. IV, 529—584. Ср. Неволинъ, пят., 14. № 7164.
7060	Московский.	Книги письма Услюма Данилова съ тов.	№ 12,308.
»	Тульскій.	Книги тульскихъ писцовъ письма Мещанина Морозова съ тов.	Сб. Муханова, 2 изд. 590.
»	Рязанскій.	Книги рязанскихъ писцовъ Григ. Сем. с. Плещеева да Кипр. Ив. с. Дедевшина (да подьяч. Ѳ. Козлова съ тов.)	А. А. Э. I, № 233.
»	Важскій.	Книги письма Ив. Гр. Заболоцкаго съ товар.	Пискаревъ, гр. Ряз. кр. 92.
7061	Рязанскій.	*Книги рязанскихъ двутретныхъ писцовъ письма кн. Ѳ. Сем. Мезецкаго да Третьяка Мих. с. Дубровина съ товар.	С. Г. Г. и Д. I, 527. А. И. I, № 163, стр. 305, 311.
»	Старицкій.	Книги дворцовыхъ селъ дьяка Савлука Иванова	№ 369.
»	Бѣлозерскій.	Книги письма кн. Ив. Звенигородскаго да Плохаго Цвиленева	№ 4125.
7062	Балахонскій.	Письмо Прокоша Цвиленева	№ 9683; ср. Ѳ. Ч. I, № 65.
»	Двинскій.	*Двинскія книги письма Ив. П. Заболоцкаго съ товар.	№ 9831.
»	Пошехонскій.	Пошехонскіе писцы Ѳ. И. Чулковъ да дьякъ Ѳ. Фатьяновъ судятъ и разводятъ между (авг.)	Калачевъ, I, 2, 141—290.
»	Рязанскій.	Рязанскія писцовыя книги письма Мих. Вас. Годунова (выше 7055)	Бѣл. Акты, № 102.
» *)	Тверской.	*Писцовыя книги Тверск. у. (какихъ писцовъ?)	Доп. I, № 59.
»	Коломенскій.	*Коломенскія книги письма кн. Юр. Мещерскаго и Леонтя Максурова.	№ 835.
до 7063	Ржева Пустая.	Писцы И. Колычовъ съ тов.; послѣ нихъ другіе писцы Истома Корчова съ тов.	№№ 9684 и 9703.
7063	Кашинскій.	*Книги описи и мѣры Кашинскаго городского прикащика Ив. Вражскаго и подьячаго Мити Мякишева	№ 10,292.
»	Пошехонскій.	Мѣновная съ доклада пошехонскихъ писцовъ Ѳ. И. Чулкова и дьяка Ѳ. Фатьянова	Ѳед. Ч. I, 232—234.
»	Рузскій.	Опись и мѣра русскаго городского прикащика Ив. Власьева	С. Г. Г. и Д. I, 530.
»	Владимірскій.	*Писцовыя книги письма Андр. Вас. Лодыгина и Вас. Мих. Гирѣва	А. Ю. № 104.
»	?	Книги письма кн. Андр. Бабичева съ тов., село Ламна	С. Г. Г. и Д. I, 531.
до 7064	Ярославскій.	*Книги письма и мѣры Дан. Григ. Ѳомина	
7064	Замосков. волость.	Книги письма Вас. Замыцкаго да дьяка Савлука Иванова, замосковной волости Раменейца	

*) Основаніе по которымъ онѣ отнесены къ 7062, см. выше стр. 57 (и ниже, поправки).

Годъ.	Уѣздъ.	Названіе книги и имена писцовъ.	Источникъ.
7064	?	Книги письма дьяка Ляпуна Ковѣзина, села Дубакина.....	Ibid.
»	Владимірскій и Суздальскій.	Дворцовыхъ сель Владимірскихъ и Суздальскихъ писцы Андр. Вас. Лодыгинъ и Вас. Мих. Гирѣевъ судятъ	Ѳед. Ч. I, № 67.
»	Русскій (Стар.)	Русскіе писцы Юр. Манасѣинъ и Ив. Тверитиновъ.....	Доп. I, № 112.
7064—70	Каргопольскій	*Платежница и сотныя выписи съ Каргопольскихъ и Турчасовскихъ писцовыхъ книгъ Никиты Яхонтова съ товар.....	Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, по Каргополю кн. № 1; Восток. Рум. муз. № 51, стр. 79; А. И. IV, № 24.
7065	Старицкій.	Книги письма Василя Замыцкаго и Савлука Иванова,—дворцовыхъ сель	С. Г. Г. и Д. I, 527.
»	Бѣлозерскій и Пошехонск.	Дана сотная съ Пошехонскихъ книгъ письма Ѳ. И. Чулкова и дьяка Ѳ. Фатьянова на волость Бѣлозер. у...	А. Ю. № 228; А. И. I, № 164.
»	Мещевскій.	Книги Мещескихъ писцовъ, письма Ѳ. Плещеева съ тов.....	А. И. I, № 180.
»	Псковскій.	«Почаша писцы писати городъ Псковъ и пригороды и земли мѣрिति».....	П. С. Р. Л. IV, 309.
7066	Переяславскій	*Книги письма Андр. Вас. Лодыгина и Вас. Мих. Гирѣева.....	№ 8905.
»	Солигалицкой.	Писецъ Григор. Слизневъ писалъ у Соли Галицкой посадъ и окологородную волость.....	А. А. Э. II, стр. 177. № 4701; С. Г. Г. I, 530; Калач. I, 1, 688 слѣд.
7067	Звенигородск.	*Звенигородскія книги письма и мѣры кн. Ив. (Янова-) Ростовскаго съ тов.	№ 8908.
»	Переяславля-Залѣсской.	Опись и мѣра Ив. Михнова и подъяч. Васюка Пѣнкина.....	Доп. I, № 224; Востоковъ Рум. муз. № 55.
»	Псковскій.	*Писцовыя книги Захарія Плещеева и Алексея Стараго съ товар.....	№ 5087; А. А. Э. I, № 304.
7068	Костромской.	*Книги Костромскія письма кн. Андр. Дм. Дашкова да Андр. Вас. Безносова съ тов.....	№ 1814.
»	Плесской волости.	Опись и мѣра губныхъ старость Тим. Молвянинова и Ахм. Бунина.....	Бѣл. л. 409.
»	Нижегородск.	Писцовыя книги письма Ѳ. Невѣжина, Русина Шишкина и Грибана Дмитриева.....	№ 1814 (Влад. у.); Бѣл., л. 96.
»	Нижегородск.	Писцы Петръ Туровъ да Немятой Тишковъ.....	№ 2604.
»	Вологодскій.	Книги вологодскихъ писцовъ Як. Кузьмина да Ив. Таратина съ тов.....	С. Г. Г. и Д. I, 530.
»	?	Книги кн. Юр. Мещерскаго (ср. 7062 г.), с. Ламна.....	Калач. I, 1, 703.
»	Звенигородск.	Звенигородскіе писцы Дав. Ив. Слизневъ и Дятель Григ. с. Машкова..	Ѳед. Ч. I, 214, 208—209.
» *)	Балахна и Гороховецъ.	*Писали гор. Балахну и Гороховецъ кн. Юр. (Григ.) Мещерскій и Молчанъ (Игн.) Ростопчинъ.....	

*) Годъ и отчество писцовъ поставлены по списку съ писцовой выписи, находящемся въ собственности частнаго владѣльца.

Годъ.	Уѣздъ.	Названіе книги и имена писцовъ.	Источникъ.
7069	Коломенскій.	*Коломенскія книги письма кн. Андр. Ив. Елецкаго съ тов.	Бѣл. Акты, № 117, 126.
»	Бѣлозерскій.	*Книги бѣлозерскихъ дворцовыхъ писцовъ письма Ильи Плещеева да Сутормы Безсоньева съ товар.	№ 835, 823, 819 (7072 г.) 814.
»	Нижегородск. и Арзамас.	Нижегородскіе писцы Григ. Никит. Сукинъ и Неклюдь Дѣвочникъ, даютъ на оброкъ р. Пьяну въ Арзам. у. . .	№ 232.
»	Нижегородск.	*Нижегородскіе писцы Григ. Заболоцкій да Микита Казариновъ	№ 1814 (Влад. у.).
»	Пошехонскій.	*Книги пошехонскихъ писцовъ Андр. Игнат. Яхонтова да Ив. Мих. с. Тарутина (дворцовыхъ сельъ)	№ 9693, 9703.
до 7070	Муромскій.	Книги муромскихъ писцовъ Григор. Яхонтова и Вас. Карачарова съ товар., «а лѣта въ книгахъ не написано»	№ 7745.
7070	Костромской.	*Книги костромскихъ писцовъ письма Вас. Ив. Наумова да Иная Ив. Ордынцова съ тов.	№№ 5043—46, 5048—49.
»	Бѣлозерскій.	Книги черныхъ волостей письма Юр. Морозова съ товар.	№ 818.
»	Переясл. Залѣсскій.	Книги писцовъ переяславскихъ кн. Ив. Ромодановскаго да Ив. Бобрищева Пушкина	Бѣл. л. 276 об., Ѳед. Ч. I, 207, Рум. муз. Востоковъ № 52.
»	Балахонскій.	Нижегородскіе писцы Гр. Ив. Заболоцкій, Ѳ. Гр. Давыдовъ да Третьякъ Мих. с. Дубровина судятъ и разбѣзжаютъ межи	№ 2594, 2597, Ѳед. Ч. I, 117.
»	Вологодскій.	Половины Вол. у. писцы Лопата Прокофьевъ Хитрого и подьяч. Макс. Трифановъ учинили межу	№ 2602.
»	Вологодскій.	Книги письма Ив. Курчова да подьяч. Ширия Александрова	№ 3808. Бѣл. Акты №№ 120, 121; С. Г. Г. и Д. I, 526.
»	Дмитровскій.	*Дмитровскія книги письма кн. Ив. Андр. Звенигородскаго да Дм. Мих. Пивова съ тов.	№№ 8926—27, 8929—32; А. А. Э. I, № 261.
7071	Переясл. Залѣсскій.	*Книги переяславскія письма кн. И. Б. Ромодановскаго да И. И. Пушкина (май—ноябрь)	№ 4147.
»	Двинскій.	*Книги двинянъ Якима Романова да Никиты Пуятина	Калач. I, 2, 438—442.
»	Полоцкаго повѣта.	*Книги письма 1) Никиты Тургенева и Алфер. Засѣцкаго. 2) Сем. Аѳ. Бортенева и Русина Тим. Мошнина. 3) Конст. Пуляева съ тов. 4) Ив. Львова съ тов. 5) Ив. Кикина съ тов. 6) Аѳ. Хитрово и Ѳ. Безобразова	Арх. кн. 710, 711, 740, 770.
7071—73	Новгородъ, Шелонская Вотская и Обонежск. п.	*Писцовыя (и переписныя) книги поженъ и сѣнныхъ покосовъ письма и мѣры (переписи) Григ. Волынскаго и Вас. Тараканова (и Ѳ. Калитина) съ тов.	

Годъ.	Уѣздъ.	Названіе книги и имена писцовъ.	Источникъ.
7072	Бѣлозерскій и Пошехонск.	Бѣлозерскій и пошехонскій писецъ Юр. Ѳ. Морозовъ, да подьячій Лютикъ Ивановъ разѣхали между	№ 815.
»	Вышегородск.	Вышегородскія писцовыя книги письма Ив. Старкова	№ 2343 (Вер. у.).
»	Муромскій.	*Муромскія вотчинныя книги письма Дм. Андр. Бутурлина да Ив. Мих. с. Тарутина съ тов.	№ 7746.
»	Стародуба Рязанского.	Книги Юр. Образцова села Сарыева.	С. Г. Г. и Д. I, 531.
7073	Нижегородск.	*Писцовыя книги письма Григ. Заболотцаго, а дописывалъ ихъ кн. Осифъ Дм. Мосальской съ тов.	Бѣл. Сборн. № 1621, л. 96 об.
»	Стародуба Рязанского.	Книги письма подьячаго Макс. Трифонова.	С. Г. Г. и Д. I, 531.
7073—75	Свѣяжскій.	*«Были въ Свѣяжску первые писцы окольн. Никита Вас. Борисова да Дм. Андр. с. Кикина съ тов.»; ихъ книги письма и межеванья	№№ 11,459—11,461; Арх. кн. № 432, копія № 848.
7074—76	Казанскій.	*Ихъ же книги письма и мѣры гор. Казани.	Арх. кн. № 152, копія №№ 643, л. 1—175 и 646, л. 1—208.
7074	Муромскій.	Писцовая сотня Мур. посада Дмитр. Андр. Бутурлина съ тов.	А. Ю. № 229.
7074	села Алексина	Книги письма кн. Дм. Болховскаго да подьяч. Третьячка Шарапова.	С. Г. Г. и Д. I, 531.
»	Тульскій.	Писцы кн. Мих. Ростовскій и Дм. Пыжовъ вымѣнили землю монастырю.	№ 12,308.
»	Бѣлозерскій.	Книги описи Бѣлозерскихъ губныхъ старостъ Меншова Лихарева и Як. Гнѣвашова (монаст. и черн. земель).	№ 818.
7075	Верейскій.	Книги дворцовыхъ селъ Вас. Ошанина съ тов.	№ 2,344.
»	Суздальскій и Стародубск.	Книги стародубскаго писца Ѳ. И. Бутурлина, да подьяч. Исачка Кузьмина с. Тухмачева.	№ 11,830.
»	Новгорода; пятина?	Писцовыя книги (пожень) Григ. Волынскаго и Ѳ. Калитива, да подьячихъ Никиф. Семенова и Третьяка Григорче (см. 7071—73 гг.).	Неволинъ, пятины 16—17.
до 7076	Двинскій.	(Данныя книги) письма Як. Ив. Сабурова и (оброчныя) письма Никиты Григ. Яхонтова	А. Ю. № 85.
7076	Рузскій.	*Рузскія книги письма и мѣры кн. Мих. Литвинова Мосальскаго *)	№ 4701.
»	Муромскій.	Муромскія писцовыя книги письма Мих. Ив. Калачова да Дм. Андр. Бутурлина съ тав.	№ 7748.
»	Переясл. Рязанскаго.	*Писцы Ив. Юр. Траханіотовъ	№ 9828.
»	Казанскій.	*Списокъ съ писцовой книги пом. и вотч. земель по дорогамъ Нагайской,	Арх. кн. 152, л. 103 об. — 133; Кошіи

*) Въ документѣ 206 года онѣ же приправочныя: № 10,324; Калачовъ I, 1; 657.

Годъ.	Уѣздъ.	Названіе книги и имена писцовъ.	Источникъ.
7076	Лаишевскій.	Чувашской, Арской, Алацкой, и Атызской письма и мѣры Дм. Андр. Кикина съ тов.....	кн. 643 л. 175 об. —237 и кн. 646, л. 208—277.
7077	Пермскій.	*Списокъ съ писц. книги города и посада, письма и мѣры Дм. Андр. Кикина съ тов.	Арх. кн. 643; л. 501—508 и кн. 646, л. 479—484.
»	Рузскій.	Писцы Ив. Яхонтовъ съ тов. писали Пермь Великую	А. И. I, № 207.
»	Владимірскій и Суздальскій.	*Книги рузскихъ писцовъ Григ. Степ. Пильмова да Андр. Ник. Сабурова съ тов. *)	№ 10,326.
»	Владимірскій и Суздальскій.	Валовые писцы во Владимірѣ и Сузда-лѣ, кн. Гр. Вас. Звенигородскій и Ив. Огаревъ	Өед. Чех. I, 231—235.
7078	Полоцкаго по-вѣта.	*Книги письма и мѣры Ив. Гр. Аничкова и подъяч. Ө. Стоилова.....	Калач. I, 2, 462—540.
7079	Юрьева-Польскаго.	*Писцовыя книги описи и досмотру Ө. Бѣгичева съ товар.	№ 14,580.
»	Новгородъ, Шелонская пятина.	Писцовыя книги Сем. Өеод. Нагого и кн. Ив. Андомскаго съ тов. (Еныша Муравьева)	Невол. пят. 14.
»	Деревская п. Епифанскій.	Дозорныя книги Бражника Хвостова ..	Невол. пят. 16.
7080	Епифанскій.	*Книги письма и мѣры кн. Ив. В. Масальскаго и Григ. Бор. Ярцева съ тов.	Калач. I, 2, 1582—95.
»	Веневскій.	*Книги письма и мѣры кн. И. В. Масальскаго, Григ. Бор. Ярцева, подъячаго Юр. Артемьева и Шестака Өеодорова	Калач. I, 2, 1537—81.
»	Владимірскій.	*Книги письма и дозору Шерала Бор-тенева.....	№ 1839; А. А. Э. I, № 290.
»	Владимірскій.	*Владимірскія писцовыя книги письма Ив. Зловидова съ товар.	Өед. Ч. I, 294.
»	Полоцкаго по-вѣта.	*Волостей Нещерды, Озерищъ, и Ус-вята письмо и мѣра Ив. Тим. Мясо-ѣдова и подъяч. И. И. Стоянова....	Калач. I, 2, 540—566.
7081	Рязанскій.	*Рязанскія книги письма и дозору Ра-тоя Суринова с. Окинѣева да подъячаго Юр. Ортемьева	Пискаревъ, гр. Ряз. кр. 35—42.
»	Новгородъ, Шелонская пятина.	*Списокъ съ писцов. книги государе-выхъ земель въ Паозерьѣ и 4-хъ погостахъ письма и мѣры Образца Баракова и подъячаго Быка Михай-лова.....	Арх. кн. 706, л. 56—102.
7082	Муромскій.	*Муромскіе писцы Мих. Ив. Шишеловъ и Богд. Григорьевъ дали сотную...	А. Ю. № 229.
»	Углицкій.	*Книги письма и дозору Вас. Старого, Город. стана, вотчинъ Тр. мон.	Калач. I, 2, 34.
»	Бѣжец. верхъ.	*Книги письма и дозору Матв. Могу-това (и подъячаго Зиновья Өедуова).	№ 1301; А. А. Э. I, № 304; А. И. II, стр. 71.

*) Въ 102 г. приправочныя. Калачовъ I, 1,657.

Годъ.	Уѣздъ.	Названіе книги и имена писцовъ.	Источникъ.
7082	Владимірскій.	Книги письма и дозора Меншаго Ростопчина (Тучка Ратцова) и подьяч. Ив. Окинфеева	№ 1854.
»	Московскій.	*Списокъ съ писцовъ книги неизвѣстныхъ писцовъ.....	Калач. I, 1, 1—39.
7082—83	Двинскій.	*Писцовыя поморскія книги письма и дозору Вас. Третьякова с. Агалина да подьячаго Степ. Федорова (Соболева).....	№ 4183, А. А. Э. I, № 310.
»	Рязанскій.	*Рязанскія книги письма и дозору Андр. Ѳ. с. Скрябина да подьяч. Зиновья Ѳедцова	Пискаревъ, 42—45. Неволинъ, пятины, 14.
7084	Новгородъ, Шелонская пятина.	Писцовыя книги Влад. Безобразова и Вешняка Мшохина	
7085—86	Московскій.	*Книга письма и отдѣлу (помѣст. и вотч. земель) Андр. Молчанова.	Калач. I, 1, 39—53.
»	Коломенскій.	*Коломенскія книги письма и мѣры Дан. Петр. Житова и Ѳ. Камынина	Калач. I, 1, 291—608; Бѣл. Акты, № 159.
до 7086	Бѣлозерскій.	Книги письма и дозору Дм. Ростопчина и подьяч. Гр. Чиркова	№№ 856, 857.
7086	Двинскій.	(Данныя) книги Вас. Гагина.....	А. А. Э. № 299.
7086	Нижегородск.	Книги Петра Бурунова.....	Бѣл., л. 409.
»	Суздальскій.	Сузд. писцовыя книги письма и мѣры кн. Григ. Звенигородскаго и Вас. Агалина	Ѳед. Чех. I, 242.
7086	Серпейскій.	Книги Серпейскихъ писцовъ Григ. Пушкина съ товар.	Ивановъ, обзор. пом. правъ, 136.
7086—87.	Владимірскій.	Писцовыя и дозорныя книги этихъ годовъ были въ помѣстномъ приказѣ до московскаго разоренья	Ѳед. Чех. I, 291, 294.
»	Каширскій.	*Книга письма и мѣры кн. Ив. Дан. Гагарина и Аѳ. Ив. Исакова съ тов.	Калач. I, 2, 1299—1537.
7087	Костромскій.	Книги Ив. Курова да Пятаго Тумскаго съ тов. (вотчина кн. Палецкихъ)....	А. А. Э. I, № 304.
»	Соликамской.	*Книга сошнаго письма гор. Камскаго посаду и уѣзду письма и мѣръ писца Ив. Игн. Яхонтова да подьяч. Третьяка Карпова.....	Кар. IX, прим. 816; Восток. Рум. № 308.
7088	Тверской.	*Книга вотчинъ Симеона Бекбулатовича письма и мѣры П. Свѣчина и дьяка Богд. Забротова	Калач. I, 2, 291—403.
7089	Бѣлозерскій.	Бѣлозерскія дозорныя книги письма и дозору кн. Сем. Дан. Жижемскаго, Елизар. Григ. Старово да подьячаго Тишины Васильева(села Протасьева).	№ 857.
7090	Новгородъ Бѣжецкая пятина.	*Книги письма и мѣры пом. и вотч. земель Михайл. погоста Дм. Замыцкаго.....	Арх. кн. № 585.
»	Деревская.	*Книги письма и мѣры пом. монаст. и порозж. земель Дм. Андр. Замыцкаго и подьячаго Третьяка Мокѣева	Арх. кн. 959—960; 713—714; 723; копии 302, 715—16, 718, 723. Невол., пятины, прил. IX.

Годъ.	Уѣздъ.	Названіе книги и имена писцовъ.	Источникъ.
7090	Шелонская.	*Книги письма (пом., мон. и црк. земель) Леонтыя Аксакова и подьяч. Алексѣя Малахова	Арх. кн. 957; копіи 8543 — 44, 712—13. Невол. прил. III.
7090—91	Вотская.	*Книги письма и дозору (пом., мон. и црк. земель) Самс. Григ. Дмитриева (потомъ Елизар. Григ. Старово), и подьяч. Семейки Киселева.....	Арх. кн. 958; копіи 301 и 719; Невол. прил. II и Временникъ О. И. и Др. VI.
»	Бѣжецкая.	*Книги письма и мѣры (пом., мон. и порожж.) кн. Вас. Андр. Звенигородскаго и подьяч. Игнатѣя Сергѣева .	Арх. кн. 961, 962 и копіи 720, 722, 8545. Невол. прил. XI.
7091	Обонежская.	*Книги письма и дозора (пом., мон. и церковн. земель) Андр. Вас. Плещеева и подьяч. Семейки Кузьмина.	Арх. кн. 963, 965 и копіи 724 — 726, 8546, 8550. Невол. 15 и прил. V и VI; А. А. Э. III, № 38, 267.
»	Деревская.	*Писцовыя книги Кузьмы Карцова и и Ѳ. Шихмарева.....	Неволинъ прил. X. Арх.?
»	Бѣжецкая.	*Книги письма и мѣры (и дозора) пом., црк. и пуст. земель Ѳ. Мих. Ласкирева и подьяч. Ильи Иванова.....	Арх. кн. 964, 755, копіи 5,578, 729, 730, 733 и 734. Невол., пр. XII.
»	Ржевы Пустой	Пусторжевскія книги письма и дозору Игн. Зубова съ тов.....	А. И. II, № 347.
7092	Шелонская п. и Обонежск.	*Книга (дворцов. зем.) Порхов. у. письма и мѣры к. В. Звенигородскаго и Елизарѣя Старога (и въ Обонежской Невол. 15)	Арх. кн. 735, л. 1—95 и копія 705, л. 150—156.
»	Суздальскій.	Суздальскія книги письма и мѣры Луки Новосильцева съ тов.	С. Г. Г. и Д. III, стр. 225; А. И. I, № 218.
7092—93	Владимірскій.	Писцовыя и дозорныя книги этихъ годовъ были въ помѣстн. пр. до московскаго разоренья	Ѳед. Чех. I, 294.
7092—106	Московскій.	*Дозорныя книги неизвѣстныхъ писц. .	Калач. I, 1, 53—95.
7093	Шелонская п.	*Книга (пом. церк. и мон. земель) Порхов. у. письма и мѣры Григ. Бундова и Ждана Алабухина	Арх. кн. 967, копія 819, Неволинъ, прил. IV.
»	Арзамасскій.	*Книги письма и мѣры Арзамасск. писцовъ Игн. Изубова и подьячихъ Безсона Пахирева и Рахманика Воронова	№ 233, 234, 238.
»	Вологодскій.	Вологодскихъ государевыхъ сельписцы Никиф. Вас. Траханиотовъ да дьякъ Дан. Гравороновъ, да Ив. Федоровъ.	№ 2618.
»	Вологодскій.	Писецъ кн. Аѳ. Вяземскій и подьячій Гриша Васильевъ	№ 2622.
»	Бѣлозерскій.	*Книга Ѳедосьина городка письма и мѣры Андр. Еф. Салтыкова съ тов.	Калач. I, 2, 411—417.
»	Бѣлозерскій.	*Ѣзовая книга письма и мѣры Андр. Еф. Салтыкова.....	А. Ю. № 236.
»	Бѣлозерскій.	*Бѣлозерскія писцовыя книги письма и дозору кн. Ѳ. Жироваго-Засѣкина.	А. И. I, № 217.

Годъ.	Уѣздъ.	Названіе книги и имена писцовъ.	Источникъ.
7093	Пошехонскій.	*Книги писцовыя Пошехон. у. письма Ив. Ресина съ товар.	№ 9703.
»	Рязанскій.	Книги писца Сем. Плещеева (отдача на оброкъ)	№ 9831.
»	Тульскій, Дѣдиловскій Пловскій и Соловскій.	*Тульскіе, Дѣдиловскіе, Пловскіе и Соловскіе писцы Конст. Андр. Наумовъ, Вас. Владыкинъ, подьячій Третьякъ... нѣевъ (сгнило) да Посникъ Невзорова дали межевую выпись	№ 12,308.
»	Суздальскій.	Писецъ кн. Дм. Мих. Барятинскій судить (апрѣль)	Өед. Чех. I, 230 — 235.
»	Владимірскій.	Книги окладныя (церковн. и патриарш.) дозору Григ. Болтина	Өед. Ч. I, 293.
»	Мещовскій.	Мещовскія книги письма и мѣры кн. Григ. Звенигородскаго съ товар. ...	Ивановъ, Обзор. пом. правъ, 136.
»	Солигалицкій.	Соли Галицкія книги письма и дозору Юр. Нелединскаго съ тов.	А. А. Э. II, стр. 177.
»	Великолуцкій.	*Списокъ съ писцов. книгъ письма и дозора кн. Дм. Елецкаго	Арх. кн. 244.
»	Пригороды Пскова.	*Списки съ писцовыхъ книгъ письма и мѣры Ив. Вас. Дровнина съ тов. въ Вороначѣ, Выборѣ, Гдовѣ, Дубковѣ, Изборскѣ, Кобыльѣ (здѣсь вмѣстѣ съ Григ. Ив. Мѣщаниновымъ—Морозовымъ) и Островѣ	Арх. кн. № 827.
7093—94	Московскій.	*Книги письма и мѣры Тим. Андр. Хлопова съ тов.	Калач. I, 1, 96—277.
»	Новгородъ, Обонежская пятина.	Писцы Леонтій Аксаковъ и Аѳ. Жеребятичевъ	Невол. пятины, 17.
7093—95	Псковъ и его пригороды.	*Книги письма и мѣры Григ. Ив. Мѣщанинова — Морозова и Ив. Вас. Дровнина съ тов. въ Псковѣ, Вельѣ, Владимирецѣ, Вревѣ, Вышгородѣ, Красномъ, Опочкѣ и Себежѣ	Арх. кн. №№ 355, 830, 831; ср. Рум. Вост. № 54.
7094	Московскій.	Письмо Елизарья Сабурова (монаст. вотчинъ?)	
»	Сольвычегод.	Сольвычегодскія писцовыя книги письма Аѳ. Ив. Вельяминова и дьяка Ив. Григорьева	Калач. I, 1, 278. А. А. Э. I, № 343.
»	Тамъ же?	Писцовыя книги Глотовы слободки (возлѣ Выми, Сысолы и Вычегды) писцовъ Ив. Огарева и подьяч. Филиппа Юрьева	А. А. Э. I, № 350.
7095	Медынскій.	*Книга (платежная пом. и вотч. земель) письма и мѣры Дм. Андр. Замыцкаго, Болсенка Никитина Верещагина и подьяч. Сенки Кузьмина. ...	Калач. I, 2, 832—852.
»	Двинскій.	Пріѣхалъ писать двинскихъ жителей кн. Вас. Андр. Звенигородскій (и Бор. Мезецкій) и въ 96 и въ 97 г. писалъ на Двинѣ	Вивл. XVIII. 15; А. И. III, № 95. Невол. соч. VI, 462.
»	Гороховецкій.	*Книги письма и мѣры Мих. Ив. Ши-	

Годъ.	Уѣздъ.	Названіе книги и имена писцовъ.	Источникъ.
7095	Деревская п.	шелова и подьяч. Богд. Булата (вотчины Сузд.-Евфим. монастыря) .... Писцовыя книги Тимоф. Замыцкаго и дьяка Як. Кочергина	Бѣл. Акты, № 181. Невол. пятинъ, 18.
7696	Нижегородск.	*Писцовая книга письма и дозора (госуд. дворцовыхъ, бортныхъ, оброчн. и посопн. сель) Вас. Θεод. Борисова и подьячаго Третьяка Аврамова ...	Арх. кн. 7514; Бѣл., л. 410. А. А. Э. III, № 332.
7096	Старицкій.	Книги (троицкихъ вотчинъ) письма и мѣры Елизар. Старого да дьяка Сем. Собаки Васильева	Калач. I, 2, 405—410.
»	Новоторжскій.	Новоторжскія книги письма и мѣры Андр. Клобукова и подьяч. Нечая Сорочнева	А. А. Э. I, № 344; III, № 332.
»	Двинскій.	Писцовыя и дозорныя книги кн. Бор. Мезецкаго и подьяч. Рахманина Воронова.	А. И. III, № 95.
7096—97	Тульскій.	*Книга письма и мѣры тульскихъ писцовъ Ив. Жеребцова (и дьяка Ив. Мѣшаева) съ товар.....	Калач. I, 2, 1073—1260.
»	Дѣдиловскій.	*Книга письма и мѣры Ив. Ал. Жеребцова и Тим. Ив. Хлопова, дьяка Ив. Мѣшаева и подьяч. Казарина Приклонскаго	Калач. I, 2, 1261—1299.
7097	Новгородъ, Обонежская пятина.	Писцы Вас. Волинскій съ тов. (окончивъ письмо?) «съѣхали къ Москвѣ».	Невол. пят. 17.
7098	Веневскій.	*Веневскія (межевыя) книги письма и мѣры Остафья Мих. Пушкина да подьяч. Ал Малахова.....	№ 12,310.
7099	Курмышскій.	Книги письма и дозору Сем. Горышкина и подьяч. Вас. Спиридонова	Бѣл. л. 412 об.
»	Тульскій и Дѣдиловскій.	Книги (писцовыя и межевыя) тульского и дѣдиловскаго писца Ив. Ал. Жеребцова	№№ 12,311—312.
7101	Сольгалицкій.	*Книга (троицк. вотчинъ) письма и мѣры Третьяка Григ. Вельяминова и подьяч. Казарина Θεодорова.....	Калач. I, 1, 920—924.
»	Костромской.	*Книга (тр. вотч.) тѣхъ же писцовъ ..	ib 892—919.
»	Ярославскій.	*Книга (тр. вотч.) тѣхъ же писцовъ ..	ib. 9—23.
»	Ростовскій.	*Книга (тр. вотч.) тѣхъ же писцовъ ..	Арх. кн. 541.
»	Звенигородск.	*Книга (тр. вотч.) письма и мѣры Меншаго Григ. Волинскаго и подьяч. Посника Степанова	Калач. I, 1, 660—730.
»	Дмитровскій.	*Книга (тр. вотч.) тѣхъ же писцовъ ..	ib. 73 1—786.
»	Переясл.-Залѣсскій.	*Книга (тр. вотч.) письма и мѣры Мих. Ив Вельяминова и подьяч. Ив. Князева	ib. 810—850.
7101—102	Владимірскій.	*Книга (тр. вотч.) письма и мѣры Як. Петра Вельяминова и подьяч. Θε. Андреева	ib. 787—809.
»	Суздальскій.	*Книга (тр. вотч.) тѣхъ же писцовъ...	ib. 857—872.

Годъ.	Уѣздъ.	Названіе книги и имена писцовъ.	Источникъ.
7101—102	Юрьева Польскаго.	*Книга (пр. вотч.) тѣхъ же писцовъ ..	Ib. 851—856.
»	Муромскій.	*Книга (тр. вотч.) тѣхъ же писцовъ ..	Ib. 873—892.
7102	Углицкій и Пошехонскій.	*Книга (тр. вотч.) письма и мѣры П. Григ. Совина и подьяч. П. Микулина ..	Калач. I, 2, 24—35, 36.
»	Бѣлозерскій.	*Книга (тр. вотч.) тѣхъ же писцовъ...	Ib. 418—420.
»	Старицкій.	*Книга (тр. вотч.) письма и мѣры Ае. Ѳ. Загряжского да подьячаго Ждана Степанова ..	Ib. 404—
»	Рузскій.	*Книга (тр. вотч.) тѣхъ же писцовъ...	Кал. I, 1, 655—659.
»	Московскій.	*Книга (тр. вотч.) письма и мѣры Луки Новосильцева и подьяч. Ал. Шапилова ..	Кал. I, 1, 277—290.
»	Коломенскій.	*Книга (тр. вотч.) тѣхъ же писцовъ ..	Ib. 608—611:
»	Боровск., Оболенскій, Ярославецкій, Серпейскій, Верейскій, Новосильск.	*Книги (тр. вотч.) письма и мѣры Артемья Колтовскаго да подьячаго Шестака Потапова ..	№ 608 (Боров. у.).
»	Углицкій.	Въ Угличъ посланъ писецъ кн. Дм. Бѣльскій ..	Карамз. X, прим. 435.
7102	Костромской.	Въ Костромскую область посланы писцы кн. Ѳ. Кривоборскій и Ае. Зиновьевъ ..	Ibid.
»	Деревская п.	*Списокъ съ писцовой и межевой кн. земель тр. монаст. въ 2-хъ погостахъ, письма и межеванья Вас. Пыжова и подьяч. Ждана Медвѣдева.	Арх. кн. 303.
»	Бѣжецк. п.	*Дозорная книга пом. вотч. мон. и церковн. земель въ нѣкоторыхъ погостахъ письма и дозора Воина Ивановича Завалишина и подьяч. Ждана Зиновьева ..	Арх. кн. 972.
7102—173	Вяземскій.	*Книги письма и мѣры Вас. Волынскаго съ товар. ..	Калач. I, 2, 567—831:
7103	Орловскій.	*Книги письма и мѣры Дементья Яковлева да подьяч. Леонтья Сафонова .	Кал. I, 2, 853—1073.
7103—105	Рязанскій.	*Списокъ съ платежной книги города и (пом. и вотч. зем.) околороднаго стана письма и мѣры (рязанскаго писца) Третьяка Григор. Вельяминова съ тов. ..	Арх. кн. 391, л. 1—130.
»	Пронскій.	*Списокъ съ платежной книги города и Каменск. стана тѣхъ же писцовъ..	Арх. кн. 396, л. 131—303.
»	Зарайскій.	*Списокъ съ плат. кн. гор. Николы Зарайскаго и 2-хъ становъ письма и мѣры Вас. Як. Волынскаго, Ив. Ае. Нащокина, подьячихъ Второго Ильина и Алексѣя Малахова ..	Ib. л. 505—612.
»	(Рязанскій).	*Списокъ съ плат. кн. 3-хъ другихъ становъ тѣхъ же писцовъ ..	Ib. л. 613—776.
7103	Деревская п.	*Дозорныя книги (помѣстн. земель)	

Годъ.	Уѣздъ.	Названіе книги и имена писцовъ.	Источнкъ.
7103	Шелонская.	письма и дозора подьячихъ Ждана Медвѣдева и Ив. Витовтова . . . . . * Дозорная книга (помѣстн. земель) письма и дозора подьячихъ Суботы Никифорова, Степ. Собакина и Кузьмы Вяскаго	Арх. кн. 974. Арх. кн. 973, копія 738.
до 7104 7104	Важскій. Шелонская п.	Писецъ кн. Бор. Петр. Засѣкинъ . . . . . * Дозорныя книги (пом. земель) письма и дозора подьячихъ Субботы Никифорова и Кузьмы Вяскаго	Арх. кн. 705, л. 245—256; кн. 973 л. 444—558; копія кн. 738, л. 216—277.
»	Деревская п.	Дозорная книга (помѣстныхъ земель) письма и дозора Ив. Неѣлова и подьяч. Ив. Галахтіонова	Кн. 974, л. 324—334.
7104—105	Вотская п. Углицкій.	Дозорныя книги подьяч. Аѳ. Михайлова. Углицкія книги письма и мѣры кн. Дм. Бѣльскаго *)	Невол. пятины, 17. № 12,872.
7104—106	Можайскій и Верейскій.	* Можайскія и Верейскія писцовыя книги письма и мѣры Вл. Ѳ. Загряжскаго да подьячихъ Дѣя Чечетова и Леонтыя Сафонова	Кал. I, 1, 612—154; Арх. кн. № 7621 (Мож. у.).
7106	Бѣлозерскій.	* Писцовая книга ямскихъ дворовъ на Словинскомъ волочкѣ письма и мѣры Никиты Ив. Беклемишева и подьячаго Никиты Власова	Арх. кн. 265, л. 380—385.
»	Новгородъ, пятина?	* Книга письма, мѣры и межеванія госуд. Голинскихъ покосовъ подьячаго Кузьмы Ѳомина	Арх. кн. 740, л. 108—148.
»	Новгородъ, пятина?	* Книга переписная и межевая государевыхъ Мстинскихъ поженъ и сѣнныхъ покосовъ письма и межеванія подьяч. Севринки Жданскаго	Арх. кн. 741; копія 742.
»	Обонежская и Воцкая.	* Дозорная и межевая оброчныхъ поженъ и сѣн. покосовъ въ 4-хъ погостахъ письма и мѣры подьяч. Ефима Нечаева	Арх. кн. 739, л. 1—18.
»	Шелонская.	* Писцовая и межевая обр. Заверяжскихъ сѣн. покосовъ письма, мѣры и межеванія подьячихъ Вас. Кононова и Никиты Ларионова	Арх. кн. 740, л. 1—89.
»	Рязанскій.	* Книги письма и мѣры рязанскаго писца Третьяка Григ. Вельяминова съ товар. (ср. выше 7103—105)	№№ 9833—9835.
»	Пронскій.	* Списокъ съ писцов. книги города, околороднаго и Каменск. стана, письма и мѣры тѣхъ же писцовъ	Арх. кн. 354.
7108	Казанскій.	Дозорная и межевая книга дворцовыхъ сель по Арской дорогѣ, письма, дозора и межеванья, Никиты Обухова.	Кн. 153, л. 1393—1469.
»	Вологодскій.	Вологодскіе писцы Вас. Як. Кузьминъ и Своитинъ Ѳеод. Рупосовъ, да подьячіе Як. Демидовъ и Ив. Антоновъ дали память разсылщику	А. Ю. № 335

*) Посланы позже составленія въ Угличъ, какъ «приправочныя».

Указатель по уѣздамъ.

1. Алексинъ. 7074. 2. Арзамасъ. 7019, 7069, 93. 3. Балахна 7019, 41, 62, 68, 70. 4. Боровскъ. 7102. 5. Бѣжецк. верхъ. 6970—7001, 7001—7011, 7017, 43, 46, 49, 82. 6. Бѣлоозеро ок. 6993, 6998, 7012, 13, 19, 49, 52, 61, 65, 69, 70, 72, 74, до 86, 89, 93, 102, 106. 7. Вага. 7060, до 7104. 8. Великія Луки. 7093. 9. Веневъ. 7080, 98. 10. Верея. 7027, 52, 75, 102, 104—106. 11. Владиміръ. до 7000, 7007, 19, 37, до 48, 48, 50, 52, 63, 64, 77, 80, 82, 86—87, 92—93, 93, 101—102. 12. Вологда. 7011, 47, 49, 52, 68, 70, 93, 108. 13. Волоколамскъ. 7052. 14. Вышгородъ. 7052, 72. 15. Вязьма. 7102—103. 16. Вятка, до 7053. 17. Галичъ. 6996—7009, до 7006, 41, 42. 18. Гороховская волость. 7038. 19. Гороховецъ. 7068, 95. 20. Двина. 7059, 62, 71, до 76, 82 — 83, 86, 95, 96. 21. Дмитровъ. 7009, 7046, 70, 101. 22. С. Дубакино. 7064. 23. Дѣдиловъ. 7093, 96 — 97, 99. 24. Епифанъ. 7080. 25. Замосковныя волости. 7051, 7064. 26. Зарайскъ. 7103—105. 27. Звенигородъ. 7000, 44, 45, 46, 67, 68, 101. 28. Зубцовъ. 7000.	29. Казань. 7074—76, 76, 108. 30. Каргополь. 7064—70. 31. Кашинъ. 7000, 49, 63. 32. Кашира. 7008, 50, 86 — 87. 33. Клинь. 7000, 49. 34. Коломна. 7006, 62, 69, 85—86, 102. 35. Кострома. 6973, 7010, 50, 53, 68, 70, 87, 101, 102. 36. Курмышъ. 7099. 37. Лаишевъ. 7076. 38. С. Ламна. 7063, 68. 39. Малоярославецъ. 7023, 102. 40. Медынь. 7095. 41. Мещовскъ 7065, 93. 42. Можайскъ. 7051, 104 — 106. 43. Москва. 7007, 28, 48, 59, 60, 82, 85—86, 92—106, 93—94, 94, 102. 44. Муромъ, до 7070, 72, 74, 76, 82, 101 — 102. 45. Нерехта. 7028. 46. Нижній Новгородъ. 6990, 7068, 69, 86, 96. 47. Новгородъ. 7000, 7053, 75, 106. Пятины: Бѣжецкая 7090, 91, 102 (ср. Бѣж. верхъ). Вотская. 7008, 7047, 59, 71 — 73, 90 — 91, 104, 106. Деревская. 7004, 79, 90, 91, 95, 102, 103, 104. Обонежская. 7004, 7071 — 73, 91, 92, 93 — 94. Шелонская. 7006—7, 13, 23, 32, 47, 59 — 61, 71 — 73, 79, 81, 84, 90, 92, 93, 103, 104, 106. 48. Новое городище 7028, 38.

49. Новосиль. 7102.
  50. Оболенскъ. 7102.
  51. Орель. 7103.
  52. Переясл. Залѣск. 7000, 28, 40, 52, 66, 67, 70, 71, 101.
  53. Переяславль Рязанскій (= Рязань) 7021 — 26, 43, 55, 60, 61, 62, 76, 81, 83, 93, 103 — 105, 106.
  54. Пермь. 7077.
  55. Плесская волость. 7068.
  56. Плова. 7093.
  57. Полоцкій повѣтъ. 7071, 78, 80.
  58. Пошехонье, до 7013, 7019, 49, 50, 62, 63, 65, 69, 72, 93, 102.
  59. Пронскъ. 7103 — 105, 106.
  60. Псковъ. 7065, 67, 93 — 95.
  61. Псковскіе пригороды 7093, 93 — 95.
  62. Ржева пустая, до 7063, 91.
  63. Романовъ. 7049.
  64. Ростовъ. 7009, 101.
  65. Руза. 7063, 76, 77, 102.
  66. Руса (старая). 7064.
  67. Рязань, см. Переяславль Рязанскій.
  68. Свіяжскъ. 7073 — 75.
  69. Серпейскъ. 7086, 102.
  70. Солова. 7093.
  71. Соль вычегодская. 7094.
  72. Соль галицкая. 7066, 93, 101.
  73. Соль камская. 7087.
  74. Старица. 7000, 27, 34, 39, 43, 61, 65, 96, 102.
  75. Стародубъ Ряполовскій. 7073, 75.
  76. Суздаль. 7052, 64, 75, 77, 86, 92, 93, 101 — 102.
  77. Тверь. 7000, 48, 49, 62, 88.
  78. Торжокъ. 7096.
  79. Тула. 7060, 74, 93, 96 — 97, 99.
  80. Угличъ. 7045, 82, 102, 104 — 105.
  81. Холмъ. 7000, 7038.
  82. Юрьевъ Польскій. 7006, 79, 101—102.
  83. Ярославль. 7009, до 7064, 101.
-

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

Проектъ введенія новой землемѣрной единицы „поприща“ для финансовыхъ и военныхъ цѣлей.

Имп. Публ. Библ. Q, XVII, № 66, (библ. гр. Ф. А. Толстаго, II, 168),
лл. 198—204 ¹⁾).

Сие дѣло паки о земномъ вѣрстаніи. Се убо всякаго мятежа в земны^х умалитца, писаре^м умаленіе, зборы прѣтану^т, мзды неправедныя ѡлчача^тца, о еже землемѣрнѣніи и писарію ²⁾ четвертію мѣряще и ратаемъ многи^м скорбемъ о^т о^бяденія приносяще. О семъ убо тако до^стой^т разумѣ^т: скоро^т ради мѣрныя і вра^жды и тяже^б ме^ж ихъ — мѣрит^ь и о^тдѣля^т поприщым^ь.

Вѣмы убо искѣсь мѣры и счетованія к сѣянію подробну, яко убо множе^ску ³⁾ обою рѣку сяженія ⁴⁾ едино в долготѣ и тако^ж вопреки има^т в себѣ ржаныхъ семе^н сѣянія — тысячныи и двоесотныи жребіи единыя че^т ⁵⁾; десять^ж сажене^н в до^тготу і в преки си^х жеребе^н стома^ж — вторыи на деся^т жеребе^н четвер^т. Едина бо осмина, аще мѣрою че^тверогранна — одинака і в до^тготу і в преки —, имать кѣ саженей ра^вно обое; аще хоцещи тѣ же осмину вопреки во едину сажене^н, в до^тготу бѣдетъ шѣт^ьсотъ сажень, но одинако^у в сеи же до^тготѣ^н не ровняетъ два^тца^т ^тпят^ь сажене^н пере^н четверогра^нною мѣрою — два^тцать четвертаго жеребе^н осмины ⁶⁾).

1) Интерпункція принадлежитъ намъ.

2) Писаріе?

3) Мужеску, см. ниже.

4) Сяженіе?

5) Т. е. квадратная (двухаршинная?) сажень составляетъ $\frac{1}{1200}$ одной четверти ржаного сѣва; или четверть равняется 1200 кв. саж. (а десятина 2400).

6) Именно: $25 \times 25 = 625$ кв. саж.; а $1 \times 600 = 600$ кв. сажень; не хватаетъ 25 саж. или (считая осмину = $\frac{1}{2}$ четверти въ 600 сажень) $\frac{1}{24}$ части осмины.

Четверогра^{но} поприще — в до^тготу і в преки по ѡбѣма ко^н-цема мѣжескѣ обою рѣкѣ саже^н тысяща — имать в себѣ ржаны^х семе^н сѣянiя осмьсотъ тридесять три четверт' с третью; в три^х поля ра^здѣленiя ради житнаго — поприщи таково нариче^тца двѣст' семьдесять осмь четверте' без по^у осмины в поле а ^вдвѣ поля^х по том^ѣ 1). Се ѡбо поприще удо^б есть дат' за двѣстѣ и пятьдесять четверте' в поле а ^вдву потомѣжъ, понеже двадесять осмь четверте' без по^у осмины излишняго коемѣждо полю: излишняя же та за сѣно и за лѣ до^тгойт' дат', аще бѣдет' земли чистые сеи лепши. І тою мѣрою землемѣрите^нни писанiе скорѣе поспѣютъ четвертным мѣры — въ десятирицу: ким' днѣм' нѣтъ гра^д описа сочт', тем' днѣе' во^змогут' десять градо^в описоватися; понеже четвертинная мѣра в част' мѣшкотна, — сия поприщѣм' около всѣхъ вдрѣгѣ огради^т. Сего ради о земляхъ и тяжа не имать быт': аще бо хто хоче^т прекривити и ѡбо мѣра всего обличитъ, яко излишняя чюжая хотяще вохит'; у кого жъ о^тять, такожъ мѣра обличитъ, яко обиде^т есть.

Тако ѡбо удобно е^т прѣмъ повелѣвати землемѣриіе учрежат' поприщѣм', а нѣтъ четвертѣм'. Аще убо самъ царь во всѣхъ своихъ градѣхъ елико вохоче^т себѣ по^рищи своя ради требы прiят', і аще бѣдет' гдѣ в до^тготу і в преки четвероуго^но' по ѡбѣма концама десять по^рищъ, — тѣ есть по семѣ счетованiю два^тца^т тысящъ семь сотъ пять четверте' в поле, а в дву поляхъ по толицѣхъ мѣрѣ 2), — и повелитъ на себя житны^х плодовъ на лѣта пятую чѣть о^тдели^т, а Бгѣ дастъ, аще в земли зерно роди^т пять зеренъ ржи, — дватцать тысящъ і пять тысящъ чет' да яри того в двое, — і в тѣхъ 3) градѣхъ поселику і во едино лѣто бѣдетъ двѣ тысящи тысящъ и пять сотъ четвертей ржи 4), да яри того в двое; есть бо что и^с сего продат' на собраніе серебра, а ни единъ ратой не бѣдет' слезень и мѣче^н в недоста^тцѣхъ, еже имат' ѡ ни^х з земли хлѣбъ,

1) Этотъ расчетъ буквально перешелъ въ книгу сошнаго письма первой редакціи: «и толко будетъ въдоль верста, а поперег верстаж, итого въ ней будет 417 десятинъ без трети (1.000.000: 2400 = 416²/₃); а толко положить тѣ десятины въ три поля, итого будетъ въ полѣ по 139 десятинъ бес получети и пол-пол-пол-третника: а четвертные пашни во всѣхъ трехъ поляхъ будетъ 833 чети с третникомъ, а въ полѣ иметца по 278 чети без четверика и бес пол-пол-третника.

2) Слѣдовало бы: двадцать семь тысящъ пятьсотъ четвертей, см. ниже.

3) Чтеніе возстановленное.

4) Т. е. 25.000 × 100 = 2.500.000: двѣ тысящи пятьсотъ тысящъ.

съ лесо^в же звѣріе и мѣл, с рѣк же рыбѣ и боброве; аще ли гдѣ лѣсъ в поли^тца ¹⁾ есть, — медвеніи и звѣрїи^ныя оброки оставлят^ь: поне^ж ѡже хлѣбо^м дадятъ с того пятаю чать.

Тако ѡбо дѣтои^т и бояромъ і во^намъ даят^ь поприщѣм^ь, а не чет^вертѣм^ь комѣждо по его достои^нству. Аще ѡбо есть отъ бояръ соверше^н, комѣ тысяща чет^верте^ь достоитъ прїят^ь, семѣ убо въ дол^гготу два по^лрища, і в преки^ж два^ж поприща чет^верогра^нно по ѡбоима концема ѡдо^б есть даяти по сему счетованію — за тысящѣ чет^ь в поле, а ^вдву потомѣ^ж — по толліе^ь же мѣре; кромѣ того^ж емѣ бѣде^т за сѣно и за лѣ по сту и по аї че^ь в поле. Аще ^{ли} мни сею комѣ о^т воево^д достоитъ — се^мь сотѣ пятьдесятъ чет^верте^ь прїяти, — семѣ ѡбо в дол^гготу два по^лрища, а в преки по^лтора по^лрища по обѣма ко^нцема удо^б есть даят^ь по сему счетованію — за ѡн че^ь в поле, а ^вдву поляхъ по то^ь же мѣре, кромѣ того еже емѣ бѣде^т за сѣно и за лѣ — по ѡсмидеся^т и по три че^ь в поле. Аще ^{ли} же кому воинѣ^ь достоитъ прїяти пять сотѣ че^ь семѣ убо в дол^гготу два поприща, а ^впреки едино поприще по обѣма ко^нцема ѡдо^б есть даят^ь по се^му счетованію — за ѡ^ь ²⁾ че^ь в поле, а ^вдву поляхъ потомѣ^ж мѣре того ³⁾, кромѣ того еже бѣде^т за сѣно и за лѣ по пятидеся^т по пяти че^ь в поле. Аще ^{ли} ко^му дѣтои^т прїят^ь четьреста два^тца^т і пя^т че^ь, семѣ убо в дол^гготу по^лтора по^лрища, а впреки едино по^лрище по обѣма ко^нцема удо^б есть даяти по сему счетованію за ѡ. без два^тца^т че^ь в поле, а ^вдву поляхъ потомѣ^ж мѣрѣ, кромѣ того еже е^му бѣде^т за сѣно и за лѣ по .ма. че^ь с осминою в поле. Аще^{ли} же ко^му достоитъ прїят^ь по^лтретья ста чет^верте^ь, семѣ убо в дол^гготу і в преки чет^верогра^нно по^лрища по обѣма ко^нцема ѡдо^б есть даат^ь по сему счетованію за по^л третья ста че^ь в поле, а ^вдву поляхъ по^лтолице^ж мѣре, кромѣ того еже е^му бѣде^т за сѣно и за лѣ по .ки. че^ь бе^з полу осмины в поле. Аще ли же ко^му достоитъ прїят^ь сто дватца^т пять че^ь, семѣ убо в дол^гготу по^лрище, а в преки по^лпоприща по обѣма ко^нцема удо^б есть даяти по семѣ счетованію — за рѣ че^ь в поле, а ^вдву поляхъ по толице^ж мѣре, кромѣ сего е^ж емѣ бѣде^т за сѣно и за лѣ по ді че^ь в поле. Аще ли гдѣ бѣде^т поприще поприщѣ земля неро^вно есть: бо тако и людіе сѣтъ во единодо^бствїи, сїирѣчь равен^нствѣ, имѣ^т же нѣкоя о^тстоянія ме^жду себя, сущи равно; — по члѣкѣ убо ра^зсмотримъ і по^лрища ра^здѣля^ь: лѣчшимъ лѣчшая.

1) Т. е. бѣде^т спален^ь, сожжен^ь подѣ пашню?

2) Очевидно, вмѣсто ѡ.

3) Очевидно, лишнее слово.

Приемля же землю бояри^н или воевода или воинъ имать свои^х ратае^в дово^лство по свое^{му} достои^нствѣ. Аще бо пятую часть жить¹⁾ взимая, семе^н же не ^вдаетъ ратае^м, — аще же бл^гволи^т Б^гъ, в зе^мли едино зерня сотвори^т пя^т зернѣ, — и комѣждо убо вдано есть поприще едино, се^в во^зметъ ѿ своихъ ратае^в пятыя ч^ат^ь полтретья ста че^т ржи, да яри того вдвое; симъ убо доволенъ б^одетъ: не достои^т бо никомѣждо бояро^м и воеводамъ і воина^м, своя ратая имѣще, с нихже серебро имать. Аще бо кто пре^д инымъ вои^н вели^к есть, то по достоянію его бо^лши вдано есть земли емѣ^ж, тако и ратае^в свои^х бо^лши стяжу^т пре^д инымъ, овою вдвое, овою втрое, инѣже в се^дмеро и восмеро. Аще^ж комѣждо на по^требу ѿдо^б б^одетъ серебро им^ат^ь, к^иждо излишняя своя и се безпошлинно продае^т гра^дцкимъ жителемъ, елицы хлѣбы кѣпують, и симъ — на потребу свою серебро притяжи^т. Како ѿбо у ратае^в серебра хотѣт^ь? — и того ради и^х якожъ видимъ мѣкамъ томимы: с^ии бо серебра не созидають, на²⁾ хлѣбъ назидаютъ; сего³⁾ у нихъ подобаетъ хлѣбъ пр^иимат^ь по и^иосифа прекр^аного ѿставу, пятую часть, тако^ж і сѣна и дро^в достои^т пр^иимат^ь пятую часть.

Проти^в же ратны^х и^сходитъ тако: иже имать црская даяніа въ содержаніе земли въ до^лготу і вопреки четверогранно поприще, семѣ подобаетъ быт^ь само^{му} и с нимъ служ^б во бранѣхъ; а прочимъ по томѣ жъ счетованіа⁴⁾: на толице убо мѣре земли .к̄. ратае^в по^лныхъ жребіевъ по ві че^т с осминою во всякомъ поле, кромѣ сѣна и лѣсу; сего ради десять едино⁵⁾ на десять того к воинству сподобя^т. Аще ли цр^ь в^охоще^т, дабы воинству⁶⁾ проти^в ратны^х во единъ днѣ собиралося, подобно есть емѣ всѣмъ во едино^м мѣсте повелѣт^ь, дабы не жити⁷⁾ во градѣхъ, яко да ѿставленое свое повеля^т привозити к себѣ ратае^м и пр^иемлю^т хлѣбъ и сѣно и дрова у ратае^в свои^х, сами^ж жите^лств^ют^ь во градѣхъ сего р^ад^и, ако едина грамота о вои^нстве пр^ииде^т к нимъ и единого ч^еу вси, слышавше, усрамя^тся др^уг^у о^т др^уга о^тл^учатися, но единомы^слено і въ единъ днѣ гряд^ут^ь вси на поручную имъ службу.

1) Жить.

3) Пропущено: «ради»?

5) Едина?

7) «Дабы жити» или «дабы не жити въ селѣхъ»; ср. ниже.

2) Но?

4) Счетованію.

6) Воинство.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Отъ автора III—IV.

Общая оцѣнка книги А. С. Лаппо-Данилевскаго въ печатныхъ отзывахъ 1—2.

Выборъ темы 2—5. Распредѣленіе матеріала 5—7. Приемы изложенія 7—8.

I. *Время предшествующее XVII вѣку.* 8—76.

1. Податная система 8—24.

Общая схема 8—9. Налоги выводимые изъ отношеній дворцоваго хозяйства (оброкъ; дьячьи и подьячьи пошлыны; намѣстничьи и волостелины кормы) 9—13. Налоги выводимые изъ потребностей государственной защиты (стрѣleckія, пицальныя, емчужныя деньги, на городовое и засѣчное дѣло, городовое дѣло и посопная повинность) 14—17. Налоги выводимые изъ татарскаго завоеванія (дань, ея роль въ исторіи финансовой организаціи; ямъ какъ повинность и какъ налогъ; полонянничныя деньги; процентные сборы) 17—24.

2. Волостная финансовая организація. 24—34.

Общая схема 24—25. Терминъ «община» въ употребленіи автора 25—26. Волость (—марка?) русскаго сѣвера. 26—29. Владѣльческая община центра 29—31. Появленіе въ ней хозяйственной организаціи 31—32. Положеніе черныхъ волостей въ центрѣ 33—34.

3. Техника податнаго обложенія. 35—76.

а. *Окладная единица (соха)* 35—52.

Смѣна значеній «сохи» по мнѣнію А. С. Лаппо-Данилевскаго 35. Соха, какъ единица рабочей силы; ея выраженіе въ колеблющейся площади пашни (соха новгородская и московская; ошибочныя опредѣленія ихъ размѣровъ у Бѣляева) 36—39. Соха, какъ опредѣленнаго размѣра площадь посѣва (отсутствіе связи между происхожденіемъ ея и происхожденіемъ десятиннаго измѣренія). 39—40. Два типа сотныхъ выписей XVI в. 41. Колебанія размѣра сохи въ первомъ типѣ; вѣроятность измѣренія ея въ это время рабочей силой; отношеніе ея къ древней сохѣ. 42—45. Установленіе размѣровъ сохи въ сотныхъ выписяхъ втораго типа; наддача

и одобряваніе сохъ низшихъ сортовъ земель. 45—47. Размѣръ сохъ разныхъ сословій. 48—49. Выводъ о фиксированіи размѣровъ сохи въ началѣ второй половины XVI в. 50. Подтвержденіе этого вывода исторіей составленія писцовыхъ книгъ XVI в. 50—52.

в. *Руководство къ сошному обложенію («книга сошнаго письма»)*
52—76.

Списки книгъ сошнаго письма 53—55. Первая редакція сошнаго руководства («царево уложеніе помѣстнымъ землямъ» и двѣ другія части) 56—60. Его пробѣлы и восполненіе ихъ (вытнаго счета и одобряванія) во второй редакціи сошнаго руководства 60—64. Разверстки податей во 2-й редакціи. 65. Геодезическое руководство книги сошнаго письма и его вѣроятное происхожденіе 66—72. Вопросъ о византійскомъ вліяніи на русскія писцовыя книги 72—73. Проектъ введенія новой землемѣрной единицы 74—76.

II. *XVII-е столѣтіе. 77—156.*

1. Податные классы 77—89.

Содержаніе первой главы книги А. С. Лаппо-Данилевскаго 77. Податныя привилегіи сословій изображены только по отношенію къ личному, а не къ владѣльческому и не къ корпоративному положенію дворянства, купечества и духовенства 77—79. Составъ сельской тяглой общины; положеніе половниковъ 79—81. Посадская тяглая община; ея подраздѣленія; вступленіе новыхъ тяглецовъ 81—83. Вліяніе правительства на составъ тяглой общины (прикрѣпленіе, дѣловые и задворные люди, ссудная запись) 83—88. Борьба городскихъ и уѣздныхъ тяглыхъ интересовъ (дифференціація города и села въ XVII в. по взгляду автора) 88—89.

2. Податная система 89—103.

Судьба податей XVI в. въ XVII-мъ столѣтіи. 89—90. Старая и новая ямская подать. 90—92. Исторія стрѣлецкой подати (старыя пищальныя и новыя стрѣлецкія деньги; различіе денежной подати и денегъ за стрѣлецкій хлѣбъ, таблица уплатъ хлѣбомъ и за хлѣбъ; первоначальное тожество обоихъ видовъ стрѣлецкой подати. Смѣшеніе ихъ у автора. Смысль реформы 1672 г. Реформа 1679—1681 гг.) 92—98. Оброкъ, соляной налогъ 1646 г.; городская подать 1679—81 г., какъ «попытки упрощенія системы прямыхъ налоговъ. 98—99. «Терминологія и классификація прямыхъ налоговъ въ XVII в.» съ точки зрѣнія терминологіи и классификаціи современной финансовой науки. 99—101. Глава IV-я о личныхъ повинностяхъ и катуральныхъ сборахъ (воинская повинность, хлѣбные запасы какъ регулярная подать на югѣ, ясакъ) 101—103.

3. Механизмъ податнаго обложенія и раскладки. 103—131.

Народныя переписи XVII в.: писцовыя и переписныя книги: смѣшеніе у автора ихъ назначенія (для сошной и подворной раскладки) 103—105. Сравненіе переписей XVII в. съ «современными статистическими данными» по отношенію къ рациональности ихъ составленія и ихъ достовѣрности 105—106. Соха и ея размѣръ по качеству земли и по сословіямъ. 106—107

Быть и ея отношеніе къ сохѣ 107—109. Объясненіе одоброванія сведено къ одному спеціальному случаю его примѣненія, выходящему, притомъ, изъ сферы податныхъ отношеній (наддача и одоброваніе служилаго оклада) 109—111. Измѣреніе площади двора служить-ли для сошной, или для подворной раскладки? 111—113. Причины паденія сошнаго письма по автору (развитіе городовъ, увеличеніе распаханной территоріи и упадокъ земледѣлія) 113—115. Дѣйствительный смыслъ реформы 1630—31 г. (Живущая четверть и ея происхожденіе; ея первоначальный смыслъ и причина перевода ея на извѣстное количество дворовъ) 115—117. Колебанія размѣровъ живущей четверти. 118. Ошибочное противуположеніе живущей четверти сошному письму и ошибочное сближеніе ея съ подворной податью (Дальнѣйшая судьба сошнаго письма. Оно служило для раскладки тѣхъ же податей, какъ живущая четверть, но въ разныхъ мѣстностяхъ. Подворная раскладка служила для другихъ податей, чѣмъ соха и живущая четверть: именно, для новыхъ экстренныхъ сборовъ). 119—122. Смѣшная живущую четверть съ подворной раскладкой, авторъ объясняетъ происхожденіе подворной подати причинами, которыя могутъ относиться только къ происхожденію живущей четверти. 122—123. Дѣйствительныя причины введенія подворной подати и одновременнаго сохраненіе сошной и четвертной раскладки 123—124. Менѣ репартиціонный характеръ подворной подати. 124—125. Терминологическое недоразумѣніе въ главномъ выводѣ автора 126—127. Мірская раскладка податей въ черныхъ волостяхъ (разводъ и разрубъ; орудія разруба: веревныя книги и окладной списокъ: смѣшеніе послѣдняго съ «денежнымъ счетомъ» сошныхъ книгъ и невыясненность роли его въ процессѣ разруба. Развытка, какъ особый типъ раскладки) 127—130. Посадская раскладка. Лавочный оброкъ: его назначеніе съ помощью и безъ помощи мірской раскладки 130—131.

4. Финансовая администрація 131—156.

а. Областная. 131—132.

Общій характеръ сопоставленныхъ данныхъ и выводовъ изъ ихъ сопоставленія. 131—132.

б. Центральная. 133—156.

Особыя условія изученія центральной системы. 133. Три стадіи развитія центральныхъ учрежденій по Градовскому; сопоставленіе ихъ у автора съ тремя «принципами распредѣленія поступлений». 134. Неудобство этого сопоставленія по отношенію къ первому, «вотчинному» принципу. (Изъ дворцовыхъ приказовъ одинъ Большой Дворецъ имѣетъ важное финансовое значеніе. Но это значеніе основывается не на «вотчинномъ» характерѣ его поступлений. До середины XVI в. Дворецъ есть единственное центральное финансовое учрежденіе и вѣдаетъ всѣ налоги, поскольку они вѣдаются вообще центральной администраціей. Во второй половинѣ XVI в., съ выдѣленіемъ территоріально-финансовыхъ приказовъ, Большой Дворецъ самъ становится территоріально-финансовымъ приказомъ) 135—137. Территоріальный принципъ поступлений. Вопросъ о происхожденіи четей (связь ихъ территорій съ территоріями

древнихъ княжествъ. Предполагаемыя перемѣны, превратившія областныя управления въ московскія чети) 137—141. Неполнота характеристики четей XVII столѣтія. 141—142. Устойчивость ихъ территорій 142—143. Расходы четей 143. Финансовое вѣдомство Разряда. 144—145. Принципъ систематизаціи поступленій. Систематизація сословнаго характера: Большая казна, Монастырскій приказъ. 145—146. Систематизація по характеру податей: косвенныхъ сборовъ, ямскихъ, полонянничныхъ и стрѣleckихъ. Недоразумѣнія въ исторіи поступления этихъ податей. 147—149. Случаи сліянія разныхъ приказовъ и общій выводъ объ успѣхахъ систематизаціи къ концу XVII в. 150—151. Контрольныя учрежденія XVII в. Отчетность и бюджетъ: вопросъ о существованіи государственныхъ росписей (годовыя смѣты 1620-хъ годовъ, вѣроятное существованіе росписи 1646 г., роспись 1680 г.) 151—153.

Общее заключеніе. 153—156.

Приложеніе I.

Списокъ писцовыхъ и дозорныхъ книгъ XV — XVI в. 157—173.

Указатель по уѣздамъ. 174—175.

Приложеніе II.

Проектъ введенія новой земельной единицы «поприща» для финансовыхъ и военныхъ цѣлей. 176—179.

Оглавленіе. 180—183.

Поправки. 183.

ПОПРАВКИ.

На стр. 38 вмѣсто 1555 слѣдуетъ читать 1554 годъ
вмѣсто 1551 » » 1550 »

На стр. 43, прим. 2 вмѣсто стр. 51 слѣдуетъ читать стр. 32.

На стр. 119. При переводѣ дворовъ на десятины мы упустили изъ вида, что далеко не всякій дворъ сидѣлъ на полной выти.

